63.3(2Рос.Ком)
Коми
библ
КРАЕ
Е-32
872165

ЗАПИСКИ

Общества Изучения Коми Края

Выпуск 1.

Bulletins de la Société Scientifique d'Etude de la Region de Komi.

Издание Об-ва Изучения Коми Края
г. Устьсысольск
1928 г.

91(062) (ИУ.223)
85
63.3(2Рос.Ком)
~~902.7~~
З-32

ЦЕНТР. ГОСБИБЛИОТЕКА ТССР
Инв. № ~~235133~~ 3

ЗАПИСКИ
Общества Изучения Коми Края

Выпуск 1

872165

Bulletins de la Société Scientifique d'Etude de la Region de Komi.

Коми республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. В. И. ЛЕНИНА

Издание Об-ва Изучения Коми Края
г. Устьсысольск
1928 г.

Отпечатано в Типографии
Коми Издательства
— гор. Устьсысольск. —

Зырлит № 318. Заказ № 28. Тираж 700

От редакции.

До Октябрьской революции Коми народ быстро шел по пути слияния с общерусской культурой и жизнью и постепенно терял свои обычаи, поверия и, наконец, свой родной язык, в значительной мере уже тронутый влиянием русского языка. Нет сомнения, что общерусский порядок управления, общерусская регламентация общественной жизни Коми народа привели бы к тому, что в недалеком будущем Коми народ, а особенно передовые культурные слои его постарались бы ничем не отличаться от русских, скрывая свою национальность и свой родной язык. Общерусская школа способствовала в этом же направлении. При таком темпе ассимиляции, разумеется, не могло быть речи о Коми краеведении, поставленном сколько нибудь систематически, — о краеведении, проводящемся на месте, в Коми крае.

Нечто единое и целое Коми народ стал представлять из себя только после получения автономии, а до этого были только „инородческие" волости разных уездов в разных губерниях. При таком административно-правовом положении, не могло быть какого либо единства действий по изучению прошлого народа Коми; занятие краеведением могло быть уделом лишь отдельных лиц, имевших возможность пользоваться научными материалами, находившимися обычно вне Коми края и потому недоступными для рядового любителя старины. Труды научно—исторического характера, прямо или косвенно относящиеся к Коми народу, теперь чаще всего являются библиографической редкостью и удовлетворить интерес рядового читателя не могут.

Общество Изучения Коми Края с первых дней своего существования было поставлено перед необходимостью создания собственной библиотеки, где бы могли быть сконцентрированы с наибольшей полнотой все древние исторического характера письменные памятники, относящиеся к прошлому Коми народа. Цель создания такого вспомогательного учереждения возникала из существа поставленных перед Обществом задач, а именно: дать возможность местным культурным силам подойти вплотную к изучению

края. Однако работа по созданию библиотеки,—а главным образом извлечение архивных рукописных материалов из центральных книгохранилищ, — оказалась весьма трудной и требующей значительных средств. В этом направлении Общество пока достигло весьма еще незначительных результатов, и в дальнейшем ему предстоит упорная и продолжительная работа по сконцентрированию исторических материалов. Выполнить эту работу удастся полностью только при живейшем участии всех культурных сил Коми народа и затрате значительных средств.

До сих пор мы не могли еще перевести в библиотеку общества архив Яренской воеводской канцелярии, имеющий в настоящее время громадный исторический интерес. Однако, и при своих сравнительно небольших достижениях в деле собирания исторических материалов, Общество Изучения Коми Края успело к данному времени собрать довольно значительное количество их: этот, собранный Обществом, исторический материал может стать в известной мере ориентировочным для всех интересующихся историческим прошлым Коми народа.

Помещенные в настоящем выпуске „Записок" Об-ва статьи исторического характера, обоснованные на указанных выше материалах, являются первыми опытами местных культурных сил в деле изучения истории Коми народа.

Авторы этих статей—не профессионалы-ученые.

Не вполне разделяя некоторые выводы авторов, Редакция с живой готовностью предоставит на страницах последующих выпусков „Записок" место для самой широкой полемики и обмена мыслей, как по существу указанных выше статей, так и вообще по вопросам, касающимся исторического прошлого и этнографии Коми народа и изучения производительных сил его страны.

Если страницы „Записок" Об-ва Изучения Коми Края станут ареной столкновения самых различных историко-этнографических выводов; если вокруг поднятых вопросов закипит „словесная война",—мы будем искренно рады: из столкновения мнений рождается истина. Пусть только пробудится интерес к делу, пусть зашевелится дремлющая мысль. Тогда мы скажем, что наша цель достигнута, ибо всякая научно-изыскательская работа может двигаться вперед только при наличии широкого коллективного творчества при массовом пробуждении научно-изыскательской мысли

Раскопки Археологической Экспедиции Коми Края 1925 г. (М. Е. Арсаковой, Е. М. Витвицкой, А. В. Дмитревской, Е. Н. Липеровской, В. П. Левашевой, П. А. Дмитриева, А П Смирнова).

I

Отчет о раскопках городища Карамыльк, близ села Карабив, Айкинской волости Устьвымского уезда Коми Области, на правом берегу р. Вычегды.

Городище „Карамыльк", (что в переводе с языка Коми значит „городок на холме"), расположено на правом берегу р. Вычегды, на высоком холме неправильной формы, вытянутом с СВ на ЮЗ. Склоны городища покрыты мелким хвойным лесом. ЮЗ склон городища спускается круто к долине реки Вычегды; СЗ склон немного более отлого спускается к оврагу, по которому протекает ручей. Южный угол городища переходит в другой холм меньшей высоты, с которым он соединен узким перешейком, так что с трех сторон этот холм мало доступен. Только СВ склон спускается более отлого. По этому склону теперь идет дорога в селение Карабив.

С северной стороны, на склоне, заметен неглубокий ров с небольшим валом, который, очевидно, заходил и на СВ склон, бывший более всего доступным, но где ров, благодаря проходящей здесь в настоящее время дороге, мог вполне уничтожиться.

По словам старожилов сел. Карабив, — холм этот лет 50 тому назад был распахиваем около 3-х лет, благодаря чему верхние слои могли быть перевернуты. Следы от межей до сих пор заметны.

До нас это городище копал проф. Грен, которым сделан по краям городища ряд небольших ям ввиде шурфов.

Нами на городище проложены три траншеи. Первая траншея проложена по середине городища, поперек его. Длина ее 21 метр, ширина 2 метра, глубина—40 см. Мощность культурного слоя—12 см. Под культурным слоем замечен грунт, состоящий из гравия с песком. В траншее обнаружены 4 очага и 2 ямы. Траншея дала значитель-

ное количество железных, костяных и медных предметов, обломков гладких и орнаментированных глиняных сосудов, шлаки и кости домашних животных, птиц и рыб.

Вторая траншея была заложена параллельно к первой, отступая от нее к ЮЗ на 50 см. Длина траншеи 14 метров, ширина 2 метра, глубина—35 см. Мощность культурного слоя 10 см.

В этой траншее обнаружен лишь один небольшой очажек, давший несколько железных предметов и значительное количество железных шлаков.

В самой же траншее найден лишь один медвежий клык со следами сверления и незначительное количество гладких и орнаментированных обломков глиняных сосудов и очень небольшое количество костей животных и рыб.

Третья траншея проложена перпендикулярно к первой траншее примыкая к ее участку № 2 и идя от нее на СВ. Длина траншеи 25 метров, ширина 2 метра, глубина 40 см. Мощность культурного слоя в ЮЗ части 12 см., в СВ части 20 см. В траншее обнаружено 5 очагов. Найдено значительное количество железных и медных предметов, шлаки, обломки глиняных сосудов и кости животных. Костяные изделия в третьей траншее совершенно отсутствовали.

Одна из ям (№ 2), больших размеров,—1,70 м. диаметре,— глубиною в 1 метр, служила, очевидно, для сваливания в нее отбросов. Она была заполнена культурным слоем с песком и костями животных (коровы, лошади).

Из вещей найдены только бронзовая трубочка с раздутостями и медная пластинка.

Очаги, встреченные нами, были нескольких типов. Два очага были сложены на грунте из камней, на которых заметны следы огня. В одном из них (№ 10) вещей совершенно не найдено, в другом (№ 5)— несколько железных предметов, и вокруг него— большое количество железных шлаков. Один очаг (№ 3) был сложен из камней, врытых в небольшую яму овальной формы, На камнях лежали крупные кости коровы. Остальные очаги (№ 1, 2, 4, 6, 8 и 9) представляли из себя ямы, полусферической или конусообразной формы. В некоторых из них (№ 2, 1 и 8) камни со следами огня шли по стенке, в середине, или на верху ее, горизонтальным поясом в один ряд. В других же камни были сложены на дне очага (№№ 4, 6 и 9).

В очагах находились зола, угли, обожженные и необожженные кости животных, обломки глиняных сосудов, железные, медные и костяные предметы. В двух из них (№ 6 и 8) никаких предметов не найдено.

Под одним из этих очагов (№ 4), на глубине 1 м. 5 см., был обнаружен сруб из обожженных деревянных плах, которые по углам были укреплены колышками, с завалившимися внутрь стенками. Сруб вытянут с СЗ на ЮВ. Длина его 2 м. 35 см., ширина 1 м. 30 см.

Высоту сруба и толщину его стенок, благодаря плохой сохранности, определить не удалось.

В срубе найдены обломки глиняных сосудов, гладких и с линейным орнаментом, а также кости коровы и птиц.

Пространство между очагом и срубом было заполнено гравием, в перемежку с культурным слоем, который, очевидно, засыпался сбоку, при обвале стенок сруба.

Последний из очагов (№ 7) представлял из себя также яму круглой формы, диаметром 1,50 м., глубиною — 0,60 м., на дне которой были камни со следами действия огня, но от всех предыдущих он отличался тем, что с ЮЗ стороны он имел подход двух метров длины и 0,70 метров ширины, а также тем, что в нем найдено очень мало вещей, тогда как значительное их количество найдено вокруг него, где культурный слой значительно жирнее, чем во всей траншее. Вполне возможно, что над этим очагом было какое-нибудь жилище.

Под этим очагом на глубине 1,30 м., также находится сруб из обугленных плах, но большой величины. Длина его — 4 метра, ширина — 1,25 м. Вытянут с ЮЗ на СВ. Вещей и костей в нем не обнаружено.

Боковые стенки его также обвалились, и пространство между ними и очагом заполнено гравием с культурным слоем.

Окончив общий обзор городища Карамыльк, переходим к детальному описанию вещей, рассматривая их по материалу и назначению, определяя по возможности место и время их распространения.

I. Предметы из железа.

1) Лемех, найденный на городище (транш. III, слой 2, уч. 4) имеет длину 24,5 см., в вышину 8,5 см., причем лопасть (рабочий конец) длиной 11 см., а трубица (часть служащая для скрепления) — 13,5 см. Лемех приготовлен из треугольной пластинки, причем в задней части у него края загнуты, что позволяет скреплять его с деревянной частью. Подобный лемех известен из коллекции Теплоухова из Соликамского уезда Пермской губ. Теплоухов относит этот лемех к X-XIII веку.[1]) А. А. Спицын, описывая коллекции Теплоухова, относит этот же лемех к XIII-XIV веку,[2]) хотя не считает эту дату окончательной. Так, он пишет:—„Так как ральники найдены.... почти исключительно в местностях, известных находками поздней поры, то, вероятно, они принадлежат уже к более позднему времени, Болгарской культуре, хотя с уверенностью утверждать этого нельзя“ [3]). По

[1]) „Пермский Край“, том I — ст. Теплоухова — „Земледельческие орудия Пермской Чуди“—табл. I. Рис. 5.

[2]) Материалы по арх. России вып. 26.

[3]) Там-же.

словам местного зырянского населения,—подобного рода лемехи, встречаются у них до сих пор. Этот тип лемеха можно считать финским, существовавшим с X до XIV века и позднее.

2). Ножей найдено на городище 9 целых экземпляров и 6 обломков. Эти обломки принадлежат, очевидно, к тем же типам что и сами ножи. Все они железные, черешковые, и отличаются между собой лишь тем, что у одних концы острые, а у других закругленные. Приготовлены они из пластинки, путем горячей ковки, после чего заточены. Некоторые экземпляры ножей сильно сточены. Появляются эти ножи в раннюю пору неометаллической эпохи и продолжают существовать как в среднюю, так и в позднюю пору. Известны они во многих культурах и поэтому никакой датировки дать не могут.

3). Конские удила найдены в двух экземплярах (транш. III, слой 1, уч. 5 и траншея III, вырезка 4-го и 5-го участка, слой 1). Они состоят из двух стержней с загнутыми ввиде петель концами, для скрепления между собой и со свободно вращающимися кольцами для прикрепления ремня. Подобные удила известны в финских могильниках (Борковской могил. [1])—III-VII в., Максимовский мог. XI века, [2]) а также и среди славянских вещей X века и позднее. [3])

4). Ножницы найдены в очаге № 2, длиной 25 см. Сделаны они из одного стержня, согнутого пополам. Верхняя часть (загиб) является пружиной, концы же расплющены и отточены. Употребляются такие ножницы для стрижки овец и встречаются как у финнов (Борковской могильник), [4]) так и у славян (Гнездовский могильник IX-XII веков). [5])

5). Крючки рыболовные — один экземпляр целый, длина его 8 см. (транш. III, уч. 4, слой I), другой — сломанный, длиной $4^1/_2$ см. (траншея III, слой 1, уч. 5). Сделаны они из железной проволоки, один конец которой расплющен для скрепления с лесой, другой же оканчивается жалом. Подобные крючки известны из раскопок А.А. Спицына в Глазовском уезде Вятской губ., городище Учки-Кор [6]) и из коллекции Теплоухова, при описании которой Спицын относит их к XIII-XIV векам [7]).

6). Острога (Транш. III, вырезка 4 и 5 уч., слой 2) — 12 см. длиной, с одним зубом на конце. Подобные остроги известны в финских и славянских культурах средней и поздней поры неометаллической эпохи.

7). Шило железное с костяной рукояткой, стержень имеет четырехгранную форму. Наибольший интерес представляет рукоят-

---

[1]) ГИМ—зал 5 витр. 3/5-бл.
[2]) ГИМ—зал, 5 витр. 6/3-е.
[3]) ГИМ—зал, VIII, витр. 2/4-б.
[4]) ГИМ, зал 5, витр. 3/5-а.
[5]) Материалы по арх. России, вып. 29, табл. VI и VII.
[6]) Запасные коллекции ГИМ шкаф 17,-36-б.
[7]) Материалы по арх. России, вып. 26.

ка, которая будет рассмотрена ниже, в отделе костяных предметов.

8). Стержень с кольцом на конце. Длина его 6 см., толщина $3^1/_2$ мм. Диаметр кольца около $^2/_3$ см. (Транш. III, вырезка 4 и 5 уч., слой I). Стержень несет на себе нарезки, ввиде параллельных полос. Как сообщает А. А. Спицын, подобные стержни попадаются в большом количестве в Скандинавии. В России подобный стержень найден в Костромских курганах и относится Спицыным к XI-XIV векам. [1]) Стержень этот мог употребляться в качестве пробоя для запора. Второй стержень с кольцом, плохой сохранности, найденный на городище, по размерам больше первого.

9. Ложкарник. Инструмент ввиде стержня, с расплюснутым одним концом, загнутым ввиде крючка и отточенным с одной стороны. (Траншея III, очаг № 7). Подобные орудия, по словам проф. В. А. Городцова употребляются до настоящего времени для изготовления деревянных ложек. Такой же инструмент найден в Гнездовском могильнике, Смоленской губ. [2])

10) Пластинка овальной формы (Траншея III, очаг № 9) длиною 8,5 см., шириной 4 см. Пластинка эта могла употребляться и в качестве ножа, и в качестве скребка; аналогии ей не найдено.

11). Пробойник. (Транш. III, слой I, уч. 3). Полной аналогии ему в древних культурах не найдено, хотя близкие известны у славян. Такие пробойники существуют до настоящего времени.

12). Стрелы. На городище найдены 4 железных стрелы, из которых три плоских и одна четырехгранная:

а) Наиболее характерною и лучшей по сохранности является плоская ромбическая стрела (очаг № 5), длиной 7,5 см., с круглым черешком. Близкий ей тип встречен в Лядинском могильнике Тамбовской губ. X века, [3]) в раскопках Первухина в Глазовском уезде Вятской губернии [4]), а также в курганах смоленских кривичей [5]).

б) Стрела по форме близкая к ромбической, с плоским и широким черешком. Длина ее 11 см. (очаг № 5). Аналогичный тип приведен Спицыным в его статье „Приуральские окраины", [6]) а также близкий тип в Максимовском могильнике XI века. [7]). Среди славянских культур подобный вид стрелы встречен в курганах Новгородских славян, раскопанных Бранденбургом [8]).

в) Стрела плоская, трехугольная с широким плоским черешком, длиной в 12,5 см. (Очаг № 7). Точной аналогии ей не найдено, но близкая форма встречается среди славянских.

---

[1]) Материалы по арх. России, вып. 20.
[2]) ГИМ, зал VIII, витр. 4/1-в.
[3]) ГИМ, зал V, витр. 5.
[4]) Материалы по арх. восточн. губ. России вып. 2 табл. XV.
[5]) ГИМ—зал. VIII.
[6]) Материалы по арх. восточн. губ. России, том I табл. XII.
[7]) Материалы по арх. России, вып. 25, табл. XXIV.
[8]) ГИМ, зал IX.

г) Четвертая стрела имеет узкую четырехгранную головку и четырехгранный же черешок. Длина ее 7 см. (очаг № 4). Близкие к ней стрелы найдены в Лядинском могильнике [1]), из раскопок Ястребова в Тамбовской губ. [2]), из раскопок Первухина в Глазовском уезде Вятской губ., а также в Гродненской губ. X-XIV веков.

II. Предметы из кости.

1) Стрелы. Кроме железных, на городище найдены 2 костяных стрелы:

а) Трехгранная черешковая (Транш. I, слой 2) хорошо отполированная, с плоским черешком. Длина стрелы 8 см. Этот тип стрелы можно проследить, начиная с культур Дьякова типа и до более позднего времени [3]). Близкие типы известны из раскопок Спицына в Вятской губ. [4]) и из коллекции Теплоухова. Спицын относит эти стрелы к X—XIII векам.

б) Стрела четырехгранная, черешковая. Черешок имеет слабо выраженные грани. (Траншея 1, слой 2). Близкий тип стрелы указывает А. А. Спицын [5]).

2) Рукоятка от ножа. (Траншея 1, слой 2), цилиндрической формы, хорошо отполированная, без орнамента. В сечении дает ромб с закругленными углами. Верхний край рукоятки гладко срезан. Один из углов ромба выступает и, благодаря этому, вверху рукоятки образуется носик. Длина рукоятки 12 сантиметров. Точной аналогии нашей рукоятке найти не удалось, но вообще, костяные рукоятки обычны в костеносных городищах Вятской губернии из собрания Первухина [6]) и Спицына. [7])

3) Шило с костяной рукояткой (очаг № 1). Рукоятка имеет вид трехугольника с полукруглым основанием и закругленными углами, опирающегося вершиной на цилиндрик. Длина ее $6^1/_4$ сантим., ширина—в верхней части—$5^3/_4$ см. и толщина—8 мм. В верхней части рукоятки, на углах, находятся два отверстия, просверленные с двух сторон. Эти же углы сбоку имеют по жолобку. Обе плоскости рукоятки покрыты кружковым и пунктирным орнаментом. Мелкие точки обрисовывают контур трехугольной части, а пять кружков с точками внутри образуют крестообразную фигуру в центре туехугольника. Поясок из кружков идет и по цилиндрической части рукоятки, в которую вставлено железное шило четырехгранной формы. Точно такие же рукоятки нам неизвестны, но имеются близкие аналогии к ней. В открытых залах Гос. Исторического музея [8]), в собрании Пер-

---

[1]) Материалы по арх. России, вып. 20.
[2]) ГИМ, зал V, витр. 5.
[3]) ГИМ, зал V.
[4]) Запасные коллекции ГИМ. шкаф IX-46-б.
[5]) Материалы по арх. Восточн. губ. России, вып. 1, табл. III.
[6]) ГИМ, зал V, витр. 2/2.
[7]) ГИМ, зал V, витр. 1/4.
[8]) ГИМ, зал V, витр. 2.

вухина из Глазовского уезда Вятской губ., имеются три, близких к нашей, рукоятки. Две из них с пунктирным и одна с кружковым орнаментом. По форме они несколько отличаются от нашей, но все же в основе этой формы лежит трехугольник. Углы у оснований этих трехугольников сильно вытянуты, и в них просверлены вертикальные отверстия, соответствующие желобкам нашей рукоятки. Очевидно,—это более ранняя форма, и желобки на нашей рукоятке являются пережитками этих вертикальных отверстий. Еще большее сходство с нашей рукояткой имеет рукоятка из сел. Кудымкар Пермской губерн. [1]). По форме эта рукоятка очень близко подходит к нашей, хотя отверстия у нее расположены так же, как и на рукоятках из собрания Первухина.

А. А. Спицын осторожно относит эту рукоятку к XI-XIV векам.

4) Проколка из грифельной кости лошади (Транш. 1, слой 2), заостренная на одном конце и закругленная на противоположном. Подобные проколки известны из Ананьинского могильника, костеносных городищ Вятской губ. и многих других мест. Они, повидимому, бытовали долго, а поэтому не могут иметь большого значения для датировки.

5) Обломок иглы для вязания сетей (Транш. 1, слой 2) с просверленным с двух сторон отверстием. Никаких следов обработки, кроме отверстия, на обломке не заметно. Подобные иглы встречены в большом количестве в костеносных городищах, в Ананьинском могильнике и в других местах.

6) Медвежий клык (Траншея II, слой 1), расколотый вдоль, имеет незаконченную сверлину. Подобные клыки имеют очень большое распространение во времени и пространстве. Так, они встречены в костеносных городищах из раскопок А. А. Спицына [2]) и из собрания Первухина в Глазовском уезде Вятской губ [3]), а также и во многих других местах.

III. Предметы из бронзы и меди.

1) Поясное кольцо с растительным орнаментом, диаметром около 3,8 см. (очаг № 4). Поясные кольца вообще распространены среди славянских культур. Точно такие же кольца известны из славянских курганов Смоленской губернии из раскопок Сизова близ сел. Ведеркина [4]). Датируются они XII-XIII в. в. нашей эры [5]).

2) Бубенчик (Траншея III, слой 1) сделан из двух половинок, штампованных или литых, а затем спаяных между собой. Бубенчик имеет поясок из трех параллельных линий и одну прорезь внизу.

---

[1]) Материалы по арх. России, вып. 26, таблица XXI, рис. 4.
[2]) ГИМ, зал V витр. 1/3-в.
[3]) ГИМ, зал VIII витр. 2/3-а.
[4]) ГИМ, зал VIII витр. 6.
[5]) Дата проф. В. А. Городцова.

Тип этот славянский. Время его существования XI-XIV век. Подобные бубенчики находятся и в культурах финнов, как части женских украшений.

3) Пронизка ввиде пружинки (очаг № 7) является характерной принадлежностью финских украшений. Встречаются они и у славян в XI-XII в. в. [1])

4) Трубочка с раздутостями (яма № 2). Точной аналогии этой трубочки не найдено, но близкие формы, с более сильно выраженными шаровидными раздутостями, характерны для финских культур [2]).

5) Ручка, очевидно от сосуда, дугообразной формы. Подобные дужки известны из собрания Первухина из Глазовского уезда Вятской губернии [3]). На этих дужках ясно видны следы заклепок или отверстий. Точно такие же дужки известны во многих городищах Вятской и Пермской губ.

6) Ушки от ведер найдены в количестве двух экземпляров. Кроме перечисленных вещей на городище найдено много медных тонких пластинок, имеющих иногда следы от заклепок, а также найдены обрезки медных листков, узкие медные полоски и т. п.

Пластинки с заклепками А. А. Спицын считает частями медных котелков и относит их к XIII-XIV в. в. Целый сосуд из меди найден в курганах южного Приладожья.

IV. Предметы из стекла и белого металла.

1) Бусина стеклянная битрапецоидная. Такие бусины известны с начала поздней поры неометаллической эпохи в славянских культурах.

2) Обломок проволочного кольца из белого металла.

V. Предметы из глины.

1) Пряслицы или грузики шарообразной формы, с узким отверстием. Высота пряслицы 2, 5 см., радиус 2 см. Приготовлены из грубой глины с примесью песка. Подобные пряслицы известны, начиная от культуры Дьякова типа, до славянских и финских культур.

2) Обломок льячки красноватого цвета. Известны в культуре Дьякова типа и в более позднее время в Кузьминском и Подболотьевском могильниках [4]).

3) Обломки глиняных сосудов. Все обломки сделаны из глины с примесью песка и довольно хорошо обожжены; цвет их

---

[1]) ГИМ, зал VIII, витр. 2/2-г и 6/3-а; зал IX витр. 1/5-г.

[2]) Ешевский—„Заметки о Пермских древностях"—Пермский сборн. Материалы по арх. России, вып. 26, табл. X.

[3]) ГИМ, зал. V, витр. 3/4-д и материал по арх. Восточн. губ.

[4]) ГИМ, зал V, витр. 6/6-гл.

темно-серый, серый и красноватый. Часто обломки красноватого цвета дают в изломе темно-серый цвет. Толщина стенок сосудов колеблется от 0,4 до 1 см.

а) Большая часть обломков от сосудов—ручной работы. Черепки мелкие, но по некоторым, более крупным, все же можно приблизительно восстановить форму. Сосуды невысокие, приземистые, имеют выпуклые бока, высокую шейку и отогнутые наружу края. Встречаются обломки гладкие, но большинство сосудов в верхней части своей орнаментировано. Орнамент чеканный—зубчатый, пунктирный, ямочный, рамчатый, звездчатый, печатный—веревочный и ленточный. Орнамент расположен в следующие узоры:—зубчатый зигзаговый, зубчатый полосатый, рамчатый из трех рамок, образующих V—образную фигуру, между которыми расположена звездочка. Подобная посуда, как гладкая, так и орнаментированная зубчатым зигзагом и близкая по форме, известна из финского могильника Кляныш-Ласта [1]) и относится к XIII веку.

б) Несколько обломков из хорошей глины от сосудов, сделанных на гончарном кругу. Один обломок имеет линейный орнамент. Судя по этому орнаменту и по форме сосуда (насколько можно судить о ней по этому обломку), это обломок от типичного славянского сосуда.

Заключение.

Как видно из описания вещей, найденных на городище Карамыльк,—они не дают ярких и характерных данных для датировки. Время существования могильника можно определить, взяв только среднюю цифру времени распространения отдельных предметов. Исходя из этих данных, можно считать, что городище относится к XII-XIV в. в. нашей эры, хотя возможно, что оно возникло немного ранее XII века и продолжало существовать после XIV века.

Городище, как это было сказано выше, расположено на высоком холме и очень удобно в стратегическом отношении. С него открывается широкий вид на окрестные берега и на реку Вычегду. Склоны его высоки и круты. Служило ли это место исключительно сторожевым пунктом, куда только во время опасности собирались окрестные жители, или оно было местом постоянного жительства,—вот вопрос, который стоит перед нами.

На первый взгляд, первое предположение кажется более вероятным, так как отсутствуют определенные данные, говорящие о постоянных жилищах, но, с другой стороны, большое количество железных шлаков, льячки, медные пластинки и обрезки, которые говорят о металлургии, громадное количество костей домашних животных (коровы, лошади, овцы и свиньи) ножницы специальной формы для стрижки овец, говорящие о развитом скотоводстве, лемех, указывающий

[1]) Раскопки 1-й Северной экспедиции в Области Коми в 1925 г.

на земледелие, и т. д., заставляют предполагать, что городище Карамылык было обитаемо более или менее постоянно. Жилищами же могли служить какие либо деревянные постройки, поставленные без фундамента, и поэтому от них могло ничего не сохраниться. О возможности деревянных построек говорят различные железные пробои, пластинки, гвозди и т. д. Пол в таких жилищах мог быть земляным, и на нем, а возможно и вне постройки, в углублении складывался очаг.

Загадочные с первого момента срубы под очагами, при такой постановке вопроса, также получают свое об'яснение. Это могли быть погребцы для хранения запасов пищи. После их разрушения, в получившемся благодаря этому углублении складывался очаг.

Как уже было сказано выше, насельникам городища Карамылык хорошо было известно скотоводство и земледелие, но они также занимались рыболовством (железная острога и крючки) и звероловством (стрелы). Из обрабатывающей промышленности, кроме металлургии, им было известно кожевенное производство (шила, железный скребок) ткацкое дело (пряслицо), деревообделочное (остатки берестянного сосуда в очаге № 9) и гончарное производство.

Несомненно, была развита и торговля, на что указывают предметы не местного, а славянского производства, главным образом — Смоленских кривичей и Новгородских славян.

Из всех известных нам культур, городище Карамылык, как по внешнему виду, так и по составу вещей, имеет больше всего сходства с финскими городищами Глазовского уезда, Вятской губ., исследованными Первухиным и Спицыным. Если же рассматривать вещи в отдельности, то большинство из них встречаются, как в финских, так и в славянских культурах. Предметами чисто финскими можно считать лемех, формы которого до сих пор бытуют у местного Зырянского населения, шило с костяной рукояткой, костяную рукоятку ножа, костяную трехгранную стрелку, бронзовую трубочку с раздутостями, льячку и пряслице. Все эти предметы имеют себе близкие аналогии или в костеносных городищах, или в городищах Глазовского уезда Вятской губ., а также из разных мест Приуралья.

К предметам славянского типа можно отнести бубенчик и поясное кольцо с растительным орнаментом,—вещь несомненно славянского производства.

Принимая во внимание все это, кажется наиболее вероятным, что насельниками городища были финны, которые испытывали, несомненно, славянское влияние.

Рассматривая керамику, мы приходим к тому же выводу. На городище Карамылык найден только один обломок с характерным линейным славянским орнаментом. Остальную же керамику можно считать местной, характерной для финских северных народов той же эпохи. Подобная керамика найдена в финском могильнике Кляныш-Ласта, верст на 15 ниже чем городище. Могильник относится к

XIII веку нашей эры, так что можно предположить, что насельники городища Карамылк и народность, оставившая после себя могильник Кляныш-Ласта, принадлежат к одному и тому же племени финнов, населявших эту местность около XII-XIV века и являющихся предками теперешнего Зырянского населения.

2

Отчет о раскопках могильника „Гид-сай-яг"—против с. Княж-Погост, Княжпогостской волости Устьвымского уезда Коми Области, на левом берегу р. Вымь.

Могильник расположен на невысоком песчанном холме, окруженном небольшими болотами. Холм и болота покрыты мелким хвойным лесом.

Холм—неправильной формы, имеет два выступа. Один из них, меньший по размерам, вытянут на северо-восток, другой, большой, на северо-запад. На последнем выступе, повидимому, находилась главная часть могильника, так как здесь было замечено значительное количество углублений (оказавшихся могилами), расположенных довольно правильными рядами. На остальной площади могильника были разбросаны подобные же углубления, но в меньшем количестве. Углубления имеют овальную форму, вытянутую с северо-востока на юго-запад. Размеры их в среднем: длина 2,90 метра, ширина 1,75 метр., глубина—0,45 метра. Расстояние между углублениями одного ряда в среднем—1,91 м.

Внешне этот могильник напоминает уже известные могильники Глазовского уезда Вятской губ., обследованные Н. Г Первухиным [1]); местное население называет их „чудскими огородами", так как они состоят из расположенных рядами углублений, а промежутки между ними действительно напоминают гряды.

Часть С.С.З. выступа могильника была раскопана летом 1924 г. местным археологом Сидоровым. Нами же была вскрыта нетронутая Ю.В.В. часть этого выступа.

Раскопки велись по методу проф. В. А. Городцова. Первая траншея была заложена в СВ части намеченного участка в направлении с ССЗ на ЮЮВ. Длина ее—20 м., ширина—3,70 м. глубина—0,60 метра. Траншея прошла по ряду углублений. которые оказались могильными ямами.

Раскопка велась послойно, а на месте обозначившихся могильных пятен оставлялись столы, которые затем расчищались.

Вторая траншея шла параллельно первой, примыкая к СВВ стенке ее и захватывая следующий ряд могильных углублений. Длина ее

[1]) См. материалы по арх. восточных губ России, вып. II, Н. Г. Первухин—„По следам Камской чуди".

24 метра, ширина—3,70 м.—4,80 м., глубина—0,65 м. Техника раскопок была та же, что и в первой траншее.

Вскрытые могилы имели вид овальных ям, суживающихся к низу, вытянутых с СВВ на ЮЗЗ; длина их в среднем — 1,77 м., ширина—0,80 м., глубина—0,63 м. Некоторые из могильных ям имели на дне по одному или по два воронкообразных углубления, диаметром от 10 см. до 42 см., глубиной от 8 до 40 см. Получились ли эти углубления вследствие мягкости песчанного грунта, или они являются особенностью погребений данного могильника, мы решать не беремся, аналогии этому явлению тоже не знаем, но считаем необходимым отметить этот факт, который, быть может, удастся выяснить последующими работами.

Могильные ямы были заполнены золистой землей, содержащей в себе незначительное количество угля и мелких обломков пережженных костей и вещи. Погребения эти можно считать трупосожжениями, но совершавшимися не на месте в могиле, а где то на стороне, так как могильные ямы слишком малы, чтобы можно было развести в них большой костер; количество углей и золы незначительно, и вещи, лежавшие в могилах без определенного порядка, не имеют следов обжига.

Из числа 13-ти раскопанных нами могил, пять (№№ 7, 8, 9, 11, 12) дали остатки пережженных костей и инвентарь, состоящий из бронзовых и железных предметов и обломков керамики. Другие пять могил (№ № 2, 4, 6, 10, 13), также давшие вещи, костей не сохранили, остальные три могилы не дали никаких вещей, но в одной из них (№ 1) сохранилось незначительное количество пережженных костей.

Какие из этих могил принадлежали мужчинам и какие женщинам, сказать невозможно: мелкие пережженные кости не могут служить материалом для определения, а по вещам, найденным в могилах, также не представилось возможным определить пол покойников.

Как уже говорилось выше, трупосожжения совершались не на месте, а где то на стороне; следовательно, вещи, не имеющие обжига и лежавшие в могилев беспорядке, не были надеты на покойника, а просто положены на могилу. А поскольку это так, то у нас нет оснований предполагать, что они принадлежали именно погребенному человеку: это могли быть вещи присутствовавших при погребении, принесенные в дар умершему.

Переходя к остальному обзору могильного инвентаря, мы будем рассматривать отдельные предметы по их назначению, материалу и технике, определяя попутно время их существования и площадь распространения.

I. Предметы из серебра.

1) Два серебрянные проволочные височные кольца. Одно из них (могила № 8) простое, из гладкой проволоки с несомкнутыми концами, из которых один расплющен и имеет небольшое отверстие, другой заканчивается петлей, загнутой наружу.

Тип этот известен у славян среди памятников XI-XIII века [1]), но вероятно появился гораздо раньше и встречается также у финнов (Подболотьевский могильник VII-XI века) в более раннем памятнике, так что датой его грубо можно считать время VII-XIII век.

Второе кольцо, также проволочное, украшено серебрянной же напускной бусиной, орнаментированной зернью (мог. № 9). Концы кольца не сомкнуты, сбоку имеется как бы разрез, бусина укреплена серебрянной проволокой, ввиде веревочки, обмотанной с каждой стороны по два раза. Кольцо около бусины имеет утолщение из двух проволок (также ввиде веревочки), идущих параллельно основной проволоке кольца и закрепленных такими же обмотками узкой проволоки, как и бусина. Кроме того, на кольцо напущены две пружинки из тонкой медной проволоки.

Это кольцо несомненно не местного происхождения, а болгарское, за что говорит тщательность выделки и характер орнамента (зернь горошками), который обычен для болгарского ювелирного искусства. [3])

Близко к нашему кольцу стоит золотое височное кольцо, также с одной напускной бусиной, украшенной чернью, но с более сложным орнаментом, найденное в Белогостицком кладе близ города Ростова-Ярославского. Клад этот датирован проф. А. А. Спицыным концом XI века, и вещи, составляющие его, определены, как предметы болгарского производства. [4])

Среди „Древностей Камской Чуди" коллекции Теплоухова имеются два болгарских височных кольца с одной напускной бусиной: одно из них орнаментировано филигранью и датируется А. А. Спицыным XIII веком, а другое, представляющее собой полную аналогию нашему, XIII-XIV веком; [5]) следовательно, и наше кольцо может быть датировано этим же временем.

II. Вещи из бронзы и меди.

1. Перстень бронзовый, со щитком, в поперечном сечении 3-х гранный (мог. № 13), внутренняя сторона его плоская, внешняя имеет две грани, образующие ребро, которое на щитке переходит в плоский выступ. Щиток не припаян, а отлит вместе с кольцом.

Аналогии этому перстню найти не удалось, и время существования этого типа определено быть не может.

---

[1]) См. откр. залы ГИМ: зал VIII, витр. 5/4-б из Смоленской губ., зал IX из Ленинградской губ. и зал XIII, витр. 1/3 из Московской губ.

[2]) См. откр. залы ГИМ: зал V, витр. 6/2-е и 7—из Владимирской губ

[3]) См. материал откр. зал ГИМ,-зал XII, древности Болгар.

[4]) См. А. А. Спицын—„Белогостицкий клад".

[5]) См. материалы по археологии России, вып. 26, А. А. Спицын „Древности Камской Чуди".

872165

Коми республиканская библиотека им. В. И. Ленина

2) Браслет бронзовый, пластинчатый, без орнамента, с не.) сомкнутыми, слегка суживающимися концами, загнутыми наружу. Такие браслеты известны среди славянских древностей XI-XIV в., [1] но у славян они обыкновенно орнаментированы. Встречаются пластинчатые браслеты и у финнов, но более массивные и с незагнутыми концами. [2])

3) Пряжка—сюльгама, витая из двух проволок, с концами загнутыми в виде петель и гладким язычком. Подобная сюльгама характерна для финнов, но полную аналогию нашей (именно витую) нам удалось встретить среди древностей Новгородских славян XI-XIII века из Ленинградской губ.[3]). Из финских же к нашей пряжке ближе всего подходит сюльгама из Люцинского могильника Вятской губ., отличающаяся от нашей тем, что она не свита из двух проволок, а отлита под витую. Время же существования Люцинского могильника относится по Сизову к VII-XI веку, [4]) следовательно время существования этого типа можно определить VII-XIII веком (найдена в мог. № 10).

4) Бляшки.

а) в могиле № 4 найдена небольшая бронзовая крестовидная выпуклая бляшка, литая, с припаянной на оборотной стороне петелькой; повидимому, она нашивалась на одежду. Украшение одежды бляшками вообще характерно для финнов, аналогию же нашей бляшке можно видеть среди вещей найденных в Люцинском могильнике VII-XI века [5]), где имеется такая же бляшка, но с шишечкой по середине. Никакойдругой связи с датированными памятниками, кроме сходства с добытой в Люцинском могильнике, проследить не удалось; это является единственной точкой для датировки,

б) в могиле № 13 найдена бронзовая бляшка, литая, выпуклая, удлиненной формы, очень плохой сохранности, рассыпавшаяся при перевозке. Очень близкая к ней по форме, но несравненно более ранняя по времени, найдена в Ананьинском могильнике, [6]) но полной аналогии ей найти не удалось, и время существования этого типа не определено.

5) Шумящая провеска, бронзовая, (из мог. № 13) состоит из литой трехугольной пластинки, имеющей одно ушко на вершине и три колечка (к которым привешены на цепочках колокольчики) по нижнему краю ее. Ушко припаяно, нижние же колечки отлиты вместе с пластинкой. Края пластинки выпуклые, ввиде бортика, а плоскость ее украшена шестью небольшими шишечками, грубо напоминающими зернь. С обратной стороны пластинка гладкая и имеет по середине припаянный стерженек, возможно,—петличку.

---

[1]) См. откр. залы ГИМ-зал VIII, витр. 2 и 6; зал IX в.; зал XI в.
[2]) См. откр. залы ГИМ,—зал V—финские древности.
[3]) См. откр. залы ГИМ-зал IX, витр. 2, 3 и 4.
[4]) См. матер. по арх. России, вып. 14 — Люцинский мог-к.
[5]) См. то-же.
[6]) Aspelin,—Antiquités du Nord Finno-Ougrien, p. 115.

К колечкам нижнего края пластинки привешены колокольчики на коротких цепочках, состоящих из перекрученных восьмерок. Колокольчики литые с боковым разрезом, переходящим внизу в круглую прорезь; по месту скрепления ушков с колокольчиками идут пояски из бронзовых пластинок. По нижнему краю среднего колокольчика нанесены неглубокие нарезы. Привеска очень грубой работы,—возможно, местного происхождения.

Полной аналогии данной привеске найти не удалось, но подобные часто встречаются среди финских памятников и реже у славян. Наиболее близкие к нашей привеске найдены Н. Г. Первухиным среди городищ Глазовского уезда Вятской губ. [1]) Некоторые из них имеют такие же бубенчики, но трехугольная пластинка вылита под филигрань, а одна из привесок Глазовских городищ, почти совпадающая с нашей по пластинке, отличается подвешенными гусинными лапками. Близкая к нашей привеска, но не с трехугольной, а с круглой пластинкой найдена Сидоровым в Области Коми, близ сел. Гам, и хранится в Устьсысольском Музее. [2])

Среди материалов ГИМ подобные привески имеются из раскопок в Чердынском уезде Пермской губ., [3]) из разных мест средней России и из славянских курганов Ленинградской губ. [4]) Последние отнесены проф. В. А. Городцовым к XI-XIII веку, что может служить приблизительной датой и для нашей привески.

б) Бубенчики.

а) Два бубенчика славянского типа, шарообразные, с одной прорезью внизу, украшенные поясками, причем у одного бубенчика (из мог. № 6) поясок имеет практическое значение, прикрывая шов между верхней и нижней половинками бубенчика. Поясок выпуклый, наложенный из отдельной пластинки бронзы или меди, охватывающей бубенчик в один ряд. Второй бубенчик (из мог. № 2), склепанный из двух боковых половинок, также имеет поясок ввиде трех полосок, но не накладной, а сделанный на штампе вместе с частями бубенчика. Ушки у обоих бубенчиков прикреплены отдельно. Подобные бубенчики обычны для славян XI-XIV века [5]). Встречаются также и у финнов [6]).

б) Медный бубенчик с большим ушком и разогнутой прорезью внизу, найден в могиле № 2. Работа довольно грубая, сделан из одного листка меди, загнутого и заклепанного так, что получается один

---

[1]) См. матер. по арх. вост. губ. России, вып. II—Первухин. „Опыт археологического исследования в Глазовском уезде Вятской губернии.

[2]) См. материал Устьсысольского музея.

[3]) См. откр. зал ГИМ—Зал. V витр. 2/4.

[4]) См. откр. залы ГИМ—Зал IX, витр. 1.

[5]) См. откр. залы ГИМ-зал IX витр. 4/1-б из Ленинград. губ., зал XI, витр. 4/2-д, 3/5-а, 2/1-в, 2/1-г. из Ярославск. и Тверской губ. (для 1-го бубенчика зал XI, витр. 2/5-е из Тверской губ., зал XIII, витр. 1/4-г, 1/5-г, 1/5-е, 2/2-а, 2/3-д. и 2/3-б., 2/3-в, 2/4-в, 3/5-б из Московской, Смоленской, Калужской и Тульской губ.

[6]) См. материал откр. зал ГИМ—зал V, витр. 10 из Витебской губ.)

большой шов. Подобные бубенчики встречаются, как части шумящих привесок; они известны из курганов Костромской губ. [1]) и среди „Древностей Камской Чуди" из коллекции Теплоухова; проф. А. А. Спицин датирует их XIII-XIV веком [2]).

в) Два бубенчика из могилы № 13, сделаны подобно предыдущему, но более удлиненной формы и имеют украшения ввиде накладных полосок меди, изображающих пояски, и из грубого подражания зерни вокруг ушка. Один из бубенчиков имеет поясок из двух накладных полосок, другой из одной. Полоски меди, охватывающие основание ушка (у обоих бубенчиков), украшены мелкими шашечками, в подражение зерни: на ушках, сбоку, заметны небольшие выступы. Подобные бубенчики известны из курганов Костромской губ. [3]) и из „Древностей Камской Чуди" коллекции Теплоухова [4]). Проф. А. А. Спицын датирует их XII-XIII веком; эта датировка применима и к нашим бубенчикам.

г) Четыре медных бубенчика, совершенно оригинальной удлиненной формы, с одной прорезью. Два из них (мог. № 7 и 9) более приземисты и два (мог. № 4) более вытянутые. Сделаны они из одной пластинки меди, так тщательно заклепанной сбоку, что едва можно различить шов. Около ушка и под прорезью опоясаны узкой пластинкой меди, причем у двух (мог. № 4 и 9) пояски сделаны из гладкой полоски, а у двух (мог. № 4 и 7) пояски под прорезью переплетены из двух полосок меди, ввиде веревочки. Ушки припаяны отдельно, и место скрепления их замаскировано полосками меди. Аналогий этим бубенчикам нигде не найдено, и о датировке данного типа говорить не приходится.

7) Обломки (части) шумящих привесок.

а) Колоколообразные части шумящих привесок, украшенные имитацией зерни, найдены в могилах № 2, 11, 13. Одна из найденных в могиле № 2 имеет широкое ушко, основание сделано из одной пластинки меди, согнутой и незаметно склепанной; на него наложены две полоски меди с орнаментом из шашечек, грубо напоминающих зернь. Один из поясков лежит по краю колокольца, другой прикрывает скрепление ушка с основанием.

Вторая колокообразная форма шумящей привески (тоже из могилы № 2) такой же техники и вида как первая, но без ушка, и поясок верхнего края представляет собой не имитацию зерни, а три ряда проволоки.

В могиле № 11 найдена часть шумящей привески, близкая только что описанным, но несколько иной, более приземистой формы. По нижнему и верхнему краю ее лежат широкие пояски с имитацией

---

1) Матер. по арх. восточн. губ. России, вып. 3.
2) См. матер. по арх. России, вып. 26—А. А. Спицын—Древ. Кам. Чуди.
3) См. матер. по арх. восточн. губ. России вып. 3.
4) См. матер. по арх. России, вып. 26. А. А. Спицын.

зерни, и, кроме того, к верхнему краю припаян небольшой стержёнек из бронзы. Внутрь колокольца пропущен шерстяной шнур, обмотанный медной проволокой ввиде пружины. Из могилы № 13 имеется подобная же часть шумящей привески, но не склепанной сбоку и с несколько другой орнаментацией.

Подобные колоколообразные части шумящих привесок имеются в коллекции Теплоухова и датированы проф. А. А. Спицыным XII-XIII веком. [1])

б) В могиле № 8 найдена часть шумящей привески ввиде усеченного конуса. Сделана из согнутой и запаянной пластинки меди, по краям окаймляется узкими гладкими поясками. [2]) Подобные же предметы известны из финских могильников Средней России, [3]) где они являются частями шумящих привесок (к нижнему краю прикреплялись цепочки с подвесками); очевидно, такое же назначение имел и наш конус.

Из могилы № 10 имеется медная трубочка также в форме усеченного конуса, но длинее вышеописанной и более грубой работы. Состоит из согнутой пластинки меди, но не спаянной по шву. По назначению вероятно совпадает с предыдущей. Подобные части шумящих привесок известны среди финских древностей Средней России, [4]) а также среди „Древностей Камской Чуди" из коллекции Теплоухова. [5])

8) Бусы и пронизки.

а) Бронзовая боченкообразная бусина, украшенная филигранью, найдена в могиле № 9. Аналогичные бусы имеются среди материала ГИМ из славянских курганов Ленинградской губ. XI-XII века, [6]) что может служить датой и для нашей бусины. Такие же добыты Аспелином из курганов той же губ., и близкая к данному типу двойная бусина или пронизка найдена в Котласском могильнике, [7]) но в последнем случае орнамент не накладной из проволоки, а литой под филигрань.

б) В могиле № 12 найдена бусина или пронизка из светлого металла, ввиде трубочки, склепанной из гладкой пластинки. Вещь не характерная; она могла быть бусиной ожерелья, или пронизкой какого нибудь украшения.

в) Из могилы № 8 имеется бронзовая или медная пронизка в форме пружинки. Подобные часто встречаются в финских могильниках, как древних, так и более поздних, как части украшений. [8])

---

[1]) См. матер. по арх. России, вып. 26.

[2]) Предмет этот утерян при перевозке, но имеется точный рисунок, сделанный на месте раскопок.

[3]) См. мат. по арх. России, вып. 25.

[4]) См. матер. по арх. России, вып. 25.

[5]) См. матер. по арх. России, вып. 26.

[6]) См. открытые залы ГИМ-зал IX, витр. 2 и 3.

[7]) См. матер. по арх. восточн. губ. России, вып. 2, ст. Нефедова.

[8]) См. откр. залы ГИМ—зал V, витр. 4 и 5 из Рязанской и Тамбовской губерний.

г) В могиле № 13 найдена бронзовая трубочка-пронизка с выпуклыми литыми поясками по краям и посредине. В могиле № 12 найден обломок такой же трубочки. Аналогичные им пронизки можно указать в „Древностях Камской Чуди“ из коллекции Теплоухова, относящиеся по датировке А. А. Спицына к VIII-IX веку. [1])

III. Предметы из железа.

1) Копье. В могиле № 10 найден обломок копья, настолько плохо сохранившийся, что нельзя точно восстановить его форму. Можно предполагать, что копье это было втулчатым и имело перо листовидной формы.

2) Стрела черешковая, с массивным пирамидальным (бутоноообразным) пером, найдена в той же 10-й могиле. Нижняя часть, удлиняясь, образует шейку, которая заканчивается едва заметным валиком. Перо резко отграничено от гвоздевидного черешка. Подобные стрелы известны из городищ Глазовского уезда Вятской губ. [2]) и из „Древностей Камской Чуди“ коллекции Теплоухова и датируются проф. А. А. Спицыным XI-XIV век. [3])

3) Топор-тесло найдено в могиле № 7. Сохранилось это орудие ввиде мелких обломков, но форму его удалось восстановить и зарисовать, не вынимая орудия из земли. Оно имело вид топора с проухом, лежащим в одной плоскости с лезвием, так что рукоятка вставлялась перпендикулярно плоскости бойка; это орудие повидимому служило теслом. Но насколько нам известно, тесла, находимые в славянских и финских памятниках, имеют несколько другую форму, чем наша; у них лезвие гораздо уже, и весь бок сильнее вытянут в длину, так что аналогии нашей широкой форме тесла мы привести не можем, и нельзя определить время существования этого типа.

4) Огниво (кресало) ввиде пластинки с прорезью найдено в могиле № 10. Огниво это имеет форму овала с усеченными концами. Подобные кресала встречаются у славян, [4]) финнов, [5]) болгар [6]) и татар. [7]) Такие кресала ввиде прорезных пластинок, по словам проф. А. А. Спицына, „идут повидимому с XII века и прослеживаются до XIV, но может быть идут и далее“, [8]) но так как подобное же огниво было найдено в Борковском могильнике Рязанской губернии, то время существования этого типа можно определить VIII-XIV веком и позже.

---

[1]) См. материалы по археологии России—вып. 27 — Спицын—„Древности Камской Чуди“.

[2]) См. материалы по арх. восточн. губ. России, вып. 2.

[3]) См. матер. по арх. России, вып. 26.

[4]) См. открыт. залы ГИМ-зал XIII, витр. 4/6-б; зал IX, витр. 4/3-а и 3/5-а зал VIII, витр. 5/5-а, 1/4-г. и 1/6-гл,

[5]) См. откр, залы ГИМ-зал V, витр. 3/5-ел.

[6]) „ „ „ „ зал XII, витр. 4/2.

[7]) „ „ „ „ зал XII, витрина 2-н и 3/ал.

[8]) См. матер. по археологии России, вып. 29—А. А. Спицын—„Гдовские курганы“

5) Стержень с подвижным кольцом из могилы № 7, небольших размеров. На нижнюю часть стержня была надета (а может быть и навинчена) железная фигурная пластинка. Возможно, что он служил для привешивания к поясу ножа, для чего стержень мог вставляться в отверстие ремня, кольцом наружу, а с внутренней стороны пояса, чтобы укрепить стержень, на него надевалась железная пластинка. Длинные стержни с кольцами известны из славянских памятников Ленинградской губ. [1]) Начало их проф. А. А. Спицын относит к XI веку, но замечает, что они встречаются и позже. Но так как наш стержень отличается от вышеприведенных меньшим размером и наличием железной пластинки, и, возможно, не совпадает по назначению со стержнями, описанными А. А. Спицыным, то мы не можем твердо основываться на этой датировке и не определяем время существования данного типа.

IV. Обломки глиняных сосудов.

Черепки глиняных сосудов найдены в семи могилах (№ № 2, 4, 6, 8, 11, 12 и 13). Встречаются черепки из желтой (могилы № № 6, 8 и 11), серой и темно-серой (№ № 2, 4, 12, 13) глины. Во всех черепках заметна примесь песка или дресвы, и по составу глины их можно разделить на две группы: 1) из могил 2, 6, 11 и 13 лучше отмученая глина и более мелкая примесь и 2) из могил 4, 8 и 12 — более грубая. Обжиг на всех черепках довольно слабый, особенно на обломках из могил № № 6, 11, 13 и, повидимому, от характера обжига зависит то, что на некоторых черепках желтоватый цвет переходит в серый, и желтые черепки в изломе дают темно-серый цвет. Сосуды, повидимому, делались от руки, за исключением обломков из могилы № 11, по которым можно предположить выделку на гончарном круге.

О форме сосудов почти ничего сказать нельзя. У нас имеются лишь три черепка, дающие кое-какие намеки на форму. Один из них (из могилы № 8) представляет собою довольно крупный обломок сосуда: он имеет выпуклый бок, вогнутую шейку и утолщенный край. То же самое говорит и черепок из могилы № 11, и один из черепков могилы № 2 также свидетельствует о выпуклом боке сосуда.

Что же касается украшения сосудов, то мы имеем лишь несколько орнаментированных черепков. На черепках из могил №№ 4 и 12 заметен широковолнистый орнамент, но это очень небольшие обломки, и по ним трудно судить о характере украшений горшка. Гораздо больше дает самый крупный из наших черепков, найденный в могиле № 8. Здесь мы видим, что волнистый орнамент идет в несколько рядов (на обломке имеются 4 ряда) по шейке и бокам горшка, причем верхний ряд круто-волнистый, с косыми и острыми вер-

[1]) См. матер. по арх. России, вып. 20—А. А. Спицын—Курганы С-Петербургской губ.

шинками; второй ряд, отделенный от первого одной полоской линейного орнамента, менее острый, и следующие два, широковолнистые, вовсе не имеют крутых вершин, а, напротив, идут очень плавным рисунком. Волнистый орнамент вообще является характерным для славянских сосудов. Орнамент, подобный нашему, был найден например, в славянском городище „Кляземский городок" Владимирской губ. А. И. Ивановым[1]).

Кроме приведенного выше материала, в некоторых могилах были находимы мелкие обломки бронзовых (мог. №№ 9 и 12) и железных (мог. № № 2, 7, 8, 9, 10, 12) предметов, но настолько незначительные, что выяснить их назначение не представляется возможным.

Заключение.

Подводя итог рассматриаваемому материалу, мы должны придти к заключению, что могильник „Гид-сай-яг" принадлежал финнам и относится ко времени около XIII века.

Определяя время существования отдельных предметов, найденных в могильнике, мы видим, что самой поздней датой для некоторых из них является XIII век, для других же предметов он является начальной датой; следовательно предлагаемая датировка будет наиболее приемлемой.

Что касается определения народности, то отнести этот могильник к славянам нельзя, так как, во первых, для славян характерны погребения не в могильниках, а в курганах, а во вторых, для такого позднего времени невозможны трупосожжения у славян.

К болгарам этот могильник также нельзя отнести, хотя здесь и было встречено одно болгарское украшение, но оно так ярко выделяется своим изяществом среди доминирующего местного материала, грубого по форме и технике, что его несомненно надо считать привозным.

Остается отнести могильник финнам, что и подтверждается преобладанием вещей, характерных для финской культуры (шумящие привески, части их, грубые медные бубенчики, трубочки-пронизки).

Как видно из приведенных выше аналогий, вещи могильника „Гид-сай-яг" ближе всего стоят к культуре восточных финнов. Больше дано сравнений с вещами из коллекции Теплоухова, которые определены проф. А. А. Спицыным, как древности Камской Чуди, т. е. принадлежащие восточной ветви финнов. Много сходства также замечается и с вещами городищ Глазовского уезда Вятской губернии, и внешний вид могильника напоминает могильники того же уезда, обследованные Н. Г. Первухиным.

Наличие славянских бубенчиков и серебрянного простого проволочного височного кольца говорят о возможной связи данного племе-

[1]) А. И. Иванов — „Кляземский городок" — Владимир. 1926 г. табл. III, рисунок 20—22.

ни со славянами, тем более, что некоторые из найденных в могильнике вещей (бронзовая филигранная бусина, сюльгама, шумящая привеска) обычны для Новгородских курганов.

Также чувствуется влияние болгар, сказывающееся в наличии болгарского височного кольца, но это влияние могло быть не непосредственным, а переданным через славян.

Но все же мы здесь видим финскую культуру, правда, довольно бедную (судя по жалкому инвентарю погребений) и относящуюся к позднему времени, но вполне самобытную. Несмотря на славянское влияние, которое сказывается в вещах, форма погребений осталась прежней—языческой.

3.

Отчет о раскопках могильника „Кляныш Ласта", близ сел. Гам, Гамской волости Устьвымского уезда Коми Области, на левом берегу реки Турьи (приток реки Вычегды).

Могильник расположен на небольшом и невысоком песчаном холме неправильной формы, удлиненном с СВ на ЮЗ. Холм окружен болотом, покрытым смешанным лесом. Могильник занимал СВ часть холма. Внешним признаком его были углубления овальной формы, расположенные неправильными рядами и ориентированные с СЗ на ЮВ. Размер углублений в среднем следующий: длина 1,05 м., ширина—0,50 м. и глубина—0,50 метра.

СЗ часть могильника была раскопана проф. Греном еще летом 1924 года; нами же исследована ЮЗ часть его.

Раскопка велась траншеями. Проведены 2 траншеи в направлении с СВ на ЮЗ.

Траншея № 1 имела следующие размеры: длина—12,90 метра.
ширина— 4,90 „
глубина— 0,75 „
Траншея № 2 „ „ „ длина—10,80 „
ширина— 3,70 „
глубина— 1,00 „

Нами было вскрыто восемь могил. Все они, за исключением могилы № 2, имеющей трапецевидную форму, были прямоугольные. Могила № 1 была ориентирована с С на В, остальные же с СВ на ЮЗ.

Во всех могилах оказались трупосожжения ввиде остатков золы, углей и мелких пережженных костей. Только в одной могиле (№ 4) вместе с пережженными костями найдены 2 обломка трубчатой кости человека (вероятно локтевой), не имеющие следов действия огня.

В могилах встречены срубы, сделанные из плах, положенных горизонтально на ребро. Плахи с внешней стороны покрыты берестой. Срубы, сохранившиеся в различной степени, прослежены во всех мо-

гилах. Довольно хорошо сохранились срубы в могилах №№ 2 и 6. Размер сруба могилы № 2 следующий: длина 2,30 м. ширина СВ стенки 1,05 м., ЮВ—0,75 м. и высота около 45 см.

В углах срубов (мог. №№ 1 и 2) замечены вертикальные столбики, скрепляющие стенки сруба. На дне некоторых могил были замечены куски обугленного дерева,—следы от пола сруба. В двух могилах прослежены куски обугленного дерева поверх сруба, толщиной 1—4 см., что могло быть остатками от покрытия сруба.

Таким образом, можно довольно хорошо выяснить форму сруба, который был сделан из плах, положенных в три—четыре ряда. Пол сруба, а также и покрытие состояло, повидимому, из таких же плах. Все срубы носят следы сильного обугливания, особенно внутренняя сторона их [1]).

Нельзя решить вопроса о том, какие могилы принадлежали мужчинам и какие женщинам, так как могильный инвентарь представлен очень небольшим количеством вещей и притом плохой сохранности.

Небольшое количество углей в могилах говорит за то, что сожжение покойников происходило вне могилы, а в могилу клали уже пережженные кости с незначительным количеством углей.

Кости и угли встречались в срубах и выше их, начиная с глубины 0,30 м. и до дна могилы: как будто бы они бросались в яму по мере засыпки ее землей.

Перейдем к рассмотрению могильного инвентаря.

Довольно хорошо сохранились следующие вещи:

Перстень серебрянный, пластинчатый, щитковый (мог. № 4). Перстень орнаментирован зернью и сканью. Концы его расширяются и скреплены припаянным к ним щитком. Внешняя сторона перстня украшена двумя продольными бороздками. Щиток круглый, нижняя поверхность его гладкая, верхняя выпуклая и орнаментированная. По краям щитка идет поясок из зерен в один ряд, образующий 4 городка. Вершина щитка украшена одним крупным зерном и 4-мя мелкими, а вся выпуклость его заполнена четырмя овалами из серебрянной проволоки с зерневыми ромбиками внутри. Эти овалы расположены так, что в промежутках между ними находятся зерневые городки, а на вершине мелкие зерна, окружающие крупное центральное зерно. Расширяющиеся концы перстня украшены растительным орнаментом из скани.

---

[1]) Тип погребений в обугленных срубах встречается, насколько известно, довольно редко. Подобные нашему срубы были встречены в раскопках С. А. Теплоухова 1924 г., в Минусинском уезде, близ Горького озера, и у дер. Лепешки, но относятся там к более раннему времени. В первом случае внешним признаком могил, как и у нас, служили овальные углубления; во втором—погребения были под курганами.

Полной аналогии этому перстню найти не удалось, но ближе всего к нему подходит перстень из коллекции Теплоухова, [1]) имеющий такой же выпуклый щиток, но украшенный только одной зернью, составляющей более простой рисунок. Перстень этот датируется А. А. Спицыным XIII—XIV веком. Вообще же подобные перстни с выпуклым щитком и орнаментом из зерни и скани характерны для болгар, [2]) где они, по словам проф. В. А. Городцова, относятся к XIII-XIV в. в. В финских памятниках они являются, повидимому, привозными.

Перстень проволочный, бронзовый, с утолщением в средине (могила № 5). Такие перстни можно встретить у славян вплоть до XIV-XV века; правда, на славянских перстнях утолщения имеют насечку.

Обломок серебрянного предмета (мог. № 6), украшенного сканью по краям; по имеющимся остаткам первоначальную его форму выяснить нельзя.

Была ли это пряжка, или предмет близкий к лунницам, к которым он подходит по работе,—сказать трудно.

Скань наибольшего развития достигла на Руси к XIII в. [3]) К этому времени она могла проникнуть и на север.

Бубенчик бронзовый (мог. № 7) шаровидный, с прорезью, украшен тремя поясками. Бубенчик состоит из двух половинок, которые были отлиты в форме, или сделаны на штампе, а затем половинки склепаны. Подобные бубенчики встречаются у славян, а также у финских привесок. Время их—XII-XIV век.

Две пронизки ввиде пружины (могилы №№ 7 и 8). Они отливались из меди в формах, так как одна сторона их плоская, другая—полуовальная; после отливки обкручивались вокруг длинной палки, плоской стороной внутрь. Они встречаются, как принадлежности финской одежды. Через такую пронизку продевалась нитка, или шнурок, или они скрепляли головной убор, как видим в Курмановском могильнике; иногда же видим их в запястьях. В Борковском могильнике пронизки служили бусами, а также являлись частями шумящих привесок. Мы их встречаем у славян XI-XII в., [4]) а у финнов они встречаются на всем протяжении их культуры.

Гусиная лапка бронзовая от шумящей финской привески (могил. № 4). Характерна вообще для финской культуры.

Во всех могилах встречены обломки железных предметов, но сохранность их настолько плоха, что формы ни одного из них выяснить не представилось возможным. Только из могилы № 6 мы имеем железный предмет ввиде дверной петли с двумя дырочками (размер его 5 см.)

---

[1]) Материалы по арх. России, вып. 26—Спицын—„Древности Камской Чуди", табл. XXXIII, рис. II.

[2]) См. открытые залы ГИМ,—зал. XII, витр. 3.

[3]) Материалы по арх. России, вып. 26—Спицын.

[4]) См. открытые залы ГИМ—зал III витр. 2, зал IX-витр. I.

В погребениях встречены обломки глиняных сосудов, всего—десять; два из них с орнаментом. Обломок глиняннного сосуда (могила № 1) с значительной примесью песка, по поверхности желтого цвета. Это выпуклый бок сосуда с высокой прямой шейкой, край отогнут во внешнюю сторону, бережок плоский. По бережку зубчатый орнамент, по шейке и плечикам такой же орнамент; полосы зубцов идут в два ряда, расположены под углом друг к другу; под ними лепной орнамент ввиде защипов, налепленных по три в ряд. Стенки сосуда средней толщины.

Второй орнаментированный обломок глиняного сосуда (мог. № 6) сероватого цвета, с такой же примесью, стенки тонкие, обожжены; сделаны, вероятно, от руки; судя по обломку, сосуд имел выпуклые бока. Зубчатый орнамент идет по плечикам и выше и также имеет защипы в один ряд.

Восемь остальных обломков говорят за то, что сосуды вероятно были сделаны от руки, обожжены, глина имела обычную примесь песка; у сосудов были выпуклые бока и высокая шейка, но обломки очень незначительны, так что точную форму сосудов по ним выяснить нельзя.

Раскопанный нами могильник вероятно принадлежал финской народности, за что говорит его внешний вид, а также то, что в то время, к которому относится могильник, места близкие к нему были заняты финскими племенами.

Бедность могильного инвентаря, к сожалению, не может прийтх к нам на помощь в данном случае. Самый интересный из найденныи предметов—это перстень с зернью, как единственная вещь, дающая датировку. Этот перстень, как уже говорилось,—завозной от болгар, где эта техника достигла громадного развития.

Такие предметы, как бронзовый перстень и бубенчик, даты дать не могут: они слишком распространены как у славян, так и у финнов, и к последним перешли, вероятно, от славян, так что на основании их можно установить влияние славян на финнов в этой местности в указываемое время.

Народ, оставивший нам могильник, имел довольно развитую культуру и нес в ней влияние еще более культурных соседей. О высоте развития культуры говорят погребения в срубах, вместо обычных для финнов ямных погребений. Здесь также можно говорить о занесении этого обычая, идущего с глубокой древности, от более культурного народа.

Наш могильник, на основании перстня украшенного зернью, можно отнести по времени к XIII-XIV веку.

Н. БОГОСЛОВСКИЙ.

О былых разбойниках в Коми крае и об атамане их Суханове, по прозванию „Шипича".

(Доклад, прочитанный в исторической секции Общества Изучения Коми Края в гор. Устьсысольске 20 марта 1928 г.)

Рассказы о подвигах атамана разбойников „Шипича" [1]) весьма популярны в Коми крае. В этих рассказах действительность перемешивается с фантастическим вымыслом, быль с небылицей, правда с легендами в таком тесном сочетании, что трудно разобраться, где кончается быль и где начинается сказка и вымысел, а потому эти рассказы представляются своеобразным коллективным народным творчеством, являясь до известной степени произведением народного эпоса.

Вместе с тем, в этом народном эпосе есть доля действительности, — исторические факты, преображенные в легенды под влиянием народного творчества и фантазии.

В своей краткой журнальной статье „о Челобитной купецкого человека Елисея Суханова" (в журнале „Коми му" № 1—2 за 1924 г.) мы уже имели случай останавливаться на этих исторических фактах, причем мы лишь вскользь коснулись вопроса об освещении их легендарной стороны, полагая, что исторические факты настолько ясны и выпуклы, что все легендарное, вымышленное народной фантазией, является само собой настолько очевидным, что не нашли нужным подробно останавливаться на легендарной стороне, подробно доказывать, где легенда и где факт.

Но вот, в № 1—2 за январь—февраль 1927 года того же журнала „Коми му" А. Н. Александровский поместил свою статью под названием „Старый Устьсысольск", в которой он, разбирая мою статью,

---

[1]) „Шипича" есть искаженное русское слово „Шипица". Но поскольку этот атаман разбойников по местному зырянскому выговору именуется „Шипичей", оставляем это произношение.

Примечание автора.

дает иное освещение описываемому в „Челобитной“ событию, доказывая, что Суханов—Шипича был действительно атаман-разбойников, выдавший своих приятелей (таких же разбойников, как и он сам) правительству, причем в основание своего богатства положил ценности, нажитые разбоями. По нашему мнению, Александровский подобными рассуждениями, основанными, якобы, на изучении им каких-то архивных документов (однако, не указав каких именно “архивных документов“) напустил много туману и неясностей. Редакция „Коми му“ во вступительном предисловии к его статье сочла нужным сделать даже оговорку о том, что “редакция не берет на себя смелости делать какие-либо собственные выводы из сопоставления двух точек зрения. Это дело исследователей“. (Стр. 36 № 1—2 за 1927 год журнала „Коми му“).

Поэтому, усматривая из статьи „Старый Устьсысольск“, что даже такой почтенный исследователь старины Коми края, каким является А. Н. Александровский, попал под очарование народной фантазии и многое из легендарного признал за реальную действительность, мы намерены еще раз, но более подробно, остановиться на этих исторических событиях или, выражаясь языком редакции „Коми му“, дальше продвинуть „исследование“ этих событий.

К этому нас побуждает не только то, что легенда о „Шипиче“ есть выдающееся произведение народного творчества, которое у нас еще мало изучено, и не то также, что с именем „Шипичи“ связаны в истории Коми края некоторые события, но и те соображения, что всякого рода дальнейшие исследования в области истории Коми края, как бы они малозначительны ни были, мало-по-малу рассеивают, выражаясь языком ученого Лепехина, „непроницательнейшую темноту исторической древности прежде сих времен бывших обстоятельств“ в жизни Коми народа. Поэтому, в этой статье мы коснемся, хотя кратко, прежде всего и того, что уже писалось о „Шипиче“, что собрано в литературе из рассказов о нем, поскольку нам это удалось найти и изучить к настоящему времени.

Вопрос оа атамане разбойников Суханове (Шипиче) не нов.

Сам Александровский в своей статье говорить, что „дело Шипича“ находилось в обработке какого-то С. Трубачева и еще двух каких-то вологодских краеведов, но, к сожалению, не указывает, когда и в каких органах печати были опубликованы их труды. Указанных Александровским произведений С. Трубачева в русской краеведческой литературе, а также и в журналистике мы не нашли.

Нам удалось лишь установить, что копия „Челобитной купецкого сына Елисея Суханова о Сухановском грабежу“ была целиком (но без добавлений и комментариев, сделанных каким то переписчиком ея,) опубликована в статье Е. Кичина „Об основании Устьсысольска“ (в № № 47—49 Вологод. Губ. Ведомостей за 1853 г.).

В этой статье Е. Кичин, как на предание, ссылается на то, что Суханов, по прозванию „Шипича“,—уроженец Сысольского селения—

занимался торговлей на Волге, где его захватили разбойники и принудили его самого заниматься разбоями, но ему удалось благодаря какой-то хитрости ускользнуть от них в Сысольское селение. Разбойники долго употребляли много тщетных усилий к открытию его убежища, чтобы убить его, пока, наконец, 10 мая 1739 года не достигли своих целей: захватив Шипичу в Сысольском селении (т. е. в теперешнем Устьсысольске), они подвергли его мучительной смерти.

Кроме Кичина, этого вопроса касался и Ф. А. Арсеньев. В своей статье „Устьсысольская старина. Разбойники" Арсеньев говорит, что Сухановы были разбойниками, и что главным поприщем их деятельности были реки Ылыч и Печора, где они совершали свои преступные дела. По народным сказаниям, — говорит Арсеньев, — одним из разбойников Сухановых в самую реку Ылыч всыпан был мешок денег, а на берегу этой реки был им же зарыт клад.

Один из последних разбойников рода Сухановых,—говорит Арсеньев,—отыскал место в реке, где всыпано было золото, и прикарманил его себе, а затем этот Суханов оставил свою шайку, перебрался в селение Устьсысольское, ныне гор. Устьсысольск, и поселился в нем качестве мирного обывателя, а потом вышел в купцы, завел здесь довольно обширную торговлю, а на устье реки Чевья (в 9-ти верстах от Устьсысольского селения) основал винный завод. По народному преданию, далее сообщает Арсеньев, из Устьсысольского селения в Чевью по хозяйству Суханов ездил не обычным порядком, как ездят все обыкновенные смертные, а запряжет, бывало, пару лошадей в тележку, спустится около своего дома в реку, да так под водой и едет, сперва по реке Сысоле, а потом по Вычегде, до самой Чевьи, где из реки поднимается к своей усадьбе в гору сухохонек; недаром прозывался он Суханов: „вода его не брала".

Далее Арсеньев приводит предание, что при нападении в 1739 году на дом Суханова шайки разбойников, не простившей этому Суханову отступничества и измены, он, Суханов, сперва напустил столько воды около своего дома, что нападающие разбойники не могли к нему подойти, а когда стали стрелять в него, то он рукою ловил пущенные в него пули; хотели поджечь его дом, но кругом вода и все заговорено. На беду, не были заговорены веники; разбойники зажгли веники, вспыхнул чердак, где они находились, загорелась крыша, огонь охватил и дом. Только после этого Суханов попался в руки нападающих и был ими убит. Вот в кратких словах то народное предание, которое сообщает Ф. А. Арсеньев.

К сожалению, как Е. Кичин, так и Ф. А. Арсеньев, излагая „челобитную купецкого человека Елисея Иванова сына Суханова", как „весьма интересный документ и памятник Устьсысольской старины" и передавая народные предания, определенных выводов не делают и не доказывают, где тут быль и где небылица, где тут правда и где народный вымысел, хотя Арсеньев сознает, что зыряне, по преданиям „сохранили несколько о них (т. е. о разбойниках) сказаний, ко-

торые, переходя через сферу народной фантазии, украшают героев ножа и кистеня чудодейственными доблестями". [1])

Задача настоящей статьи и заключается в том, чтобы доказать, где тут исторический факт и где поэтический народный вымысел, или, выражаясь образно, в том, чтобы снять с исторических событий налет народной фантазии.

Будем помнить, что „Челобитная Сухановых" есть один из первых и по важности и по давности исторических памятников Устьсысольской старины; всякое стремление к изучению ее имеет свою ценность как для изучения народного эпоса, так и для истории Коми края вообще. [2])

Мы находим нужным вновь опубликовать эту челобитню, чтобы с этим историческим документом могли ознакомиться более широкие круги лиц, изучающих прошлую жизнь Коми края.

Кроме того, при опубликовании челобитной полностью, после внимательного прочтения ее содержания, можно будет яснее разобраться в описываемых в ней событиях, а также и в существе спора.

Вот содержание этой челобитной в копии, хранящейся в архивной библиотеке при Коми Областном Музее (по описи № 355).

Челобитная купецкого человека Елисея Суханова.

(„Выписка с копии с сухановского грабежу попрозвищу шипицы").

„Всепросветлейшая державнейшая великая государыня императрица Анна Ивановна самодержица всероссийская. Извещает города Яренска нижайший купецкий человек Елисей Иванов сын Суханов, а о чем тому следуют пункты.

1-е. В нынешнем 1739 году мая 10 дня, бывшу солнцу во время обедника, без вести начаянной приплыли с верху Вычегдою рекою воровские люди в Устьсысольскую волость многолюдством и обступили наш двор внезапу страшным разбоем. И увидя оной их многолюдственный разбой, отец мой Иван и дядя Петр Сухановы с домашними своими и с прилучившимися посторонними людми,—во дворе запершись и из ружей по них воров палили многократно и не отступя того бою, оные разбойники, видя тогда бывший от бога великий ветр, дом наш зажгли огнем, от которого огня неприминущие ради нужды из дому своего поневоле вышли в ограду свою, где оные разбойники, помянутых отца моего Ивана и дядю Петра схвативши,

---

[1]) Русская Старина за 1891 год, том 69, (январь)—стр. 214-218, и том 71 того-же журнала и того-же 1891 года (июль), стр. 174—178.

[2]) В легендарной стороне описываемых событий отразились мифические верования,—например, верования в колдовство, в заговоры и пр., Отмечая это, мы более будем касаться исторических фактов, исторической действительности, полагая однако, что и мифическая сторона, (составляющая поэтический народный вымысел), тоже представляет особый интерес для исследования.

Примечания автора.

били кистенями и копьями, колом и ножами своими резали, от которых тяжких ран отец мой Иван в тот же день к вечеру и умре; а дядя мой Петр от оных же воров тяжкого озлобления лежит весьма болен при смерти.

2-е. А прилучившихся в доме нашем людей Устьсысольской таможни и кружечного двора [1]) сего настоящего 1739 году бурмистра [2]) Исака Чюкомина, да купецкого человека Софрона Шешукова, Визингской волости бобыля Константина Маюрова копьями кололи и ножами резали всех их до смерти. А во оном зажженном дворе от страха оставшихся людей—девиц Любаву и Александру Петровых, дочерей Сухановых, да работницу Устьсысольской волости девицу Евфимью Климонтову дочь Мальцевых, да Межадорской волости крестьянина Семена Михайлова сына Остаповых, который у нас в доме имелся ради обучения детей в грамоте, всех сожгли до смерти. А другие наши домовые обыватели многие в ограде побиты и едва живы оставлены.

3-е. Да в том же сожженном дворе нашем имеющиеся письма, всякие крепости на деревенские владения и заводы и угодья и долговые взятки по крепостям и по распискам и памятным книгам и конторским и винокуренные имеющиеся указы позволительные и протчия и разные квитанции о клеймении кубов и котлов и по задаче вина на кружечные дворы отмерные, письма и о хлебных припасах к тому винному курению, выписи из контрактов, копии и долговые между собой записи и святые иконы на окладах серебрянных под золотом и без окладов и книги божественные разные, посуды серебрянныя, ценные стеклянныя, оловянные и медныя и железные и деревянные и платье всякое мужское и женское от российских и иностранных парчей и привесы к женским уставам золотые, серебрянные и жемчужные, также и от разных камней и в перстнях и серьгах, да два погреба с имеющимися питьями заморскими и русскими и над оными погребами в анбарах домовые снасти и куски серебрянные и медные и оловянные и железные и к судовым промыслам пенковые снасти и бывшие хлебные припасы для мясных и постных дней харчей, кои ими-же разбойниками пограблены, иные все сожжены без остатка. А цены иным вышепоказанным домовым пожиткам показать я не могу, понеже *оные вышеоб'явленные заведены прадедами и дедами и отцом моим и дядею изстари,* [3]) да ими же разбойниками похищено из двух ящиков, которые имелись в горнице у отца моего и дяди две тысячи рублей денег. И те яшики найдены после их разбойников на берегу изломаны; да под горницею было в анбаре покупного товару, а именно: пятнадцать тысяч белки чистой, по двадцати рублей тысяча,

---

[1]) Кружечный двор—кабак, где продавалось вино.
[2]) Бурмистр—управляющий или заведывающий.
[3]) Курсив мой.

Примечания автора.

того на триста рублей; один пуд струи бобровой[1]) сухой, по три рубля фунт, того на сто двадцать рублей, пятьсот горносталей по восьми рублей сотня, на сорок рублей; сто куниц, по три рубля десяток, того на тридцать рублей; тридцать лисиц красных, по рублю двадцати копеек одна, того на тридцать щесть рублей; сто пятьдесят норок, по двадцати пяти копеек одна, того на тридцать семь рублей пятьдесят копеек; двести червезей[2]) бобровых, деланных по двадцати рублей сотня, на сорок рублей, пять россомах, по два рубля пятьдесяти копеек одна, на десять (? *Н. Б.*) рублей пятьдесят копеек; двадцать винтовок, по рублю пятидесяти копеек одна, на тридцать рублей; двадцать пять пудов табаку, по два рубля пятидесяти копеек за пуд, на шестьдесят два рубля пятьдесят копеек; вышепоказанного товару на семьсот шесть рублей пятьдесят копеек, ими же ворами кои разграблены, а иное и огнем сожжено без остатка. Да в том же дворе было изготовлено от воровских людей для обороны оружия: двадцать фузей,[3]) четыре пары пистолетов, две пары мушкетов, шесть шпаг, пятнадцать копей, десять луков и стрелы, две пушки чугунные длиною по полуаршину с двумя вершками, одна пушка железная кованная длиною полтора аршина, а к тому оружию лядунка[4]) с патроном и натрусками с порохом и пулями и по оном бою оные ружья их остались в том дворе. А того оружия оные воры похитили или в огне сожгли, того знать не могу.

4-е. И по таковом домовом сожжении и убийстве людей и разграблении пожитков пловучи из Устьсысольской волости вниз по Вычегде реке бывшую при деревне нашей у Чевьи реки по вашему императорского величества указу нами построенную винокуренную поварню и в ней бывших винокуренных заводов два куба, шесть котлов медных, две яндовы, три поваренки, четыре поддона и все те медные шестнадцать труб, медные же весом трубы и котлы и прочия помянутыя медныя посуды были двадцать пудов, по цене за пуд по десяти рублев, того на двести рублев; да при той поварне два подвала и что имелось по камер-коллежскому указу, по подрядам нашим выкуренное вино простое на поставку к нынешнему 1739 году на яренские и устьсысольские кружечные дворы к тысяча восьми стам ведр в пятнадцати бочках—шестьсот ведр—ими же, разбойниками все сожжены.

А по подрядной цене оное вино по пятидесяти четыре копейки ведро, того на триста двадцать четыре рубля; в анбаре хлебного припасу ржаного и яшного шестьдесят четвертей сложною ценою, по

---

[1]) Внутри бобра есть два мешечка, наполненные краснобурой жидкостью, похожей на мазь, с сильным неприятным запахом. Жидкость эта называется „бобровой струей"; она употребляется на лекарство от нервных болезней и высоко ценится.

[2]) В других копиях челобитной значится «вервезей».

[3]) Древнее название ружья.

[4]) Лядунка—сумка для пистолетных патронов.

Примечания автора

872165

сороку копеек пудовка, того на двадцать четыре рубля, да на том же анбаре вверху хмелю двадцать пудов, по восьмидесяти копеек пуд, того на шестнадцать рублей. Дров триста сажень, по десяти копеек сажень, того на двадцать восем рублей (? *Н. Б.*); да в той же поварне заторный котел железный тридцать два пуда ценою сорок рублей; десять чанов заторных, ценою по 2 рубля, того на двадцать рублей; пятьдесят бочек дубовых, по шестидесяти копеек одна, того на тридцать рублей, да и мелкие посуды и снасти, и деревянные и железные по цене на десять рублей. При поварне сожжено и пограблено на девятьсот девяносто один рубль.

5-е. И сего ради в непоставке вышеозначенного подрядного вина на показанные кружечные дворы оных разбойников помешательство за всеконечным нашим раззорением и остановка учинилась.

Всемилостивейшая государыня императрица прошу вашего императорского величества, да повелит держанство ваше сие наше известное челобитье в яренской воеводской канцелярии принять и записать в книгу и о показанном нашем разорении, куда надлежит писать, чтоб в непоставке помянутого вина впредь нам в какой вине не причлось, а для всегдашняго нам оправдания с сего челобитья дать копию.

Вашего императорского величества нижайший раб города Яренска вышепомянутый купецкий человек Елисей Суханов, писал сию известную челобитну Устьсысольской волости черносошный крестьянин Дмитрий Федосеев сын Забоев. К поданию надлежит в Яренскую воеводского правления канцелярию. Майя 15-го дня 1739 года. На подлинной подписано тако.

К сей известной челобитне Елисей Иванов сын Суханов руку приложил,—на том же подлинном и пометка подписана тако:

„Подана июня 4-го дня 1739 года, записав пошлины взять по указу и записать в приход. Просителю Суханову и по повытьям дать с сего челобитья точные копии. Повышеписанном для ведома куда надлежит писать немедленно; кою пометку скрепил князь Семен Вяземский и подписал своеручно на подлинной.

Тоже с подлинной читал и проверял Григории Денисов—и пошлины по указу две копейки взяты и в приход записаны.

Секретарь Никифор Чернозаводский. А подканцелярист Семен Клячин“.

Далее к этой челобитной написано характерное добавление, в котором неизвестный автор пытается об'яснить по своему описываемое в челобитной Елисея Суханова происшествие. Это добавление (излагается в том буквальном виде, как написано), таково:

«. . . . . Кои Суханов Иван и Петр Афанасьевы сыновья. А по бойкости своей Иван и назван был от людей „Шипицей“, которое прозвище имел до смерти своей; также и смертное убийство получил от своего упрямства от своих же прежних приятелей с коими

разбойниками сам прежде разбойничал, у коих даже атаманом главным был, когда пославши отец его в Сибирь для наживы хорошей, а не к разбойнической, по бойкости своей он поступил в разбой, где его и сделали атаманом, где ему было нажиточно. А по нажитке и захотелось ему отделиться от оной шайки, то он по разделу от них и пошел к начальству с об'явлением на товарищей своих, кои все были пойманы и засажены в острог, от коль они и писали ему в Устьсысольск, и просили от него пятьсот рублей денег, но не получивши от него на оное никакого ответа пишут они также и второе письмо к нему но он также опять и то письмо пропустил втуне и пишут они ему и третье письмо даже с угрозами что есть ли денег не вышлет нам то добра не дожидайся даже и жив на свете не будешь, но он опять же и на это письмо им ничего не ответил. А хотел хитростью своей избежать от них в коих однако сомненье имел, к чему даже приискал себе главного колдуна с коим и приколдовал все свое имущество и человечество со всем и строением и службами, чтобы человек невидим был и никакая пуля и орудие его повредить не могло. А строение чтобы и огнем не жгло, чего и точно что все волшебство ко всему вполне у их действовало, но только как в недогадь остался у них один веник половой незаговорен, по приходе разбойников не мало они старались зажогою дому и служеб, но никак не могут зажечь пока не коснулись к оному венику до того никакого огня они видеть нигде не могли. А коснувшись к нему и везде все загорело. Также и человека копьем тычут совершенно как в железо или в камень ничего его никакое орудие незабирает, тут же в толпе своей находится Шипица, но невидим разбойникам коего даже прилежно еще ищут, но невидевши мимо их он прошел во избежание оного страха наипаче того его ужаснило как разбойники стали убивать набат бьющих людей с колокольни и дошедши он со страху оного называемой заучевский ручей, где и пало ему на ум, что матерь его убьют и воротился он за нею тогда уже волшебный заговор его недействовал и виден сделался, где и стали его бить и копием колоть, но и тут его не забирает пока неуложили да не.... [1]) проткнули копием, потому как тому месту, как и венику особенного заговору не было оттого и убиен зделался и все волшебное действие с того нарушилось.

Но и другой брат из за него вместе погиб по своей смирности и блаженству, который вроде блаженного был, а не безумен. А болие кроме того дому никому никакого зла не делали даже у Григория Ивановича тож в доме были, пили, ели и ушли благодарны даже с благословением руками своими и с приговором сеи дом буди благословен отныне и до веку, которые слышила и видела сама хозяйка тож от страха в ужасе сидевши на лестнице в темных сенях, которая к приходу ихнему раньше и припасла им ушат пива, два штофа

[1]) Здесь народным именем названа задняя часть человеческого тела.
Примечание автора.

вина и хлебного довольное количество чем они и остались весьма довольны. А не то бы по одной фамильности может и ихний дом тож разорили затем оттоле и поплыли в Човью. А по разорении Човьи и возвратились обратно без всякой обиды и разорения протчим жителям Устьсысольской волости».

Этим заканчивается примечание переписчика челобитной.

Таким образом, из вышеизложенной челобитной видно, что она состоит из пяти частей (или пунктов) и заключения, а к ней уже в позднейшее время (что видно хотя бы из слога) сделано добавление, ввиде пояснения к событиям, изложенным в челобитной, в простой безхитростной форме каким то суеверным переписчиком этой челобитной (точнее,—копии ее).

Последнее добавление, несмотря на всю его нелепость, имеет огромное значение, как характеризующее мировоззрение народной массы известного времени.

В видах полного уяснения дела,—своими словами, хотя кратко, повторим содержание этой чолобитной. Оно будет следующее:

10 мая 1739 года в Устьсысольское селение неожиданно приплыли сверху реки Вычегды в многолюдстве какие то люди, которых челобитная называет „ворами и разбойниками", и окружили двор и дом проживавших здесь купцов Ивана и Петра Сухановых.

Осажденные Сухановы заперлись в доме и стали палить по „ворам", а последние зажгли этот дом. Во время „домосожжения" были убиты Иван Суханов и находившиеся в его доме служащие Устьсысольской таможни и „бурмистр" кружечного двора Иван Чукомин. Брат Ивана Суханова—Петр Суханов—оказался избитым до полусмерти; дочери Петра Суханова—Любовь и Александра, работница их Евфимия Климентьева и проживавший в доме Сухановых для обучения детей грамоте Семен Остапов во время этого пожара сгорели.

Имущество Сухановых отчасти сгорело, отчасти было расхищено нападавшими на их дом. Вот краткое содержание челобитной.

Эту челобитную какой-то переписчик, взявший на себя роль своеобразного летописца, „поясняет", сообщая, что Иван Суханов был никто иной, как атаман разбойников, по прозвищу Шипича, и что он знался с колдунами и был сам колдун, а нападавшие на его дом люди были никто иные, как его прежние друзья—разбойники, которых он выдал правительству, за что они и были посажены в острог. Так как Иван Суханов отказался уплатить им пятьсот рублей денег, о чем они просили три раза в своих письмах, то они в лодках неожиданно приплыли в Устьсысольское селение сверху реки Вычегды и произвели «домосожжение», а самого Ивана Суханова («Шипичу») убили.

На основании этой челобитной вполне определенно можно судить, что здесь является фактом, исторической действительностью, и что должно считаться только легендой, народным преданием, постепенно развившимся вокруг этого исторического факта.

Кичин и Арсеньев, сообщая вместе и факт и легенды, не высказывают определенно своих взглядов, а передают только как народное предание, что Сухановы были разбойниками. Но вот Александровский уже определенно утверждает, что Иван Суханов—это и есть Шипица, начинающий свою карьеру разбойником в Сибири (каковым именем, по словам Александровского, якобы прежде назывались Пермская и Вятская губернии), и что у Суханова имелась своя шайка друзей-разбойников, вместе с которой он закладывает основание своего богатства.

Какие же основания имеются у Александровского утверждать, что Суханов был разбойником, хотя и «благоразумным», перешедшим на сторону правительства, выдавшим «своих товарищей по ремеслу»? Можно ли в самом деле опираться на то добавление, сделанное каким то переписчиком этой челобитной, где говорится, что Суханов «смертное убийство получил от своего упрямства, от своих же прежних приятелей, с коими разбойничал, у коих даже и атаманом главным был».

Повидимому, обратив внимание на это добавление к челобитной, Александровский оставил без всякого внимания слова челобитной, что все сожженное богатство и расхищенное имущество: пивоварня, заводы, снасти к судовым промыслам и другие „нажитки" *были заведены прадедами, дедами и отцом моим* (то есть жалобщика Елисея Суханова) *и дядей изстари*". [1])

Эти факты, изложенные в челобитной, определенно свидетельствуют о том, что богатство Сухановых накапливалось и наживалось, (возможно, всякими „правдами и неправдами") издавна, а не так, как понимает Александровский,—сразу, путем разбоя, и в продолжение жизни одного человека. Не обращено также внимания и на то, что убитый Иван Суханов имел уже взрослого сына Елисея (подателя челобитной) и, следовательно, имел свою семью; это обстоятельство, если не абсолютно препятствовало, то во всяком случае давало мало удобств и простора для разбойничьих подвигов.

И действительно, в одной из грамот о построении в Устьсысольском селении в 1692 г. деревянной церкви в честь „Георгия Победоносца" уже упоминается какой-то церковный староста „Мишка Суханов" (В прежних официальных документах до времен Петра I все просители и жалобщики назывались уменьшительными именами). В церковные же старосты, по прежним приходским церковно-общественным традициям, избирались купцы или вообще лица, обладающие достатком. Следовательно, этот факт подкрепляет в некоторой степени слова челобитной о том, что „домовые нажитки" семьей Сухановых заведены были „изстари".

К тому же допустить, что все это колосальное богатство (дома, винокурня, пивоварня, снасти к судовым промыслам, погреба даже

---

[1]) Курсив мой. *Авт.*

с „заморскими винами“) было приобретено в течение одной человеческой жизни, хотя бы путем разбоя, не представляется возможным, так как для организации винокуренных и пивоваренных заводов (с их котлами и пр. принадлежностями), для того, чтобы установить связь с заграницей („иностранная парча„ и „заморские вина“) при тогдашних условиях времени и места (страшной отдаленности Сысольского селения от других промышленных и торговых пунктов) и чтобы нажить состояние, дающее возможность сделаться поставщиком вина на Яренский и Устьсысольский Кружечные дворы,—требовалось долгое время, превышающее жизнь одного поколения.

Конечно, всякая частная торговля (а тем более вином) заключает в себе открытый грабеж, как это прекрасно вскрыто политической экономией; допустимо также, что в основание родового богатства Сухановых первоначально легло то, что приобрел какой-либо основатель их рода путем, действительно, разбоя. Но ведь речь идет не о первоначальном накоплении богатств в роду Сухановых, а о том, кто такие были те Сухановы, о которых говорится в челобитной, и в каком виде—в виде ли купцов и торговых предпринимателей, или же в виде разбойничьих атаманов—застает их история.

Доводы Александровского, что Суханов (Шипича) положил основание своему благосостоянию разбоями, и, якобы, у него была своя шайка,—противоречат челобитной и основаны только на народных сказаниях и на добавлении, сделанном к челобитной каким-то переписчиком ея; этому добавлению не приходится особенно доверять, хотя бы только потому, что все богатство „разбойников“ Сухановых этот переписчик об‘ясняет их знакомством с колдунами и нечистой силой.

Ясно, что этот переписчик сообщает не исторический факт, а свое личное мнение или мнение подобных ему суеверных обывателей, и основывать свои заключения по этому делу на этом добавлении не приходится. Указание Александровского о том, что свое мнение он высказывает на основании каких-то архивных документов (однако без поименования и даже без указания, где он видел их), является совершенно неубедительным.

Далее Александровский высказывает предположение, что «самое дело о Сухановых или не дошло или, всего вероятнее, его и не было, как и вобще не бывает в большинстве так называемых „разбойничьих дел“, когда стараются не выносить сора из избы и решают его по душам», а далее заявляет: „Дело это типичное, судя по пересказам тех разбойничьих дел, которые уже были в Устьсысольском уездном суде“ [1]). Выходит, что все таки какие-то разбойничьи дела были; получается непонятное противоречие.

---

[1]) В описываемое время (в начале 18 столетия) так называемого Устьсысольского уездного Суда не было, так как Устьсысольск, как уездный город, стал существовать лишь с 1780 года.

Примечание автора.

В конце своей статьи Александровский утверждает, что „дело весьма возможное“, что разбойники симулировали разгром по наущению самого Шипичи (странная симмуляция, заметим мы от себя, когда сам „Шипича“ оказался убитым), и что „все это могло быть и могло не быть„—уже совсем неожиданно заключает Александровский.

Подобными заявлениями Александровский заставляет нас остановиться на вопросе, действительно ли „выписка с копии Сухановского грабежу“ (или точнее,—копия Сухановской челобитной) может считаться, выражаясь его собственными словами „драгоценным бытовым документом“, которому можно придавать значение исторического документа.

Этот вопрос станет особенно уместным, если мы обратим внимание на то, что в нашем распоряжении находится только „выписка с копии“, а не сам подлинный документ, затерявшийся в безчисленных канцеляриях старого порядка, а может быть и уничтоженный неизвестно когда и где.

Обращаясь к языку этой челобитной, мы замечаем, что она включает в себе обороты: „бывшему солнцу во время обедника“, „видя тогда от бога великий ветр“ и т. п. и отдельные слова: „воры, воровские люди“ и пр., которые встречаются в старых исторических документах 16, 17 и начала 18 веков. Поэтому в том, что такая челобитная была, и что эта выписка переписана с подлинника, не представляется оснований сомневаться. Да это видно и из заключительной части челобитной, где сказано, что Суханов просит ему дать „с сего челобитья копию“; выписка эта, по всей вероятности, и является копией, кем то переписанной с копии, выданной на руки просителю Суханову.

Наконец, содержание этой челобитной в некоторой степени подтверждается и другими историческими документами. Александровский упоминает о построени Сухановыми в Устьсысольском селении церкви. И, действительно, сохранилось содержание грамоты епископа Велико-Устюжского и Тотемского Сергия, данной в 1735 году (т. е. всего за четыре года до описываемого в челобитной происшествия) „посадским людям города Яренска Ивану да Петру Афанасьевичам Сухановым“ на постройку в Яренском уезде Сысольской волости в Троицком приходе (т. е. в теперешнем городе Устьсысольске) каменной Покровской церкви „понеже в оном Троицком приходе имеется приходских двести домов“... а в них „по генеральной переписи мужского полу больше девятисот душ“,—каковую церковь (взамен обветшалой деревянной) эти Сухановы должны построить „своим иждивением и со всеусердным радением“, поскольку этими Сухановыми уже приготовлены материалы: „кирпича обожженного 300 тысяч, на фундамент каменья, железа двести пудов, извести двести бочек“ и прочее.

Эта грамота, подобно челобитной, тоже является в некотором отношении ценным историческим документом, поскольку она удостоверяет, что упоминаемые в челобитной Иван и Петр Сухановы действительно в это время существовали и уже проживали в Сысольском селении во всяком случае немалое время, являясь крупными богачами, если сооружали „своим иждивением" и на свои средства целую каменную церковь, для которой еще в 1735 году был уже ими заготовлен материал. Следовательно, проживали здесь они уже давно.

Другой исторический документ (указ Архиепископа Велико-Устюгского и Тотемского Гавриила, данный в 1740 году, т. е. через год после Сухановского домосожжения, на имя уже одного только Петра Афанасьевича Суханова о разрешении освятить вновь воздвигнутую каменную Покровскую церковь какому-то священнику гор. Яренска Симеону) опять в некоторой степени подтверждает содержание челобитной. Иван Суханов в этом указе уже не упоминается; да оно и понятно, так как Иван Суханов 10 мая 1739 года, вследствии того, что „воровские люди копьями кололи и ножами резали его, от которых тяжких ран... в тот же день к вечеру и умре", а Петр Суханов, лежавший „от тяжкого озлобления весьма болен при смерти", как видно, все таки оставшись жив, впоследствии выздоровел, а поэтому в этом „указе" и упоминается один только Петр Афанасьевич Суханов.

Кроме того, в нашем распоряжении имеется так называемое „родословное древо" рода Сухановых, представляющее из себя схематическую запись о преемственных рождениях лиц мужского пола, которая производилась Сухановыми из поколения в поколение.

Из этой родословной Сухановых видно, что упоминаемые в челобитной лица—Иван и Петр Сухановы—действительно существовали, являясь сыновьями Афанасия Суханова, который вместе с братом Евстафием был записан в число Яренских купцов, а последние — Афанасий и Евстафий—были сыновья Леонтия, бывшего „судейкой" (земским судьей; земские судьи раньше тоже избирались из богатого слоя общества); в этой родословной упоминается и Михаил — сын Леонтия (другого),—повидимому, тот самый который был церковным старостой в Устьсысольском селении в 1692 г.

Эта родословная Сухановых также в значительной степени опровергает утверждение Александровского о том, что Иван Суханов нажил свое богатство открытым разбоем. Как то не вяжется со здравым смыслом, чтобы Иван Суханов, имея уже за плечами ряд богатых предков-купцов, положивших начало благосостоянию рода и его собственному богатству, рискнул заниматься грабежами, что — даже при слабости государственных охранительных сил того времени—могло окончиться для него „двумя столбами с перекладиной", тогда как мирная и „законная" его торговая деятельность путем эксплоатации и спаивания зырянского окружного населения давала ему несомнен-

но более верные и большие доходы, чем могли бы дать рискованные разбойные авантюры.

Правильность записей в этом „родословном древе" подтверждается другими историческими документами. Так, в Писцовой книге Яренского уезда 1646 года на стр. 179 говорится: „погост на устье реки Сысолы... а на погосте на церковной земле (дома) церковных причетников (далее перечисляются дома причетников) да крестьянских дворов: Степанко Давыдов сын Суханов с братом с Левкой да с сыном Самуилком, а Самуилке 4 лет....[1]).

И, действительно, в родословной записи мы видим, что какой то Давид Суханов (убитый разбойниками) на самом деле имел сыновей Леонтия и Степана, а у последного имелся сын Самуил, который в родословной записи помечен родившимся в 1642 году (следовательно, в момент зарегистрирования этого „Самуилки" в Писцевой книге в 1646 году ему было действительно 4 года, т. е. родословная в точности соответствует записям в Писцевой книге.

Эта родословная запись Сухановых подтверждается и другим документом, имеющимся в нашем распоряжении — договорной грамотой о сдаче крестьянами Печерской, Устьнемской и Мыелдинской волостей в 1782 году в арендное пользование Степану Григорьевичу Суханову, купцу гор. Устьсысольска, брусяной и точильной горы. В полном соответствии с этой договорной грамотой, в родословной отмечено, что Степан (сын Григория) Суханов в 1782 году зачислен был в Устьсысольское купечество.

Наконец, то обстоятельство, что „домосожжение Сухановых" — действительно было произведено, подтверждается и рассказами „Академика и медицины доктора" Ивана Лепехина, путешествовавшего в 1771 году, т. е. тридцать два года спустя после Сухановского домосожжения, по Зырянскому краю. В своих дневных записках он пишет: „29 июля (1771 года) приехали в славную Зирянскую селидьбу, Устьсысольским погостом называемую. Да и по истине село сие у всех зирян [2]) в особливом почтении. Оно построено было в трех верстах от устья реки Сысолы. Домы в нем отменнее пред другими селами, и построены две каменные изрядные церкви, одна во имя Живоначальной Троицы, а другая Покрова Пресвятыя Богородицы, но не храмы сии вперяли у зирян почтение к сей селитьбе, но живущие в ней богачи Сухановы прозываемые, которые и сами произошли от зирянского племени. Проворство их в торговле обогатило их и сделало зирянскими князьками. Каждый зирянин составляет их как бы природного крестьянина и все его стяжание почти надлежит Суханов-

---

[1]) См. А. А. Колычева „Материалы по истории Севера России. Том II „Писцевая книга и меры Петра Граевского да Подьячего Феофана Протопопова 54 (1646) году".

Книга эта имеется в Коми музейной библиотеке (Инв. оп. № 3625).

[2]) Лепехин называет зырян „зирянами".

Авт.

вым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы, и после обирают все их житье, бытье, богачество. Есть ли где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Устьсысольску и спросишь: кому они принадлежат?—отвечают: Сухановым; есть ли где пасутся стада, стада надлежат Сухановым; да и бывший на Печоре зирянский промысел в добывании точильного камня ныне надлежит Сухановым. Зирянские сии господари, хотя записаны в число Велико-Устюжского купечества, однако, живут в сем отдаленном месте от города *и страх, который они почасту претерпевают от наезду разбойников,* [1]) не может преодолеть их вкоренившегося над зирянами господствования. Сему страху так они подвержены, что и малолюдный мой приезд наделал им много сует, и я с великим трудом,—пишет Лепехин,—мог добиться, чтобы допущену быть пред лице сего зирянина и уверить его письменными свидетельствами о наложенной на меня должности, которая зирянину казалася непонятною, ибо в их пустоплесье по такие мелочи, каковы суть травы, никто не ездит. Сколь вредны вообще,—замечает Лепехин,—и сколь тягостны для крестьянства такие посторонние помещики и не по своим местам живущие промышленники, всяк удобно видит. Противу устья реки Сысолы с правую (*? Н. Б.*) сторону в Вычегду впадает река Дырния, на которой заведены мучные мельницы, принадлежащие вышеупомянутым Сухановым" [2]).

О чем говорит эта характерная заметка Лепехина о Сухановых? А о том, что „домосожжение" Сухановых, случившееся 10 мая 1739 г. от рук „воров и разбойников", действительно имело место, и оно, повидимому, уничтожило только часть имущества рода Сухановых и притом у одного семейства их.

Это раззорение коснулось семейства Ивана Афанасьевича Суханова, сын и наследник которого, Елисей, и жаловался в челобитной на свое раззорение; возможно, что он просто на просто воспользовался случаем, чтобы походатайствовать на счет уменьшения количества подряженного к доставке вина, причем мог преувеличить и степень своего раззорения. Дальнейшая история рода Сухановых показывает, что это „домосожжение" не отразилось на их благосостоянии; они продолжали торговать, владеть промыслами, захватывать в свои руки лучшие поля и пожни и обирать от зырян, по выражению Лепехина „все житье, бытье, богачество", т. е. другие члены их фамилии и рода еще долгое время продолжали держать зырянское население в кабале и эксплоатировать его.

---

[1]) Курсив мой.

[2]) См. „Путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора, по разным провинциям Российского Государства в 1771 г. Санктпетербург" стр. 272—273, в главе „Село Усть-Сысола" (Устьсысольск, как город, стал существовать с 1780 г.)

Лепехин во время путешествий интересовался местной растительностью, собирал травы, о чем он и отмечает в своей заметке о Сухановых.

Авт.

Итак, упоминаемые в челобитной Иван и Петр Сухановы действительно существовали,—так сказать, являлись историческими личностями.

Челобитная эта застает род Сухановых в стадии уже развившегося торгового капитала. Они были не только купцами-эксплоататорами, сосредоточившими в своих руках колоссальные богатства, но и монопольными поставщиками „подрядного вина“ в Яренский и Устьсысольский Кружечные дворы. То обстоятельство, что у них сгорели целые „погреба с заморскими питьями“ и „платье всякое мужское и женское от российских и иностранных парчей„ и „привеси к женским уставам золотые, серебрянные и жемчужные так же и от разных камней в перстенях и серьгах“ и пр. указывает на то, что они имели сношения с заграничным рынком, а сношения с заграницей могли иметь через Архангельск; в Архангельск же попадать могли на собственных суднах, о чем мы находим указание в словах челобитной, что в числе сгоревшего имущества были„ к судовым промыслам пеньковые снасти“.

Предметом сбыта на заграничный рынок, повидимому, служила пушнина (белка, куница, горностай, лисица, норка, бобры, россомаха и пр.). Случившееся 10 мая 1739 года „домосожение“ от „воровских людей“ лишило Сухановых возможности направить накопившуюся в их амбарах за зиму (и подробно перечисленную в челобитной) пушнину речным путем к Архангельску, на международный рынок, или—даже тем же путем—на внутренний рынок, и пушнина погибла в огне.

Здесь уместно припомнить, что еще в XVI веке, при Иване Грозном, англичане приезжали для торговых сношений через Белое море—в Архангельск. Не будем также забывать и того, что в то время через Об‘ячево н Ношуль, а позднее через Ужгу по зырянскому краю проходил от г. Соли Вычегодской (г. Сольвычегодска) великий Сибирский путь, который настолько оживлял эту сторону зырянского края, что, по словам Лепехина, в Ношуле ежегодно строилось для сплава хлеба, привозимого из Сибири, и др. товаров до 70 барок и др. судов.

Отсюда вытекает, что версия о том, что Суханов был разбойником в прямом и в обычном смысле этого слова и что он имел свою шайку разбойников,—не состоятельна.

Однако, эта версия (о том, что Суханов был разбойник) представлятся весьма ценной в другом отношении. На основании ея можно проследить, как народ вполне исторических личностей (в данном случае Сухановых) постепенно превращал в легендарных личностей, в былинных героев, знавшихся с разбойным миром, становившихся во главе шаек в качестве атаманов, занимавшихся колдовством и „волшебством“, вследствие чего „человека копьем тычут совершенно как в железо или в камень и ничего его, никакое орудие не забирает, человек невидим делается“, и даже „имущество не сгорает“.

Рассказы о Шипиче, играющие по отзыву С. Попова [1]) в зырянских сказаниях большую роль, представляют собою целую народную поэму или былину. Это своего рода прекрасная эпопея. В самом деле, сколько в этих рассказах чудесного, необыкновенного, мифического. Тут и клады с золотом, заклятья, заговоры, благодаря которым человек делается невидимкой, выходит сухим из воды, хватает пули рукой, тут и колдовство и чародейство, тут и атаман-разбойник и вещий тун, тут и незаговоренный „половой веник" и постройка церкви. Заморские вина и жемчужные ожерелья, иностранная парча и „привеси к женским уставам золотые, серебрянные и жемчужные", имевшиеся, по челобитной, в доме Сухановых, не меньше влияли на воображение современников, чем легендарные рассказы о кладах с золотом. Подземные таинственные ходы в домах Сухановых и теперь еще являются загадкой. Вымышленное с действительным сочеталось в красивую сказку или даже в целую поэму.

Вся жизнь Сухановых, даже поскольку она выявляется из челобитной, их богатство и связанное с ним экономическое могущество, сила и слава Сухановых — поражали народное воображение; все это для ума рядового обывателя представлялось нажитым не иначе, как связью с разбойниками, колдунами и волшебниками.

Существовавшие легенды о других колдунах и волшебниках, может быть, о предках Сухановых тоже с именем Шипицы, постепенно в некоторых частях отвлекались от прежних „героев", прикрашивались, развивались, сгруппировывались и приурочивались к позднейшим действительно существовавшим личностям Сухановым, поражавшим народную фантазию своим богатством, славой и силой, и с течением времени получилась та красивая легенда об Иване Суханове (которую он не заслужил), как об атамане разбойников и чародее — „Шипиче", которая так безхитростно, но в то же время весьма ярко обрисована в виде упоминаемого выше добавления, сделанного к челобитной каким то простодушным переписчиком—обывателем.

Является мысль, что атамана разбойников „Шипича", как особой личности, не существовало, как не существовало например, Соловья-разбойника, Ильи Муромца и др. героев русского народного эпоса. Этим об'ясняется, например, то, что одни говорят, что Шипица был ранее разбойником на Волге (Кичин), другие говорят, что он разбойничал по Печоре и Ылычу (Арсеньев), третьи говорят, что он занимался разбоем в Вятской или Пермской губ. (Александровский); наконец, С. Попов сообщает в № 1—2 „Коми му" за 1927 год предание о том, что Шипица прибыл из Архангельска.

Эта легенда о Шипице, передаваясь в народных преданиях из рода в род, разукрасилась подробностями и облеклась в ту поэтическую форму, в какую ее потом уложил наш знаменитый собиратель

---

[1]) См. заметку „Предание о Шипице" в № 1—2 журнала „Коми му" за 1927 год.

сказок севера Калистрат Фалалеевич Жаков в рассказе под названием: „Атаман Шипича“ [1]).

Домосожжение Сухановых К. Ф. Жаков в своем рассказе „Атаман Шипича“ описывает по народным преданиям уже несколько иначе. Здесь будет уместным, хотя в самых кратких выдержках, привести это описание.

„Тремя отрядами напали на его дом (т. е. на дом Атамана Шипицы) новгородские ушкуйники, закованные в железо“.

„Ослабел я сейчас“,—сказал Шипича, — „но отражу удар“,— и подняв руки над водой, заклятье произнес.... и вода поднялась из чаши длинными фонтанами.... Все разбойники оказались в воде по колено, но храбро они шли к дому Шипичи в брод... Повторил тогда свое заклятье Шипича... и вода поднялась по грудь разбойников. Она клокотала вокруг дома и наполняла рощи... Третье заклинание произнес вещий тун... и по шею оказались в ней разбойники. Не хватило силы для новых заклинаний у Шипича... и схватили его за бороду разбойники и стали рубить топорами... Долго рубили разбойники Шипичу, но убить не могли его .. Разрезали разбойники нижний его пояс, и умер Шипича. Убили разбойники дочерей туна, обесчестив их, и бросили их на берег реки. Ограбили они дом Шипича и уплыли с богатой добычей, сначала вниз по Сысоле, а потом по волнам широкой Вычегды“.

Вот как передает народное сказание об этом событии Калистрат Фалалеевич Жаков.

Все это наглядно показывает, как и исторический факт—описываемое в челобитной Елисея Суханова событие—делалось постепенно предметом легенд и народных сказаний.

Эти легенды и сказания с течением времени, подобно снежному кому, все наслояются и наслояются вокруг одного ядра — „домосожжения Сухановых“, меняя согласно духу времени свой характер.

Предание, записанное только еще в 1926 году С. Поповым, передает, что Шипича решился зарыть себя и все семейство в яму. Вырыли (на месте нынешнего города Устьсысольска) яму, зашли, подрубили столбы и погибли, „до сих пор существует яма, и малые дети боятся ходить туда“ [2]) („Коми му“ № 1—2, 1927 г.).

В последнем предании уже содержатся указания на те подземные ходы, о которых передает П. П. Ползунов, Так, в № 7—10 журнала „Коми му“ за 1924 год П. П. Ползунов пишет, что покойный учитель Я. С. Курбатов ему передавал, что в поземном ходе, шедшем со двора бывшего дома Сухановых в Устьсысольске, он видел нишу, в которой была большая каменная плита, около двух аршин в поперечнике. При ударе по плите раздавался гул, словно плита закрыва-

[1]) См. Сочинения К. Ф. Жакова: „Под шум северного ветра“, стр. 75—79.

[2]) Характерно, что нигде в старой литературенам не удалось встретить указаний или рассказов о подземных ходах Сухановых.

Авт.

ла собой какой-то склеп: Возможно, что Сухановы хранили под этой плитой свои ценности" [1]).

Сообщение в высшей степени ценное... Тем более, что существование подземных ходов подтверждается следующим фактом.

„При проводке канавы по Набережной улице г. Устьсысольска, 4-го июля 1925 года рабочие наткнулись на остатки знаменитого хода Сухановых, ведущего от двора здания Партшколы к реке. Судя по вынутым доскам, он был обшит тесом с пазами, который был хорошо просмолен. В настоящее время обшивка почти совсем сгнила",— так сообщает газета „Jугыd туj".

„По словам одного из руководителей над уличными работами,— тов. Турьева",—в дополнение к этому сообщает проф. Грен,—при раскопке рабочими подземного хода Суханова был обнаружен вполне сохранившийся свод со столбами—подпорками, так что этот остаток древности вполне доступен исследованию" [2])

Таким образом, сообщение П. П. Ползунова о том, что в 1908 году летом он лично видел в огороде быв. городского училища (т. е. при здании, принадлежавшем ранее Сухановым, где ныне помещается Коми Областной Музей) яму около двух сажен в диаметре и около аршина глубины, как начало подземного Сухановского хода, куда он даже лично спускался,—вполне подтверждается. [3])

Ввиду таких важных сообщений, Обществу Изучения Коми Края, занимающему как раз то здание, при котором имеется начало подземного хода с какой-то каменной плитой, немедленно же нужно последовать примеру того древнего философа, который учил: „прежде всего познай самого себя", и начать свои исследования с занимаемого им помещения и подземного Сухановского хода. Если этот ход мог обвалиться и засориться землей, то во всяком случае та каменная плита, которую в этом ходе видел покойный Я. С. Курбатов и под которой, по его предположению, хранятся ценности, никуда деваться не могла. Вытащить эту каменную плиту из тьмы подземной на вольный свет представляет огромный научный интерес. Кроме того, это отчасти резрешило бы вопрос о том,насколько можно верить разным преданиям и сообщениям, несмотря на всю их „свежесть". При этом, конечно, не исключена возможность найти, если не Сухановские ценности, то оружие и другие археологические редкости.

Существование этих подземных ходов не заключает ничего невероятного; они соответствовали условиям времени и отдаленности

---

[1]) См. статью „К вопросу о подземном ходе со двора бывшего дома Суханова в гор. Устьсысольске". П. П. Ползунова в № 7—10 за 1924 год журнала „Коми му", стр. 44.

[2]) См. в газете „Jугыd туj" № 147 от 17 июля 1925 г. заметку: „Подземный ход Суханова", и в №153 от 26 июля того же 1925 г. заметку за подписью проф. Грена: „Еще о ходе Суханова".

[3]) П. П. Ползунов и теперь здравствует, проживая в Тверской губернии, где служит на должности учителя

Авт.

местности и вызывались необходимостью купцам Сухановым на случай нашествия опасных людей укрываться в них и скрывать там свои сокровища.

Этим о Сухановых пока и покончим.

Более сложным для разрешения вопросом является: „кто были те лица, которые так круто расправились 10 мая 1739 года в Усть-сысольском селении с богачами Сухановыми?“

Александровский утверждает (опять таки—согласно добавлению к челобитной), что это были прежние друзья Суханова, члены его разбойничьей шайки, отплатившие ему за то, что он выдал их правительству и отказался поделиться с ними награбленным имуществом.

Несостоятельность этой версии настолько очевидна, что бросается в глаза всякому. Если бы разбойники были выданы правительству Сухановым, то мстить Суханову им уж не пришлось бы, так как за разбой их ждала от правительства слишком жестокая кара.

Во всяком случае, писать Суханову предупреждающие письма из какой то тюрьмы и, словно по плану, прибыть в Сысольское селение и расправиться с Сухановым его бывшие друзья—разбойники не смогли бы.

Из цитированной нами грамоты на постройку церкви видно, что Сухановы за четыре года до несчастного для них происшествия занимались уже торговлей и были богачами.

Кроме того, нападение в Сысольском селении на дом Сухановых было совершено весной (10 мая 1739 года), в каковое весеннее время лишь при необычайно счастливых условиях можно было приплыть в лодках в Сысольское селение с верховьев р. Вычегды, так как верховья Вычегды обычно вскрываются от льда поздно. А при направлении в Сысольское селение этих разбойников откуда-нибудь издалека,—их всегда ожидала масса всевозможных препятствий, ввиде необходимости запастись хлебом, продовольствием, вооружением, лодкой. Эти препятствия для них были бы непреодолимы, если бы это продовольствие они отбирали, подобно простым уголовным преступникам (разбойникам) от населения принудительным порядком, силою.

Отсюда невольно делается вывод: нападавшие на дом Ивана Суханова пользовались полным сочувствием местного зырянского населения, или, скорее всего, они были сами зыряне, расправившиеся своими силами и средствами с эксплоататорами, „Господарями“ Сухановыми, неожиданно, наездом, напав на их дом.

Вот чем можно себе обяснить, что, по словам академика Лепехина, во время его пребывания в селении Усть-Сысола, в 1771 году (то-есть даже спустя 32 года после „домосожжения“ и разорения от „разбойников и воров“) последующее поколение Сухановых испытывало „страх от наезду разбойников“, который, однако, „не может преодолеть их вкоренившегося над Зирянами господствования“.

Да и вся эта легенда о том, что разбойниками, напавшими на Сухановых, были прежние друзья Суханова, опять таки противоречит содержанию самой челобитной. Из нея видно, что „воровские люди", разорившие Сухановых, были в многолюдстве и прибыли „без вести нечаянной" и внезапно, следовательно без всяких предупреждающих писем.

Обращаясь к старым историческим документам, мы видим, что под „ворами", „воровскими людьми" прежде разумевалось совершенно не то, что понимается под этим именем теперь.

Известно, что в XVI—XVIII веках под „воровским" человеком, „вором" разумевался человек мятежного, безпокойного характера, склонный к противогосударственной деятельности. Вспомним по официальным историческим документам наименование второго Дмитрия Самозванца (из эпохи так называемого „Смутного времени") „Тушинским вором" [1].

Степан Разин и Пугачев в официальных бумагах тоже именовались ворами, разбойниками и т. п. Словом, ярлык „вор, разбойник, злодей" и т. п. накладывался как на обыкновенных уголовных преступников (воров и разбойников в полном смысле этого слова), так и на лиц, поднимавших мятежи, смуту в государстве, на лиц поднимавших политический и социальный протест, на лиц, выражавших свое недовольство установившимся укладом жизни, налогами, и вообще экономическим и политическим положением.

Отсюда, наименование нападавших на дом Суханова лиц „воровскими людьми" и разбойниками не говорит еще о том, что это были разбойники обыкновенного уголовного типа, искавшие только наживы. Напротив, весь характер нападения на Сухановых: то, что было пограблено, уничтожено имущество только Сухановых, что пострадали только они и находившаяся случайно в их доме и во дворе прислуга и др. лица и служилые правительственные чиновники, [2]) — все это указывает, что это нападение на Сухановых, воплощавших в себа силу капитала и, следовательно, силу влияния и власти, носило характер расправы и имело противогосударственный характер.

Что в тот период времени в пределах теперешней Коми Области действительно происходило какое то народное брожение, носившее противогосударственный характер, видно еще из другого исторического документа: из указа Яренской воеводской канцелярии от 1748 года в ответ на челобитную крестьян Устьнемской и Печерской волостей.

---

[1]) См. „Лекции по русской истории" проф. С. Ф. Платонова, изд. 1907 года, стр. 236—244; а также „Курс русской истории" Ключевского, часть III, стр. 47—58.

[2]) Уместно припомнить слова переписчика, сделавшего добавление к челобитной, что „кроме того дому (Сухановых) никому никакого зла („воровские люди") не сделали".

Авт.

Из этого указа видно, что в 1745 году в Устьнемскую и Печерскую волости прибыли какие-то *„воры и разбойники“, которые,, грамоту и указ и прочие мирские письма в платеже подушных денег и прочих по указам податей взяли к себе, оную грамоту изорвали на мелкие части и с того оставили пять драных лоскутьев, а остальные лоскуты, указ, письма и квитанции унесли с собой* и т. д.[1]).

Отсюда становится непонятным утверждение А. Н. Александровского о том, что ,,разбойники были исполнителями предначертаний высшей власти“. Нам представляется наоборот. Уничтожая Суханова—этого, по выражению Александровского, ,,колонизатора и представителя буржуазного правительства“, этого ,,зырянского князя и господаря“, по выражению Лепехина, и уничтожая ,,царские указы и грамоты“, — ,,воровские люди“ и ,,разбойники“, шли как раз против этого правительства и высшей власти, почему в официальных документах того времени они и называются ворами, разбойниками и злодеями.

Этот указ, описывающий события, происшедшие в совершенно противоположном от г. Устьсысольска (точнее, от бывшего Сысольского селения) углу теперешней Коми Области, случившиеся в 1745 г., т.е. всего шесть лет спустя после ,,Сухановского грабежу“ (бывшего в 1739 году), следовательно, является тоже весьма важным историческим документом.

В самом деле, не удостоверяет ли этот указ Яренской воеводской канцелярии, что в описываемое время (почти в середине XVIII века) в пределах теперешней Коми Области происходило глубокое народное брожение, разражавшееся то ввиде погрома над представителем буржуазного класса—Сухановым, то ввиде уничтожения царских грамот, указов и пр.?

Конечно, имелись в это давнее время в пределах Зырянского края и обыкновенные уголовные преступники, воры и разбойники в точном смысле этого слова.

В своей книге „Земское самоуправление на Русском севере в XVII веке“ профессор М. Богословский приводит содержание одной грамоты горожан и крестьян г. Устюга Великого, в которой они пишут Московскому правительству: „Приходят летнею порою в Устюжский уезд на Юг и на Двину и на Сухону из Вятских пригородов и с реки Волги многие воры разбойники, крестьян мучат и огнем жгут, и головы секут и животы грабят, и деревни и хлебы и сена жгут, раззоряют до основания, и многих лучших и середних крестьян в Устюжском уезде посекли и пожгли и животы пограбили, раззорили до основания“ и т. д.

Возможно, что отдельные шайки этих рядовых воров и разбойников из Устюжского уезда, подымаясь по рекам, могли забраться и

---

[1]) Курсив мой.

Авт.

в Зырянский край; могли, конечно, такие шайки уголовных преступников приходить на Север из более южных губерний и не только в XVII, но и в описываемом веке (в первой половине XVIII века). Но полагаю, что всякий согласится с тем, что если бы в данном случае—на Печоре—имели место подвиги этих обыкновенных разбойников уголовного пошиба, искавших случая только „пограбить—во всю", то им не было бы смысла и цели похищать „грамоты и указы и прочие мирские письма", рвать на мелкие части царские грамоты и даже отдельные лоскуты указов, писем и пр. документов и уносить с собой; из Яренского же указа не видно, чтобы эти разбойники отбирали что либо у зырян или причинили им непосредственно какой либо большой вред, если не считать за такой вред то, что крестьяне других волостей „ведая, что оную грамоту и указ показанные злодеи у нас пограбили, в оные леса и угодья ходят и промышляют, как зверя, так и птиц по нашим путикам обирают, ходят Чердынского уезду обыватели по вышеописанным рекам промышляют рыбы, да брусяной камень усильством своим берут, отчего нашей Устьнемской и Печерской волостям происходит не мало обиды и разорение напрасно, а понеже не токмо государственных податей платить, но и пропитания за малоимением пашенных земель от того не имеем" [1]).

Из этих слов указа Яренской воеводской канцелярии 1748 года видно, что местное население понесло „обиду и разорение" не столько от разбойников, сколько со стороны „Чердынских обывателей" и крестьян других волостей, которые, воспользовавшись уничтожением „разбойниками" царских документов на владение печорского населения разными угодьями, стали самоуправничать и хозяйничать по рекам, брусяным горам и в лесах.

Конечно, не так просто разрешить вопрос, откуда были эти „воры и разбойники", которые на Печоре уничтожали и рвали на „лоскуты" царские грамоты и указы; трудно также ответить и на вопрос, были ли они теми самыми лицами, которые так круто расправились с Сухановым; были ли они местные люди или являлись пришельцами откуда нибудь с Камы или из Чердыни, или были то Новгородские ушкуйники. Впрочем, это и не так важно. Важно для нас было установить то, что характер деятельности как тех, так и других „разбойников" носил явно выраженный противо-государственный характер, и что это было делом рук не простых разбойников чисто уголовного типа, а лиц мятежного, бунтарского характера, искавших, может быть, приключений, но в то же время своими действиями выявлявших протест, вызывавших брожение масс и замешательство власти.

---

[1]) Цитируется из книги „Краткий очерк кустарных промыслов населения Устьсысольского уезда" А. М. Мартюшева, издание Устьсысольского Земства 1904 года, стр. 32—33, где челобитная и указ приведены полностью. Лиц, желающих ознакомиться подробнее с этой интересной челобитной и указом, отсылаю к этой книге.
Авт.

Как следы пребывания этой вольницы на Печоре, сохранились в народной памяти разные легенды и воспоминания.

А. С. Сидоров удостоверяет, что на Печоре, около Подчерема, сохранилась даже оригинальная народная разбойничья драма, во время представления которой еще недавно все играющие наряжались в красные кумачные рубашки; один изображал атамана, другой эсаула и третий—какого то Юрку. Во время этой игры атаман-разбойник кричит: ,,пойдем в Нижегород, раззорим, ограбим. Сядем на лодки, запоем любимую песню"... Все запевают: ,,Вниз по матушке по Волге"... Затем выхватывают одну из девиц и предлагают ее в жены одному из разбойников и т. д. [1]).

Не напоминает ли эта драма, хотя немного, былые дела Поволжской вольницы (в конце XVII столетия) во главе со Степаном Разиным, расправлявшимся на Волге с купцами и боярами и похитившим, по народным преданиям, Персидскую княжну, затем сделавшуюся его любовницей?

Итак, по нашему мнению, около середины XVIII столетия (1739-1745 г. г.) в пределах территории нынешней Коми области происходило большое брожение народных масс, вылившееся в конце концов в активное движение, носившее противогосударственный характер [2]).

Суханов (Шипича), как „именитый человек" (по выражению Александровского) и купец-эксплоататор, владелец винокуренного завода и пивоварни, судовладелец, собственник нескольких деревень, пожитки которого „были заведены прадедами, дедами... изстари", не мог участвовать в этом социальном движении, как совершенно чуждом и в корне расходившемся с его классовыми интересами, — не мог быть атаманом разбойников.

Напротив, он сам сделался жертвой еще в начале этого движения, потерпел от него и даже погиб.

Сказания о „Шипиче" представляют из себя народные поэмы, былины, отличающиеся от русских былин тем, что герой их совершает свои подвиги и дела не только при помощи физической силы, мощи, как это по преимуществу воспевается в русских былинах, но, главным образом, при помощи своих духовных сил — колдовства, чародейства, волшебства, заговоров, заклятий и пр.,—под влияние которых подпадают не только люди, но даже сама природа (вода не мочит, веник не горит, копье не колет тело, пуля не пробивает руку и т. п.).

Поэтому, разрешать всю эту историю так, как об'ясняет Александровский, что Суханов (Шипича) был атаманом разбойников и по-

---

[1]) См. статью „Ижмо-Печорский край" А. Сидорова в № 7—10 за 1924 год журнала „Коми му", стр. 119.

Авт.

[2]) Эти выводы автора, по нашему мнению, требуют более серьезного обоснования историческими документами.

Редакция.

гиб в 1739 году от рук своих товарищей—разбойников, так как, якобы, не поладил с ними при дележе награбленного богатства и выдал своих товарищей царскому правительству,—значит слишком упрощать разрешение вопроса. Такое об'яснение почти равносильно оставлению народных сказаний без должной критики и обсуждения.

Полагаем, что будущие Коми историки, изучая прошлое своей родной страны, имея теперь доступ во все архивные хранилища не только местные, но и центральные, которые, к сожалению, я лишен был возможности использовать, сумеют более подробно и ярко осветить те события, которые происходили в пределах Коми края в сороковых и пятидесятых годах XVIII столетия, а также смогут собрать все отдельные предания о Шипиче в одно прекрасное целое сказание.

А. М. МАРТЮШЕВ.

Коми народ, как об'ект Московской завоевательной политики в XIV—XV веках [1])

(Доклад, прочитанный в исторической секции Общества Изучения Коми Края в гор. Устьсысольске 20 мая 1928 года).

(Материалы к истории Коми народа).

Распространение христианства среди северных народностей, продвинутое решительной рукой Москвы, имело определенную политическую и экономическую подоплеку, свойственную реакционно-крепостническому строю боярщины.

В то время как демократический Новгород, сам управлявшийся вечевым собранием, не вмешивался во внутреннюю жизнь своих даньщиков, Москва немедленно же насаждает в край тиунов, доводчиков и приставников. Везде, куда влекли экономические интересы, московские князья первоначально отправляли прокладывать пути культурного воздействия священника, разукрашенного внешним блеском. Инородческие племена с их весьма ограниченным мировоззрением очаровывались этим блеском и покорно воспринимали основы христианства, в первую очередь внедрявшего в сознание языческих племен „истину", кратко сформулированную в словах: „несть власти, аще не от бога" (разумеется—Московской).

В период начального развития Московского государства, постепенно поглощавшего все соседние русские княжества, появляется с этой основной миссией сияющий в своем облачении служитель христианского культа и в Коми крае. В самый короткий срок совер-

---

[1]) А. М. Мартюшев является знатоком-практиком того края, о котором идет речь в его настоящей статье.

Помещая эту статью, носящую полемический характер, в порядке обсуждения,—Редакция имеет целью путем обмена мнений вызвать наиболее полную разработку и исследование затронутых в этой статье вопросов, имеющих глубокий исторический интерес.

Редакция.

шает он свое дело, и Коми народ становится номинально христианским и верноподанным Москве.

Прославлению этого миссионера „Москвитянина по духу деятельности в собирании Руси", „Устюжанина по рождению" посвящен покойным Коми этнографом Г.С. Лыткиным капитальный труд, в котором автор откровенно говорит, что история кафедры епископа Пермского Степана „есть в то же время история незаметного, мирного утверждения влияния Московского государства в Вычегодско-Сысольском крае, населенном зырянами, даньщиками Великого Новгорода".

Одно это замечание говорит уже за то, что Степан, вторгаясь в пределы Новгородской волости, пользовался благоволением Москвы не столько за обращение язычников в христианство, сколько за „мирное завоевание" громадной территории под власть Москвы. Имея основным заданием в своеи миссии присоединение Новгородской провинции к Москве, Степан должен был, конечно, руководствоваться тогдашними политическими обстоятельствами Москвы, а потому нас единственно интересует его роль как политического деятеля, а не как христианского миссионера. Сторона религиозного просвещения не может быть интересна потому, что процесс обращения язычников в христианство повсюду и во все времена был слишком однообразен, и в этом отношении ни Степан ни Коми народ не могли представлять какого либо исключения: те же охранные грамоты, та же вооруженная рука в резерве...

Кроме того, мы определенно уверены, что Степан сеял семена христианского учения среди Коми народа на весьма разрыхленную почву, ибо мы знаем, что Новгородцы, за 200 лет до появления Степана, в своих походах на Печеру и Югру брали с собой священников (поп Иван Леген—в походе Яндрея). Зачем, спрашивается, нужны были новгородцам священники? Неужели только для удовлетворения религиозных нужд своего отряда? Конечно нет! Ясно, что священники, находясь среди язычников, не забывали своего прямого назначения и не безмолвствовали.

Далее, нам достоверно известно, что Гледенский монастырь в Устюге был основан Новгородцами даже раньше Яндреевского похода на Югру (1193 г.) Если в нашем представлении столетние и двухсотлетние периоды отдаленного прошлого как-то теряют свою действительную величину, и мы перелистываем их как обычные страницы, то в действительности 200 лет исторической жизни не могут не оставить глубокого следа в обычаях, нравах и общей эволюции быта народа.

Коми народ, живя на одной и той же открытой реке с Устюгом в 200—250 верстах и имея с ним постоянную торговую связь, без сомнения, знал основы христианского учения за много лет до появления Степана. Было бы странным допускать, что Устюг, имея своих епископов от Ростова (напр. Тарасия в 1290—1295 г.г.), не обращал никакого внимания на язычников-зырян, живущих в ближайшем соседстве. Весь вопрос, нам кажется, в том, что деятельность Степана, как пропо-

ведника христианского учения среди Коми народа, всплыла на историческом фоне выпукло только потому, что он впервые провел программные веления укрепившейся к тому времени Москвы с определенной четкостью, тогда как до этого обращение инородцев в христианство не входило в расчеты ослабевающих новгородцев и ростовцев, спасавших собственную политическую независимость от Московских посягательств.

В таком, надо полагать, в значительной мере подготовленном положении в смысле внедрения христианского учения находился Коми край, когда Степан начал проводить свое „мирное завоевание" и укрепление власти Москвы над северными племенами. Период такого завоевания продолжался более ста лет, т. е. с появления в Коми крае Степана в 1379 г. до снятия с Устьвыми епископа Филофея в 1492 г. Задержка столь продолжительное время политического представителя Москвы в лице духовного главы в такой отдаленной глуши, как Устьвым, об'ясняется не какой-либо особой острой потребностью Коми народа в духовном руководителе, а исключительно распространением политической власти Москвы на соседние народности—на Югру и на Каму, на что, конечно, потребовалось время. Когда Югра и Кама (Пермь Великая) были окончательно покорены, миновала и надобность в духовном руководителе, и его свободно заменили в Коми крае гражданские представители власти—стольник и воевода. Коми народ, сам по себе весьма не воинственный, никогда, конечно, не делал попыток освободиться из под власти Москвы.[1])

Политическая сторона жизни Коми народа за указанный период пребывания духовных представителей в крае в значительной степени освещена Г. С. Лыткиным, но так как все завоевательного характера действия Москвы тесно связаны им с миссионерской деятельностью епископов, или приноровлены преимущественно к прославлению духовных подвигов последних, то мы намерены по мере возможности ход политических событий выделить, оставив в стороне все то, что относится к личной характеристике епископов, как „чудотворцев", ибо в этом отношении они сделали в уменьшенном масштабе то же самое, что совершил когда то в Киеве князь Владимир, уничтоживший Перуна и погнавший киевлян в Днепр креститься.

Составив свою книгу под определенным уклоном прославления деятельности Степана, как просветителя, правителя и покровителя Коми народа, Г. С. Лыткин, нужно отметить, разобрал громадный исторический материал. Ценность его книги, мы бы сказали, определяется именно ссылками и указаниями на использованный им материал, и все интересующиеся историей Коми народа могут быть за это ему благодарны, но в то же время нельзя не отметить, что все те сказки и чудеса, которые нашли место в его труде, едва ли могут

---

[1]) Данное утверждение автора Редакция не разделяет.

Редакция.

служить сколько нибудь ценным освещением исторического прошлого Коми народа.

Официальная летопись (продолжение Новгородских) за тот период, когда Степан священствовал и епископствовал в Устьвыми (1379-1396 г. г.), не дает ни одного указания, чтобы кто-либо в это время воинственной рукой тревожил Коми народ. Однако Г. С. Лыткин в основном тексте своего „жизнеописания Степана" говорит, что в 1386 г. вогулы опустошили Верхне-Вычегодское и Сысольское селения, а Новгородские ушкуйники напали на Нижне-Вычегодских зырян, отняли у них все собранное *(Что? А. М.)* и ловитву. Затем, в 1391 г. „Вятчане стали грабить зырян по Лузе и по Сысоле". Во всех трех случаях Степан будто бы выходил один против врагов и заставлял их уйти, или, еще лучше, „лицо его казалось врагам грозным, облачение в пламени, сам он будто-бы мещет огненные стрелы". Враги, понятно, пугались, бросали награбленное и уходили. Во всех же этих трех случаях, в подтверждение таких „исторических фактов", Г. С. Лыткин ссылается на труд М. И. Михайлова, бывшего его учителя по Устьсысольскому уездному училищу в 40-х годах прошлого столетия.

Этот труд М. Михайлова под названием „Устьвым" был напечатан в 1850 г. в Вологодских губернских ведомостях.

Далее из указания Г. С. Лыткина мы узнаем, что трудом М. Михайлова пользовался целый ряд ученых при своих научных исследованиях" [1]). Сам же Г. С. Лыткин, пользуясь в свою очередь трудами этих ученых, больше всех использовал труд Михайлова. Таким образом, в освещении исторических событий, совершившихся в Коми крае в эпоху водворения в нем христианства, сочинение М. Михайлова „Устьвым" имело, повидимому, громадное влияние на все ученые труды, появившиеся до сего времени в печатном виде. Вольно или невольно,—все авторы, а особенно Г. С. Лыткин, придавали труду М. Михайлова значительную научную ценность. В деле изучения прошлого Коми народа, не имевшего своей письменности, мы встречаемся с поражающими противоречиями в выводах разных авторов, так или иначе занимавшихся изучением Коми народа. В тех случаях, когда под руками нет исторических фактов и документов, многие исследователи, повидимому, имеют склоннность обращаться к сказкам, корни которых идут, например, к скандинавским сагам, или рассказу норманского мореплавателя Отера, посетившего в IX веке Беломорское побережье и устье Северной Двины. Отсюда—легендарная страна Биармия со сказочными богатствами и высокой культурой, а дальше—видоизмененная „Пермия", „Пермь", „Парма-му", и в конце-концов неизменно Коми с большим историческим прошлым.

Отнестись недостаточно критически ко всем противоречиям и спорам прежних исследователей, основывавших свои выводы очень

---

[1]) Архимандрит Макарий, Архиепископ Филарет, Митрополит Макарий, П. И. Савваитов, П. Д. Шестаков, а затем А. Дмитриев, А. В. Красов и др.

Примечание автора.

часто на сказках,—это значило бы дублировать одно какое-либо определенное течение. Нам думается, что брать на веру мнение и выводы хотя бы весьма авторитетных лиц ни в каком случае не следует, ибо и такие выводы могут быть плодом неправильных истолкований многих исторических фактов.

Рискованно, конечно, положение, когда приходится говорить против того, что уже было принято и утверждено учеными авторитетами, но, однако, мы не можем примириться с тем, что сочинение М. Михайлова „Устьвым“ послужило большим основным материалом для дальнейших ученых исследований, и потому прежде чем рассмотреть события, происходившие в Коми крае при епископах Пермских, в рамках летописных указаний, мы вынуждены сделать значительную экскурсию в сторону выявления не подлежащих сомнению фактических извращений, нашедших место в труде М. Михайлова „Устьвым“.

Личность М. Михайлова в некоторой степени нам известна: он был учителем русского языка в Устьсысольском уездном училище с 1841 по 1853 г., когда он и умер в Устьсысольске сравнительно молодым человеком. Он был приезжий, русский. Как характерный факт, определяющий правовое положение русского чиновника того времени, отметим один момент из личной жизни его: в 1843 г. дирекция не разрешила ему жениться на девушке, которая была старше его годами. Как педагога и общественного деятеля мы знаем М. Михайлова по книге „История Устьсысольского Городского Училища“ П. П. Ползунова:

«Так как педагогический персонал того времени,—пишет П.П. Ползунов,—не отличался развитием и даже простой грамотностью, то дирекция принимала меры к самообразованию учащих и предлагала им заниматься сочинениями „для развития себя“». [1]) При этом дирекция давала и темы для сочинений; была, между прочим, тема „Исторические памятники, предания и древние рукописи“. В отношении выявления исторических памятников Коми край представлял еще непочатое место; данная область исследовательских работ могла оказаться очень благодарной, и М. Михайлов, обладавший весьма сносным русским литературным языком, блестяще выполнил полученное от начальства задание, и из-под его пера появился „Устьвым“. Но насколько глубоко продуманный научно-исторический труд представляет из себя этот „Устьвым“,—в этом нужно разобраться.

М. Михайлов прежде всего говорит, что при составлении „Устьвыма“ он пользовался „местными рукописями, тем более достоверными, что оне написаны были туземцем и основывались на свежих народных преданиях“.

Слова „на свежих преданиях“ дают уже основание полагать, что рукописи написаны давно, по крайней мере не менее чем 300 лет тому назад, так как иначе предания о жизни Степана и его ближай-

1) П. П. Ползунов, „История Устьсысольского Городского училища“, 1912 г. стр. 93, 97 и 106.

ших преемников, подвизавшихся в Коми крае в среднем 500 лет тому назад, не могли быть для составителя рукописей—туземца „свежими". Действительно, если рукописи были старинного происхождения, они были бы чрезвычайно ценными не только для одного М. Михайлова, но и для всех последующих исследователей истории Коми народа. Однако, к крайнему нашему недоумению, М. Михайлов почему то не об'ясняет, какого рода эти рукописи, каким туземцем написаны и к какому времени их можно относить, совершенно не делает выписок из рукописей подлинником, называет их краткими, говорит, что рукописи редкие и драгоценные сохранялись и передавались из рода в род зырянами, как святыня, и, наконец, приобретенные М. Михайловым, избавили его от голословного суждения, а в глазах читателей эти рукописи, как утверждает М. Михайлов, должны иметь „достоинство той новости, которая проливает яркий свет на бывшее до сих пор темное место в истории иерархии Устьвымской".

Никакого „яркого света" мы однако не видим, так как М. Михайлов не передал через печать подлинников „рукописей", назвав их в своем повествовании „краткими". Но изложение в его труде „Устьвым" в общем так многоречиво и витиевато, что невольно рождается мысль о преувеличении, или прикрасе фактов и сомнение в достоверности всего того, что излагается Михайловым.

После появления труда М. Михайлова „Устьвым" прошло уже почти 80 лет, но „местные рукописи", которыми якобы он пользовался, так и остались неизвестными кому-либо другому, кроме М. Михайлова. Истинное историческое значение этих „подлинных рукописей" можно было бы определить только тогда, когда они будут сданы для общего пользования, если они где-либо сохранились. В том же случае, если М. Михайлов, использовав „драгоценные рукописи", никуда дальше их не передал,—это было бы преступлением.

Однако, мы позволяем себе высказать мнение, что рукописи эти были далеко не столь ценными. Хотя они в преломлении через труд М. Михайлова и в дальнейшем через работы Г. Лыткина и всех других авторитетных авторов приобрели, быть может, своего рода научное освящение, но мы тем не менее имеем „дерзновение" сказать, что „Устьвым" представляет из себя почти сплошную отсебятину М. Михайлова. Он, между прочим, в своем труде приводит справку, что умерший в 1717 году Устьвымский священник Евтихий обращался к Вологодского Архиерейского дома дьяку Спиридону Степановичу с просьбой о присылке „жизнеописания епископов", но прислано ли было оно— М. Михайлов умалчивает и говорит лишь, что до приобретения им рукописей никаких положительных указаний о жизни епископов еще не было. Однако, он также ни слова не говорит о том, что приобретенные им рукописи имеют что-либо общее с тем жизнеописанием, о присылке которого священник Евтихий обращался к дьяку Спиридону. Все это дает полное основание предположить, что в распоряжении М. Михайлова никаких „драгоценных рукописей" не было,

и он писал свой труд „Устьвым“ только на оновании устных рассказов в церковной сторожке. Для того чтобы не быть голословным в таком предположении, мы приводим выдержки из „Устьвыма“, наиболее красноречивые по изложению, но никак не вяжущиеся со здравым смыслом.

Вот, например, что говорит М. Михайлов о Коми народе за период епископства Герасима, удушенного будто-бы его учеником-вогулом между 1441 и 1445 годами:

...„В первые годы управления Герасима Пермь наслаждалась глубоким спокойствием, внутри господствовал порядок, процветала торговля, промышленность народная усиливалась; внешняя безоопасность обеспечивалась мирными отношениями ко всем окружающим соседям. Народ благоденствовал, увеличивал источники приобретений, обогащался и наделял щедрыми приношениями монастыри и храмы божьи. Набожность его, возбуждаемая местным духовенством, повсеместно доказывалась тем, что не осталось ни одной многолюдной деревни, где бы не было создано церкви усердием прихожан“...

Все это похоже на простое письменное упражнение по рускому языку, но ничуть не на историю Коми народа. Любопытно было бы знать, какая промышленность тогда развивалась и как ибо всем этом было изложено в „местной рукописи“, якобы написанной туземцем. Сомневаемся мы и насчет церквей „во всех многолюдных деревнях“, так как из переписи Граевского в 1646 г., т. е. позже епископства Герасима на 200 лет, мы насчитали по всему Коми краю всего 23 погоста, а многолюдных деревень, как общее правило, вовсе не было. Кроме того, из грамот Вологодских архиереев известно, что большинство из приведенных выше 23-х церквей было построено только в XVI-м столетии.

Далее М. Михайлов, без всяких ссылок на какие либо исторические источники, говорит, что при том же епископе Герасиме Вогулы сделали нашествие под предводительством грозного их князька Асыки, но Герасим, явившийся в стан „грозного“, убедил их удалиться.

А перед этим М. Михайлов еще утверждал, что „внешняя безопасность обеспечивалась мирными отношениями ко всем окружающим соседям“!

Причины нашествия грозного Асыки, так мирно удалившегося, Михайлов ничем не об‘ясняет.

За период управления следующего епископа, Питирима, (1445—1455 г.г.) мы находим из 4-й Новгородской летописи по списку Дубровского единственное краткое указание о том, что „в лето 6963 (1455 г.) воевали окояннии безвернии Гогуличи Пермь Великую и епископа тогда убили Пермьского Питирима“.

Этот исторический документ плюс „местные рукописи“ дали, повидимому, М. Михайлову полный простор разгуляться в области словоизвержений. Правда, он ссылается вместо Новгородской на Архангелогородскую летопись, но и в этой летописи записано под 1445

годом не больше, а именно: „того же лета приходил вогульский князь Асыка да сын его Юмшан с ратью вогуличи на Вычегду, да владыку Питирима Перьмского убили“.

В описании деятельности Питирима М. Михайлов начинает с того, что „с первых дней своего управления Питирим обратил особое внимание на устройство церковное и вместе на водворение общественного порядка, нарушенного враждебнымиот ношениями к его пастве соседних народов; первым делом иерарха было восстановление дружественных с ними связей“.

Делая такое вступление о Питириме, М. Михайлов однако не указывает—враждебными отношениями каких соседей был нарушен общественный порядок, и с кем Питирим установил дружественную связь. Между тем, из повествования того же М. Михайлова мы видим, что при предшественнике Питирима — Герасиме — царили еще глубокое спокойствие и полный порядок. „Возвращаясь однажды из Москвы, — продолжает далее М. Михайлов,—Питирим с прискорбием узнал, что в его отсутствие вогульский князь Асыка опустошил ближайшие к Печере зырянские деревни, захватив в плен беззащитных жителей и удалился вверх по Печоре с награбленным имуществом“...

Не надолго, стало быть, Питирим установил дружественную связь с соседями, и не очень прочна была эта дружба...

Не обмолвившись далее ни единым словом о том, какие меры были приняты в ограждение от дальнейших враждебных отношений Асыки, жившего где-то близ Печоры, М. Михайлов продолжает свой расказ в таком виде, что „ревностный архипастырь Питирим, странствуя по Печоре, подобно Степану, преодолевал препятствия, терпел лишения, презирал опасности и... успел обратить в христианскую веру вогуличей, кочевавших по притокам Печоры“. Где в это время был Асыка, М. Михайлов, видимо, не знал, но он говорит, однако, далее: „Это приобретение новых христиан навлекло на Пермь страшные бедствия и стоило жизни самому проповеднику“.

Описание похода Асыки и самой картины убийства Питирима составляет в статье М. Михайлова лучшее место по красоте изложения и худшее—по своей нелепости. Мы считаем интересным привести отсюда выдержки почти полностью и сделать на них свои замечания.

«Слух об обращении вогулов в христианство—так начинает М. Михайлов—пробудил бешенную ярость в Асыке: лично негодуя на Питирима, он готовился нанести жестокий удар зырянам, проникнув в сердце Пермского края—Устьвым».

Затем описываются приготовления Асыки к походу, делавшиеся с величайшей скрытностью, чтобы застать врасплох зырян и Питирима.

«Созвав всех вогуличских князей с их бродячими ватагами,—продолжает М. Михайлов,—Асыка вооружил их луками и стрелами и летом в 1455 году пустился на плотах вниз по Вычегде, стараясь с по-

спешностью достигнуть Устьвыма. Не останавливаясь нигде на пути и задерживая прибережных жителей, чтоб не предупредили Питирима о прибытии его, Асыка скоро доплыл до Устьвыма и остановился в виду его, в десяти верстах от впадения Выми в Вычегду на высоком бору, который доныне сохранился в памяти зырян под названием: „Юр"—голова, вершина, становище, или „Асык-яг"—Вогульский бор, или Асыкин бор. Здесь он ожидал несколько времени Вятской вольницы, к которой с устья Сысолы отправил послов, приглашая ее для грабежа и добычи. На этот призыв вятчане не замедлили явиться. Соединившись с ними, Асыка искал удобного случая напасть на Устьвым. Прежде он хотел разведать, что делается в Устьвыми, не знают ли там о его прибытии, не обороняют ли города, дома-ли владыка Питирим и не намерен ли куда ехать. Для этого надобно было добыть языка. Был день воскресный. Рано утром один из Устьвымских жителей, по домашним надобностям, поплыл в маленькой лодке вверх по Вычегде и нечаянно натолкнулся на становище вогуличей. Асыка был рад этой встрече. Из рассказов крестьянина он узнал, что в Устьвыме все спокойно, что Питирим дома и в этот день намерен идти со всем собором на мыс, что близ устья Выми, для молебствия... Соображая эти обстоятельства, весьма выгодные для приведения в действие своих злобных намерений, Асыка поспешил пристать к Устьвыму именно в то время, когда Питирим выйдет на мыс и займется проповедью: тогда внезапностью нападения он всего легче надеялся поразить смертью и пастыря и стадо. Место, откуда вогуличи и вятчане наблюдали за шествием Питирима на мыс, до сих пор известно народу под названием Вятского наволока. Но при этом благоприятном случае, чтоб обмануть бдительность Питирима и скорее захватить его в руки, Асыка велел набросать на плоты множество срубленных елей и сосен, вершины и густые ветви которых скрывали бы его войско; этим он думал своей вооруженной флотилии придать вид пловучих дерев, будто подмытых напором воды»...

Дальше также весьма пространно описывается, как все в Устьвыме было спокойно, как никто не знал об угрожавшей опасности, как все—стар и мал—пошли с Питиримом молиться ма мыс, как там молились; и только тогда народ разбежался в страхе, когда вогуличи высыпали с плотов на берег и бросились с яростью к тому месту, где был Питирим и народ. Оставленный на месте один, Питирим был зверски замучен Асыкою, и тело его было брошено на мысу.

«Совершив злодеяние,—говорит в заключение М. Михайлов,—и, следовательно, удовлетворив чувство личной мести к Питириму, Асыка, довольный смертью его, не приступил к Устьвыму и удалился, захватив в плен прибрежных жителей»...

Относясь ко всему повествованию М. Михайлова без всякого предубеждения, мы тем не менее думаем, что в подобном детском лепете дальше идти некуда. Ближайшей причиной враждебного отношения Асыки к Питириму, как утверждает М. Михайлов, было то,

что Питирим обратил в христианство вогуличей, кочевавших по притокам Печоры. В повествовании М. Михайлова мы встречаем „грозного" Асыку до пяти раз. Неугомонный, но в то же время странный, повидимому, был этот вымышленный Асыка. По словам М. Михайлова, он еще при предшественнике Питирима—Герасиме—притеснял Печорских и Верхневычегодских зырян, но стоило только Герасиму явиться в стан его с кроткими словами, как свирепый Асыка удалился.

Далее М. Михайлов последовательно указывает, что Асыка в 1446 году был взят в плен войском, (отправленным Новгородским вече), за Уралом, но освобожден, как давший клятву. В следующем же 1447 году, нарушив клятву, Асыка опустошает зырянские селения по реке Печоре и удаляется куда-то вверх по Печоре. В 1455 году Асыка приезжает в Устьвым и убивает Питирима и только в 1457 г. его поймали и привели в Вятку. Далее по Михайлову выходит, что Асыка, живший где-то за Уралом, мог еще держать какую-то дружескую связь с Вятской вольницей. Кроме того А. Дмитриев [1]) указывает, что Асыка после того, как приведен был в 1467 г. в Вятку, вновь оказался врагом русских, и поход Федора Курбского в 1483 г. был вызван, главным образом, враждебными действиями Асыки. Таким образом, из указаний разбираемых нами историков мы видим, что один и тот же Асыка был грозой севера в продолжении более чем 40 лет.

Все указанные М. Михайловым исторические даты и повествование его в сокращенном виде попали в основной текст книги Г. С. Лыткина „Зырянский край при епископах Пермских". Поэтому все неточности М. Михайлова и расхождения с историческими указаниями мы должны отметить в порядке приведенных выше дат.

Данных о том, что вогулы еще при Степане, в 1386 г., опустошили Верхне-Вычегодские и Сысольские селения и приближались к Устьвыму, нигде, конечно, нет, кроме как у Михайлова.

Историческое событие, помеченное в летописи под 1446 годом, М. Михайлов, а потом и Г. С Лыткин в своих подстрочных примечаниях, осветили в таком виде, что „Югра, платившая дань Новгороду, во время смут на Севере в 1445 г. не прислала дани. Вече отправило против Югры трехтысячную рать весной 1446 года. Заволочане с зырянами пошли по р. Вычегде, Ю.-Мылве, Иктылю, волоком, по С.-Мылве, по Печоре, по лесным дорогам, пешком перешли через Камень (Урал) в Югру, захватили Асыку в плен, но потом, взяв с него клятву, отпустили на свободу".

Между тем об этом „походе на Асыку" из 4-ой Новгородской летописи мы читаем следующее:

«Того же лета 6954 (1446 г.) Василий Шенкурский и Михайло Яколь, воеводы Новгородцькии поидоша ратию Заволоцькою в трех тысячах на Югру и поимавше Югорских людей много, и жен и детей

[1]) «Пермская старина», вып. V, стр. 56-57.

Авт.

и располошишася. Они же Югрицы доспевши над ними облесть и ркючи тако: мы хотим вам дань даяти, а хотим счестися и указати вам станы, и островы и урочища, а в то же время скопившеся и ударившеся на острог Васильев, и много людей, детей боярских и удалых людей избиша 80; и бе жалобно слышати убиение их. А Василий убежа с сыном своим Симеоном в мале дружине, а инии разбегошася по лесу; а другой воевода Михаил Яколь в то время был во иной реце, и потом Михайло приехал к Васильеву острогу и виде острог разорен и своих побитых, а иных разбегшихся, и нача искати своих по реце; и скопишася к нему Василий с сыном и иные вси, и приехаша во свою землю».

Сопоставляя освещения похода Новгородцев в 1446 г. в Югру в передаче М. Михайлова и Новгородской летописи, мы видим, что без сомнения в обоих случаях речь идет об одном и том же походе, ибо число войск—3000 человек—и год совершенно совпадают, но откуда М. Михайлов взял, что заволочане с зырянами прошли по Вычегде *на Асыку*,—мы совершенно недоумеваем.

Мы знаем, что путь по Вычегде в Югру для Новгородцев был загражден Устюжанами еще в момент похода Степана Ляпы в 1364 г. Поэтому совершенно нельзя допустить, что в 1446 г., т. е. через 82 года, войско Новгородского вече проходило в Югру за Урал по Вычегде. Здесь, определенно, М. Михайлов сознательно или бессознательно перепутал и упустил из виду то, что Новгородцы еще много раньше похода Василия Шенкурского проникали на Печору через Пинегу и Мезень. Заложенный Новгородцами острог Пустозерск (названный в летописи "Васильев") в устьях Печоры существовал с самого начала XV столетия. Острог этот был складочным местом ясака с самоедов. Что именно здесь произошло столкновение Василия Шенкурского с ясачными самоедами,—в этом не может быть никакого сомнения; что Асыка и поход за Урал на Югру выдуманы М. Михайловым —это тоже верно; что летопись тех времен легко могла спутать Югру и самоедов под общим именем Югры,—вполне допустимо; что в походе Василия Шенкурского ни одного зырянина не было,—безусловно верно; что летопись о походе Василия Шенкурского упоминает об островах и урочищах—это также говорит за то, что Новгородцы были именно в устье Печоры, где островов много, а не за Уралом у Асыки.

Поэтому мы утверждаем, что в передаче события 1446 г. М. Михайловым допущена непростительная небрежность.

Не согласны мы далее с М. Михайловым и в том, что вогульский князь Асыка в 1447 году опустошил зырянские селения по р. Печоре, и после такого опустошения епископ Питирим „странствовал по притокам Печоры и обращал и христианство кочевавших там вогуличей". По каким же притокам Печоры,—спросили бы мы М. Михайлова,—Питирим мог находить кочевавших вогуличей? Мы знаем, что только правые притоки Печоры—Ылыч, Щугор, да север-

нее Уса доходят своими верховьями до Уральских гор, и эти только притоки имеют перевальное значение за Урал. До сих пор зауральские остяки приплывают иногда к Печоре только по этим притокам, где следовательно, Питирим и мог просвещать вогуличей. На какое же время Питириму нужно было оставить свое епархиальное управление в Устьвыме и отправиться на Илыч или Щугор за тысячу километров?

На это может быть только один ответ: ни один из епископов, начиная со Степана и кончая Филофеем, на Печоре не бывал. Не верим поэтому мы М. Михайлову, что Питирим обращал там вогуличей в христианство, тем более что М. Михайлов странствование Питирима на Печоре никакими историческими данными не подтверждает.

Совсем неправдоподобно, по нашему мнению, описано М. Михайловым и нашествие Асыки на Устьвым и убийство Питирима. Хотя Михайлов и утверждает что убийство вызвано личной местью, но мы думаем, что Асыка имел уже понятие о силе Московского оружия и едва-ли мог рисковать убийством представителя Москвы из побуждений личной мести. Затем, если Асыка действительно был опасным для Питирима и зырян соседом, то мы не можем допустить, чтобы Питирим был так беспечен и не принимал мер предосторожности от нападений. Нападение Асыки на Устьвым в той обстановке, какая обрисована М. Михайловым, не вяжется ни с способами передвижений воинских сил по рекам, ни с географическим и топографическим положением Устьвыма. Во-первых, окрестное население могло узнать о приближении Асыки и предупредить Питирима, а во-вторых, с какой „поспешностью" мог плыть Асыка на плотах по Вычегде, мы тоже знеем. Кроме того, как утверждает М. Михайлов, Асыка отправил с устья Сысолы гонца в Вятку, и пока Вятчане не прибыли, он не напал на Питирима. Мы бы задали вопрос: сколько же времени курьер прошагал [1]) по лесным тропинкам до Вятки около 500 километров? Какое нужно было время Вятчанам на сборы в поход и на такое же продвижение „по способу апостольскому" до Устьвыма? Очевидно,—целые месяцы. Асыка, проведший по словам М. Михайлова эти месяцы в Асык-яге, в десяти верстах от Устьвыма, не был никем обнаружен, и только случайно, в тот самый день, когда Питирим собирался молиться на мысу, попадается Асыке „язык" в лице одного Устьвымца, отправившегося в сторону Асыки „по домашним надобностям". Не попадись этот „язык",—так бы Асыка и не поймал Питирима врасплох, ибо, по выводам М. Михайлова, разведочная часть Асыки, видимо, была не важна. Стоит еще отметить стремительную

---

[1]) Именно «прошагал», так как даже при путешествии академика Лепехина, в конце XVIII столетия, не было еще по Сысоле грунтовых дорог.

См. „Путешествия Ивана Лепехина, академика и медицины доктора, по разным провинциям Российского Государства в 1771 г. Санктпетербург" стр. 239, 240, 282. *Авт.*

атаку Асыки на Питирима на плотах, задрапированных ветками и деревьями. [1]) Рассказ М. Михайлова в этой части мы уже назвали „детским лепетом“ и других названий давать больше не будем.

Отрицая факт убийства Питирима в той обстановке, какая передана М. Михайловым, и сомневаясь в то-же время в том, что убийство было совершенно в Устьвыме, мы приведем летописные данные об этом убийстве. В четвертой Новгородской летописи, составленной в конце XV или в начале XVI века, т. е. вскоре после убийства Питирима, говорится, что «гогуличи Пермь Великую (*обратить внимание*: „*Пермь Великую*“ А. М.) воевали и епископа Питирима убили». Хотя в Архангелогородской летописи, изданной лишь в 1781 году, это событие передано в несколько ином варианте, но мы вполне допускаем, что Архангелогородская летопись, составленная больше чем триста лет после данного события, могла несколько и „приврать“, хотя и она тоже не говорит, что Питирим был убит в Устьвыме. По нашему мнению, Питирим был убит в „Перми Великой“ на Каме, где-то около Чердыни. За это соображение говорит еще то обстоятельство, что преемник Питирима—Иона—через 7 лет после убийства Питирима, в 1462 г., „крести Великую Пермь, князя их, церкви постави и игумены и попы“.

Епископ Иона не мог, конечно, как Юлий Цезарь, „прийти, увидеть и победить“. Очевидно, для обращения в христианство язычников Камы нужна была какая-то продолжительная подготовительная работа. Вот на этой-то подготовительной работе и мог попасть Питирим под нашествие вогулов на „Пермь Великую“.

Само по себе убийство Питирима с точки зрения выяснения истории Коми народа ничего особенного представлять не может: убийство христианских миссионеров язычниками всегда было явлением обыденным. Но мы остановились на факте этого события несколько дольше потому, что нам хотелось обоснованнее доказать несостоятельность измышлений М. Михайлова об убийстве Питирима в Устьвыме. Для этого мы имеем весьма ценное старинное свидетельство. Одним почитателем Питирима вскоре после его убийства было составлено „сказание“ о нем, отысканное И. А Шляпкиным в библиотеке Петербургской духовной академии (Кирилло-Белозерская библиотека). [2]) В этом сказании говорится между прочим, что „искуситель дьявол вздвиже нань дивий язык поганых человек, рекомый гогуличи, сего же святого имше *на пути суща* [3]), смерти предаша“... Определенно, значит, Питирим был убит где-то в дороге („на пути суща“).

Из разбора повествования М. Михайлова, при сопоставлении с официальными данными, мы все больше и больше убеждались, что

---

[1]) Так мы когда-то охотились на Печоре за гусями, но и те почти всегда догадывались и улетали, не подпуская на выстрел.

[2]) См. Вологодские епарх. ведомости 1894 г. № 9.

[3]) Курсив мой. *Авт.*

автор „Устьвыма“ перепутал все исторические события и совершенно не знал географических названий Коми края. Поэтому мы тем более поражались, что Г. С. Лыткин, безусловный знаток Коми края, без всякой критики использовал труд М. Михайлова.

Закончив на этом с М. Михайловым, мы в нескольких словах остановимся на другом историческом памятнике, который также весьма широко использовал Г. С. Лыткин. Это тоже „жизнеописание Степана“, написанное будто бы его современником, монахом Епифанием и напечатанное в „Памятниках старинной русской литературы“ в 1862 г. под редакцией А. Н. Пыпина, вып. IV, изд. графа Кушелева-Безбородко.

До тех пор, пока мы не ознакомились с этим „жизнеописанием“ в подлиннике, мы допускали, что М. Михайлов и Г. С. Лыткин извлекли все „чудеса“ о Степане и его преемниках из этого жизнеописания. Но, оказывается, это далеко не так. Епифаний, прозванный кем-то даже „премудрым“, наоборот, прежде всего оговаривается о себе, что он „умом груб“, „словом невежа“, „худший в людех“, „меньший в человецех“, „последний во христианех“, „неключимый во иноцех“. Труд этого, якобы премудрого, Епифания служит для нас до сих пор ценнейшим свидетельством о жизни Коми народа во времена Степана.

Однако мы узнаем, что „ повесть Епифания“ была переделана, приблизительно через сто лет после смерти Степана, ученым Афонским монахом Пахомием Сербом [1]).

Сравнительно краткие заметки о деятельности Степана, сопровождаемые длинными цитатами из текстов священного писания, действительно говорят за то, что „повесть Епифания“ пересоставлена каким то „спецом“, выписанным может быть нарочно для этого из Афона, ибо составление замысловатых „житий святых“ могло входить в расчеты светской и духовной власти для затемнения сознания и без того темной массы. Однако,—нужно отдать справедливость Пахомию Сербу,—он оказался в выставлении разных „чудес“ много скромнее, чем последующие поклонники Степана, относившиеся к нему с безграничным религиозным уважением. В „повести Епифания“ никаких сверх‘естественных чудес мы не находим; нет там „прокудливой березы“, издававшей будто бы жалобные стоны, когда рубил ее Степан; нет ослепления тысячи людей, выполнявших потом для Степана большие принудительные работы; нет отдельного упоминания о слепом Гаме, Пырасе(Котласе), нет ни слова о встречах с воинствующими вогуличами и т. д. Есть, правда, указания о том, что зыряне встретили Степана сначала недостаточно дружелюбно, пытались будто бы даже убить его, особенно тогда, когда он сжег главную кумирницу, но в таких действиях Степана, а также в препирательстве с сотником

[1]) А. В. Красов. Зыряне Степан еп. Пермский, СПБ. 1897 г., стр. 152, с ссылкой на историю Иловайского т. II, Москва, 1884 г.

Примечание автора.

Памом, мы ничего особенного уже не видим. Такие действия мог совершить и не чудотворец; с успехом это-же мог проделать любой простой смертный, снабженный великокняжескими охранными грамотами.

По „повести Епифания“ все действия Степана оказываются вполне понятны, но когда мы встречаемся с описанием этих же действий, преломленных богатой фантазией новых „чудотворцев“, то мы ни в коем случае не можем согласиться с тем, чтобы преподнесенная нам М. Михайловым история Коми народа за период обращения его в христианство могла остаться в таком виде, в каком она вылилась из-под пера автора „Устьвыма“.

Те „местные рукописи“, которые будто бы служили М. Михайлову основным материалом для его работы и которые остались для всех других неизвестными, не должны оставаться вечной загадкой. Еслибы рукописи эти фактически существовали и действительно были в распоряжении М. Михайлова, то и в этом случае составителей таких рукописей И. А. Шляпкин справедливо называет „невежественными“.

Исправить и очистить историю Коми народа от тех наносных искажений, которые вплетены „сочинителями для развития себя“, придется, очевидно, новым научным силам Коми народа, свободным от предрассудков, подобных тем, которые прочно гнездились в умах „ученых“ старого времени, передававших выдуманные ими чудеса последующим поколениям, как непреложную истину.

Мы дерзнули поколебать сложившееся мнение о таких ученых с исключительной целью расшевелить критическую мысль подрастающих новых научных сил Коми народа, но в то-же время нам хотелось осветить период водворения христианства в Коми крае в рамках официальных летописных указаний, к рассмотрению которых и обращаемся.

В предыдущей нашей статье „Коми народ в первый период исторической его известности“ [1]) мы разобрали, как последнее историческое событие в Коми крае за тот период, поход Степана Ляпы на Югру, совершенный им в 1364 году. Ровно через сто лет после похода Ляпы мы видим первый московский отряд проходящим по Вычегде на Югру. Это по повелению великого князя Иоанна III в 1465 г. Устюжский Атаман Василий Скряба идет с вольницей забирать югорских князей Калпака и Течика... “А шли с ним (Скрябой) хотячие люди, да князь Василий Вымский Ермолич с Вымичи и Вычегжаны“.

Какие же были ближайшие причины этого похода? Мы знаем, что за 10 лет до этого похода при каких-то обстоятельствах был убит епископ Питирим. Суть дела, конечно, не в мщении за Питирима, а, вернее всего, в том, что Московские князья к этому времени развязали свои руки на Двине и, освободившись от необходимости вести дальнейшую борьбу с Новгородом из-за северных областей, мог-

[1]) Журнал „Коми му“, 1928 г. кн. 2 и 3. *Ред.*

ли уже свои завоевательные стремления перенести на восток, на непокоренных до сих пор Югров, которых оставить „без покорения“ очевидно было нельзя. Словом, пробил для них час, и вот... „и полону много (Югров) вывели и землю за великим князем привели“...

В походе атамана Скрябы нас может интересовать еще роль Вымского князя Василия Ермолича. Раньше, до этого похода, мы нигде не встречали зырянских князей; нет упоминания о них и в „повести Епифания“. Видимо, князья эти народились уже в период Московского владычества, во время управления Пермью епископами, и роль их сводилась лишь к слепому исполнению велений и великого князя, и епископа, и атамана. Таким-же исполнителем, конечно, был и Ермолич в отряде Скрябы.

Результатом похода Скрябы и Ермолича была поимка Югорских князей Калпака и Течика. Место, где последние были забраны, в летописи не указывается. Поход Скрябы был приноровлен только на летние месяцы: отряд его отправился из Устюга 9 мая, а осенью вернулся уже с победой. За одни летние месяцы, при отсутствии других путей, кроме рек, Скряба не мог уйти далеко, и мы полагаем, что Калпак и Течик были пойманы где-то в верховьях Вычегды.

Мы уже указали, что между последним походом новгородцев в Югру и первым действием Московского отряда Скрябы прошло ровно сто лет. Но что же творилось в течении этого столетия собственно в Коми крае?

Полагаем, что особенного ничего. Фактическая власть новгородцев над Коми народом окончилась последним походом Степана Ляпы в 1364 г. После этого началась борьба между Московскими князьями и новгородцами за обладание севером. Все столкновения их в этой борьбе происходили вне территории Коми народа; летописные данные указывают, что бои происходили или около Устюга, или на Двине, и нет ни одного намека на то, что хотя бы одно вооруженное столкновение московских и новгородских отрядов произошло на Вычегде. Принимал ли в этой борьбе Коми народ какое-либо участие, — абсолютно никаких указаний не имеется. И понятно, что новгородцам, — когда московские отряды выгоняли их со всего Двинского бассейна, — заходить в глухой Вычегодский край было уже некогда, а за Москву здесь работали епископы—„Москвитяне по духу“, хотя Пермь числилась на бумаге еще Новгородской волостью. И напрасно, по нашему мнению, недоумевает Г. С. Лыткин и задает себе вопрос: „когда же совершился переход зырянской страны из-под власти В. Новгорода под власть Москвы?“. И вслед за таким вопросом Г. С. Лыткин указывает, что в договорных грамотах с Москвой в 1434 и 1456 г. г. Новгород считает Пермь еще свой волостью, а Московский князь в 1449 г. в договоре с польским королем именует себя, между прочим, и Пермским князем. Подобное номинальное двоевластие над Пермью нас нисколько не удивляет. Очевидно, для перехода малонаселенного Коми края под чью-либо власть тогда никаких особых договоров не

нужно было. Пока шла борьба между Москвой и Новгородом вне территории Коми края, и новгородцы не имели возможности осуществлять свою власть над Вычегдой, епископы здесь, как в тихой курье, делали свое дело; снабженные великокняжескими грамотами, они были здесь полными наместниками Московской власти: с помощью тиунов и приставников собирали дань с народа, а как духовные лица препирались с иноверцами и сжигали кумирницы. Коми народ по своей малочисленности и неорганизованности не мог помышлять чинить им какие либо серьезные препятствия, примиряясь с той мыслью, что подчиняться кому-нибудь все равно придется.

Так, по нашему мнению, тихо, мирно, прошло столетие, охватившее период обращения Коми народа в христианство. Находятся даже современные авторы, доказывающие нам, что Коми край был ареной кровавых войн, войн беспрерывных, чуть ли не в продолжение целых столетий. Мы определенно полагаем, что эти авторы питаются теми сказочными измышлениями, основоположником которых оказался М. Михайлов.

В предыдущем изложении мы доказывали, что по летописным данным мы никаких особых войн в Коми крае не находили. Был, правда, где-то, по каким-то обстоятельствам, убит епископ Питирим, но этот единичный случай не есть еще беспрерывная кровавая война. Признаться, после убийства Питирима, собственно на территории Коми края никакой крови, пролитой вооруженной рукой вторгшегося неприятеля, мы не нашли... до нашествия белогвардейских банд Степана Латкина в 1919 г.

В представлении тех, кто верит сказкам о беспрерывных войнах в Коми крае, чаще всего враждебной стороной против Коми народа выступают вогулы и югры. До выдумок М. Михайлова мы никакой враждебности в них не видели. Еще отрок Гюряты почти за четыреста лет до „Михайловских войн“ свободно переходил от Печоры к юграм и обратно. Это значит, что предки современного Коми народа и югры жили в близком соседстве и могли иметь постоянное мирное общение. Ближайшей причиной враждебности выставляется, главным образом, обращение иноверцев в христианство. Однако, нет определенных свидетельств о том, чтобы иноверцы особенно враждовали против епископов. Пример: епископ Иона, крестивший в Перми Великой и князя и народ в то время, когда не было и помину о вторжении туда Московских войск. Потом Москва покоряла иноверцев не за то, что они плохо воспринимали христианскую веру, а потому что ей в ее завоевательном движении на восток нужно было становиться твердой ногой в тех пунктах, где жили инородцы. Таким образом, мы допускаем, что для покорения восточных инородцев Московские войска, возможно, проходили через Коми край, но никаких войн здесь они не вели.

После покорения Перми Великой Федором Пестрым в 1472 г. мы знаем еще два общеизвестных похода Московских войск для по-

корения Югры. Первый — в 1483 г. под начальством Федора Курбского и Салтыка-Травина, и второй — в 1499 г. — Семена Федоровича Курбского, Петра Ушатого и Гаврилова-Бражника.

Все исследователи истории покорения Югры в основном сходятся на одной версии, что Московские отряды проходили, главным образом, по Вычегде, переходили по С. и Ю. Мылвам на Печору, оттуда—через Ылычский, или Щугорский перевал—за Урал и там только покоряли югров и вогулов.

Насколько нам известно, только единственный ученый,— академик Лепехин, совершивший в 1771 г. по Коми краю и Архангельской губ. поездку (то верхом, то пешком, то на лодке),—несколько усумнился в возможности совершения здесь длинных больших походов воинских отрядов и задавал себе вопрос: „А когда сей народ новгородцами покорен стал?"—и тут же он добавляет: „и весьма дивно, как они (новгородцы) в такие далекие и болотные, едва с нуждой проходные места с войсками зашли". Кроме Лепехина, мы не встречали ни одного еще исследователя, который не перебрасывал бы в своих описаниях тысячные войска за тысячи километров через дикие тайги и горы с такой быстротой, которая и во сне не могла сниться даже Суворову и Александру Македонскому.

В этом отношении небезинтересно рассмотреть пути похода Федора Курбского в 1483 году и его сына Семена Курбского в 1499 году.

В передаче М. Михайлова и Г. С. Лыткина, а также А. Дмитриева [1]) поход Федора Курбского описывается в таком виде: Федор Курбский отправился в поход из Устюга 9 мая 1483 г., а вернулся обратно в том же году 1-го октября.

Теперь посмотрим, где успел побывать и что сделать Федор Курбский за 140 дней с момента выступления его из Устюга и до обратного возвращения туда. А. Дмитриев с ссылкой на Архангелогородскую летопись говорит: „В лето 6991 (1483 г.) князь великий Иван Васильевич посла рать на Асыку на вогульского князя, да и в Югру на Обь великую реку, а воеводы были Федор Курбский, да Салтык-Травин, а с ними Устюжане и Вологжане, Вычегжане, Вымичи, Сысоличи, Пермяки, бысть бой им на устье реки Пелыма. На том бою убили Устюжан седьм человек, а Вогулич пало много, а князь вогульский Юмшан убежал, а воеводы великого князя оттоле пошли вниз по Тадве реце мимо Тюмень в Сибирскую землю, воевали идучи, добра и полону взяли много, а от Сибири по Иртышу реце вниз воюючи, да на Обь на реку великую в Югорскую землю, а князей Югорских воевали и в полон вели, а рать пошла с Устюга мая в 9-ый день, а на Устюг пришли в Покров Святыя Богородицы".

Нам представляется, что в данном историческом документе столько-же правды, сколько, примерно, и в анекдотическом рассказе

---

[1]) „Пермская старина" вып. V. *Автор.*

сапера о сотворении мира. Мы уже указывали, что Архангелогородская летопись, изданная в 1781 г., представляет из себя частью извлечения из других летописей, а частью самостоятельные „известия“ и „вставки“. [1]) Вот эти то вставки, сделанные через 300 лет после совершившихся событий, и грешат большими неточностями. Поход Федора Курбского, изображенный согласно этих вставок, является беспримерным в истории человечества. Как мы видим из географических названий, отмеченных в летописи, Федор Курбский за одно лето успел пройти, „воюючи“, вперед и обратно по всем изгибам рек, примерно, около 8000 километров. Это значит, что его отряд, нигде не останавливаясь, делал ежедневные переходы по 57 километров. Он переваливал за Урал, как утверждает А. Дмитриев, тоже через Ылычский перевал („просеченное оконце мало“).

Кто для Курбского на всех реках готовил лодки, где были интенданские склады, каков был транспорт для перевозки продовольствия, награбленного добра и пленных, — А. Дмитриев, понятно, умалчивает.

Не менее интересен в описании А. Дмитриева поход Семена Курбского в 1499 году. Исходным пунктом для него, как и для его товарищей — Петра Ушатого и Гаврилова-Бражника — была Москва. Всего войска пошло на Югру 4024 человека (Какая точность!). Курбский пошел на Устюг и далее по Вычегде на Печору, Ушатый спустился по Двине до устья Пинеги и затем через Мезень на Печору, а Гаврилов пошел по Волге и Каме тоже на Печору, где около устья Щугора все три отряда соединились и пошли за Урал. Весь поход был совершен в течение ровно одного года: отправились из Москвы 12 марта 1499 г. и „придоша в Москву вси здравии 1500 г. марта“.

„Как небывалый по размерам, — говорит А. Дмитриев, — он более всех других походов исследован в последнее время и полнее других описан в источниках“ [2]) Затем, с ссылкой на целый ряд исследований, начиная с „Записок Герберштейна о Московии“, составленных будто бы со слов участников похода, А. Дмитриев последовательно разбирает все имеющиеся печатные материалы об этом походе и делает в основном такое резюме, что Московские отряды, прибыв на Печору и заложив острог Пустозерск, с'ехались у устья Щугора в городе Струпиле (крепость), где и сложили привезенные им запасы. Отсюда, т. е. из этого Струпиля, отряды пошли на лыжах „на Введение“ (т. е. 21 ноября) 1499 г. за Урал, причем в общем переход за Урал до Ляпина занял у них около 4-х недель. Стало быть в Ляпин они могли прибыть к Рождеству (25 декабря). В горах где-то они убили 50 самоедов и отняли у них 200 оленей. Кроме того, в горах же Гаврилов-Бражник отделился от своих товарищей и направился

[1]) „Сводная летопись“ под редакцией Лейбовича, СПБ, 1876 г. (предисловие, стр. XXVIII-XXIX).

[2]) „Пермская старина“, вып. У, стр. 65.

Прим. автора.

по предгорьям Урала к реке Ылычу для того, чтобы перейти Урал Югорским (Ылычским) переходом. Из Ляпина воеводы отправились далее на оленях, а рать на собаках. В общем все отряды „поимали 42 города, да взяли 1009 лучших людей, да 50 князей привели". И, наконец, „все они пришли в Москву к государю на Велик день".

Ссылаясь в описании похода Московских войск в 1499 г. на „Разрядную книгу" Академии Наук, А. Дмитриев называет слова этой книги „драгоценными".

Для исследователя, сидящего в кабинете, совершенно незнакомого с климатическими и топографическими условиями описываемой местности и разбирающегося только в литературных материалах, слова Разрядной книги, как старинного исторического памятника, действительно могли показаться драгоценными, но для лиц, практически знакомых с условиями перехода зимой через Северный Урал, едва-ли „слова" Разрядной книги могут быть сколько нибудь убедительными. Исходя именно из практического понимания тех трудностей которые должны преодолеваться в зимних передвижениях в Северном Урале, мы подвергаем большому сомнению правдивость описания похода Семена Курбского в 1499 г. через Щугорский перевал.

С большой натяжкой мы допускаем, что отряды, вышедшие из Москвы в марте месяце, могли добраться до Печоры к осени, но и то при условии, если везде на междуречных переволоках были заранее приготовлены соответствующие перевозочные средства и, затем, если на всех речных системах были устроены целые флотилии лодок, приспособленных к данной речной системе. Дальше описание похода А. Дмитриева, начиная с прибытия отряда на Печору, уже не укладывается в рамки мускульных сил человека, учитывая краткость времени и громадность расстояния.

Отряд Петра Ушатого, прибыв на Печору через Мезень, как видим из приведенных А. Дмитриевым „драгоценных слов" Разрядной книги, сначала спускается вниз по Печоре около 300 километров и основывает острог Пустозерск и потом только обратно поднимается по Печоре до Щугора (города Струпиля) около 1.000 километров. Если предположить, что Ушатый прибыл в Щугор не позднее 1 октября, когда по Печоре часто уже полный осенний ледоход, то нужно считать, что он прибыл первоначально на Печору (в Устьцыльму) не позднее 1 августа, так как два месяца для его поездки в Пустозерск, основания его и обратного под'ема до Щугора—срок уже весьма скромный. Как он сумел, выехав из Москвы в марте, прибыть на Печору к 1 августа,—мы оставляем без обсуждения.

Еще несколько слов о переходе через Урал на лыжах. У Печорских охотников, промышляющих в предгорьях Урала, принято, как правило,—брать на три человека запасную пару лыж на случай поломки. Если следовать этому правилу, то отряду Курбского нужно было более 5000 пар лыж, которые при самой плотной кладке составили бы поленицу около 12 сажен. Для того, чтобы возить эту поле-

ницу вместе с отрядом, очевидно, нужна была целая баржа. Все это дает основание думать, что лыжи должны были приготовляться в Струпиле. Если работало, скажем, сто человек и каждый делал по паре лыж в день, то на это ушло около двух месяцев, а за это время вся Югра успела бы, конечно, узнать о готовящемся на них походе и спрятаться в горах и тайгах Урала так, что и днем с огнем их не найти. Затем, на необитых лыжах (лямпах) нельзя и помышлять о переходе через горы. Легко на таких лыжах с вершины горы скатиться назад и свернуть голову. Стало быть, неизбежно нужно было обить лыжи „камысами" (шкурками с оленьих ног). Считая на пару лыж камысов минимум с пяти голов оленей, нужно было где-то поймать 30.000 оленей, а их как раз летом, когда отряды прибыли на Печору, там нет, а если есть, так только где-либо в тундре.

Тот момент, когда Курбский начал будто бы переход за Урал через Щугорский перевал (21 ноября), представляет из себя худшее время года, и все охотники в это время, примерно до конца января, прекращают всякую охоту. Дни на 65° север. широты настолько коротки, что солнце показывается не более как на три часа; в Уральских горах или стоят морозы до 40° по Реомюру, или при ураганных ветрах идет ужасающий снегопад.

Выбрать такое время года для перехода через Северный Урал на лыжах мог только сумасшедший. Кроме того, поставить на лыжи в горах и снегах Урала воина из центральной России, никогда в жизни не видавшего лыж,—дело замысловатое. И как раз,—как нарочно в подтверждение того, что Курбский не мог совершить переход через Щугорский перевал на лыжах,—в революционные годы (1918-1919) наблюдались такие случаи, что в красноармейском отряде, отступавшем в декабре из Ляпина в Щугор, уже по проложенной дороге (зимняку), где через каждые 20—25 килом. имелись оттапливаемые зимовые избушки, было много замерзших красноармейцев на промежутках пути между избушками. А деревня Подчерем, о которой так много раз упоминает в своих описаниях А. Дмитриев, отбилась 7-ю винтовками от отряда в 50 штыков только потому, что красноармейцы из южных губерний не умели ходить на лыжах и не сумели сделать обход деревни.

Затем стоит отметить утверждение А. Дмитриева о том, что „у камени розвелися воеводы", и Гаврилов-Бражник по предгорьям Урала пошел к Ылычскому перевалу.

Если на одну минуту допустить, что это правда, то отделение Гаврилова могло произойти у устья притока Щугора,--речки Волоковки,—в верховьях которой находится Щугорский перевал за Урал. Река Щугор с устья Волоковки круто поворачивает на юг и имеет одно направление до самых своих верховьев, где берет начало свое и река Ылыч, текущая также на юг до устья ея притока—Егра Ляги, в верховьях которой находится Ылычский перевал за Урал. По прямому

направлению от устья Волоковки до устья Егра Ляги не менее 450 километров.

Мы выше видели, что Гаврилов-Бражник прибыл на Печору со своим отрядом по Каме и, стало быть, проплыл мимо устья реки Ылыча, откуда до впадения в нее Егра Ляги всего 200 километров. Для того, чтобы перейти Урал через Ылычский перевал, не лучше ли ему было сразу завернуть в Ылыч? Нет, оказывается, почему-то ему нужно было плыть дальше по Печоре до Щугора около 400 километров и оттуда пробираться на лыжах по реке Щугору и по предгорьям Урала обратно к устью Егра Ляга еще до 600 километров. Наконец, если Гаврилову-Бражнику непременно нужно было повидаться с Курбским в Щугоре, то и тогда ему, по нашему мнению, гораздо лучше было при одинаковых расстояниях возвращаться к Егра Ляге не по предгорьям Урала на лыжах, а по той же самой Печоре, где во всяком случае, нужно предположить, могли находиться какие либо жилые поселения, а между ними—хоть подобия дорог. Отход отряда Гаврилова „у камени" от общего отряда Курбского не мог быть вызван каким либо изменением стратегического плана, так как в декабре месяце одинаково везде по всему Северному Уралу могли только свирепствовать ураганные ветры и морозы, и ни Курбский, ни Гаврилов не могли встретить там живого человека.

Интересна также отправка из Ляпина далее на Обь рати на собаках. Мы лично видали, что 6 остяцких собак по гладкой дороге с трудом везут одного человека. Если Курбский отправил на Обь только половину своих войск, т. е. около 2000 человек, то и тогда нужно было собрать 12000 собак, а чтобы их кормить—по одному фунту мяса в день—надо было убивать до 100 голов оленей ежедневно. Ясно, что такого количества собак и оленей во времена похода Курбского не могло быть по всей Сибири.

Еще несколько слов о городе Струпиле, который находился, будто бы, у устья Щугора. Я—Печорский охотник, уроженец села Щугора, в котором и прожил до 40-летняго возраста. В радиусе примерно 30 километров от с. Щугора, вероятно, не осталось ни одного бугорка, ни одного ручейка, где бы я не бывал на охоте, но никаких следов существовавшего города Струпиля я не видел, хотя и после 400 лет, прошедших со времени похода Курбского, хоть какие-нибудь следы города должны были сохраниться.

Заканчивая на этом разбор походов Московских войск на Югру, мы говорим, что походы эти, в силу физико-географических условий, не могли совершаться в той обстановке и в те сроки, какие указываются летописными и литературными данными, имевшимися до наших дней. Мы уверены, что насколько, например, А. Дмитриев добросовестно разобрался в литературных источниках, настолько же мог он отойти от истины, положась всецело на непогрешимость „Разрядной книги", „Записок о Московии" Герберштейна и т. п.

Сопоставляя приведенные нами фактические трудности с летописными указаниями, мы, очевидно, должны прийти к выводу, что Семен Курбский никоим образом не мог закончить свои военные операции в течении одного года. Как мы об'яснили выше, Курбский отправил свои войска из Ляпина для дальнейших завоеваний на Обь в конце декабря, а в марте месяце уже вернулся в Москву, успев завоевать за это время за Уралом 42 города и забрать в плен 1009 „лучших людей" и 50 князей. Так говорят нам летописные данные, которым, казалось бы, мы не имеем права не верить. Но какое то крупное несоответствие здесь очевидно. Во-первых, если после таких походов и стольких завоеваний из отряда Курбского, как указывает историческая запись, возвратились в Москву „вси здравии", то здесь не может быть речи о войне как таковой, со взаимным истреблением противников: здесь могло быть только забирание не сопротивляющихся мирных жителей, или,—вернее, может быть,—заложников. Во-вторых, если мы не допускаем мысли о том, что Курбский мог закончить свои операции за один год, то отсюда, вопреки историческому указанию, мы должны сделать совершенно противоположный вывод, а именно: Курбский все это мог проделать только в течение нескольких лет и притом в совершенно иной обстановке и ведя войну, главным образом, в теплое время года, да и то при большой организационной подготовке. И, таким образом, если последнее наше предположение верно, т.-е. что поход Курбского длился больше одного года, то тогда мы должны быть логически последовательны и должны сказать, что всем „драгоценным" словам „Разрядной книги", всем „Запискам о Московии" Герберштейна, составленным „со слов участников похода",—грош цена, как трактующим об одногодичном сроке похода.

Здесь, может быть, мы несколько рискуем оказаться слишком самоуверенными в своих предположениях, не основанных также ни на каких исторических документах, но мы все это заключаем, как уже говорили выше, только из практического понимания тех трудностей, которые приходится преодолевать путнику в лесах и снегах Северного Урала. Из опыта русско-германской войны мы имеем некоторое понятие о снабженческих базах, о коммуникационной линии и т. п., но все то, что приходилось видеть на современной войне, не могло применяться в походе Курбского, совершенном в условиях в десятки раз худших. Если рассказать о походе Курбского печорским охотникам в том виде, в каком рисуют его литературные источники, то, конечно, ни один из печорцев не поверит, да и не сможет поверить тому, что Курбский в 1499 г. мог совершить переход зимой на лыжах через Щугорский перевал. Трудности провоза продовольствия на нартах плечевой тягой по снежным сугробам в горах Северного Урала каждый охотник хорошо знает.

И что же, в конечном результате, вытекает из всего того, против чего мы возражаем?

Мы знаем, что продвижение русских за Урал с Камского бассейна началось примерно на сто лет позже похода Курбского на Югру. В 1597 году усолец Артюшка Бабинов первый проведал дорогу в Сибирь; тогда же был основан Верхотурский острог. Прилегающая к этому острогу местность была заселена лишь кочующими вогулами и остяками. Спрашивается, почему русские войска пошли за Урал на вогулов и остяков на сто лет раньше северными неприступными путями, а не пошли на тех же вогулов и остяков более южными и удобными путями с Прикамья?

Во время похода Семена Курбского в 1499 г. Кама, связанная с Москвой сплошным водным путем без каких-либо переволоков, была уже подчинена полностью под власть Москвы, и здесь Великопермский князь Матвей правил уже в качестве „великого князя—слуги". Казалось-бы, здесь, на Каме, лучше было организовывать материальное обеспечение оперирующих войск, отсюда ближе и удобнее было наступать на вогулов и остяков, нападавших до этого на Пермь Великую. Но нет, оказывается, по каким-то высшим стратегическим и политическим соображениям, Курбскому нужно было колесить через Мезень, Печору, пробираться за Урал на лыжах через трудно-проходимые перевалы и побеждать вогулов и остяков дальнего Севера, мирных, ни на кого не нападающих, в то время, как оставлялись еще на целое столетие в покое более южные воинствующие вогулы.

Мы уже указывали выше на полную непримиримость тех сроков, в течение которых, по имеющимся до сего времени литературным данным, совершался будто бы поход Курбского, с теми физико-географическими трудностями, которые нельзя преодолеть в течении одного года. А поэтому нужно сказать, вопреки всяким „Запискам Герберштейна", что Курбский никогда не переходил за Урал через Щугорский или Ылычский перевалы и ни с кем не воевал, ибо в отряде остались „вси здравии", а мог в лучшем случае быть только на Печоре, или в верховьях рек Камского Приуралья. Все описания о героическом его переходе за Урал через Щугорский перевал должны быть серьезно заподозрены, ибо Герберштейн, не зная местных условий, мог все географические названия во-первых основательно перепутать, а во-вторых не исключена возможность некоторого сгущения красок собственной фантазией. А затем „Разрядные книги", составленные много позже на основании Герберштейновских и других таких-же сведений, могли отойти от истины еще дальше. Все извлеченные А. Дмитриевым из „Записок Герберштейна" и „Разрядной книги" данные о путях через Северный Урал настолько неопределенны, что никакого точного представления для знающего эти пути не дают; по этим данным совершенно нельзя определить, где в действительности проходили отряды Курбского. В старинных литературных источниках мы не встречаем определенных названий „Щугорский" или „Ылычский" перевал. Оба они появились в литературе с того времени, как Г. С. Лыткин с легкой руки отождествил Гюрятовское „оконце мало"

с Ылычским перевалом. Мы вообще хотели бы указать на неопределенность исторических материалов, относящихся к Коми народу и вогулам. Особенно сомневаемся мы в ценности данных, нашедших место в Архангелогородской летописи.

Мы по возможности разобрали тот исторический материал, который нам оставлен предшествующими исследователями по освещению исторических событий, происходивших в период обращения Коми народа в христианство. Без риска впасть в ошибку, мы решаемся отметить, что во всем этом литературном материале есть очень много выдуманного, привнесенного теми авторами, которые освещали историю Коми народа попутно, посвящая в основном свою работу другим целям: например, М. Михайлов—сочинению „по заданиям начальства" и Г. С. Лыткин—прославлению Степана Пермского, как просветителя и чудотворца. Нет сомнения, что при осуществлении специальных целей литературно-исторического творчества, все побочные обстоятельства пригоняются в нужном свете для основного задания. Поэтому ни М. Михайлов, ни Г. С. Лыткин не могли быть совершенно об'ективными в освещении исторического прошлого Коми народа.

Возможно, мы взяли на себя большую смелость, рискнув подвергнуть критике и сомнению то, что до сих пор считалось вне подозрения, но к этому мы побуждались единственным намерением — выступить с пожеланием, чтобы современное поколение Коми народа отбросило преклонение перед теми мифическими личностями, „сказания" о которых превратно представляют нам прошлое Коми народа.

Из разбора литературного материала, относящегося к тому столетию, в течении которого совершалось обращение Коми народа в христианство, мы не нашли никаких кровавых событий на территории Коми края.

Коми народ, перешедший из-под власти Новгорода под власть Москвы, без сопротивления принял новую веру. Подчинившись управлению ставленников Москвы — епископов, народ покорно исполнял все веления Москвы, и политическими и экономическими судьбами Коми народа всецело распоряжалась также Москва.

Общественно-политическая жизнь Коми народа с подпадением под власть Москвы резко изменилась в сторону ограничения прав не только общества, но и личной жизни обывателя. Во времена налоговой зависимости (и больше никакой) от Новгорода, власть над племенем или отдельными группами племени сосредоточивалась в руках „тунов", „волхвов", как они называются по Епифаниевой повести; они же могли быть ближайшими представителями при сношениях с Новгородскими сборщиками дани.

С появлением в крае епископов власть переходит в руки последних; они же с помощью тиунов и приставников заведывали сбором налогов, они же грубой силой вторглись во внутреннюю жизнь

обывателя и приняли самые крутые меры к искоренению идолопоклонства, не столько, может быть, убеждением, сколько физическим воздействием. Мы не думаем, чтобы население так легко расталось со своими идолами. Епископу с помощью отряда (хотя в повести и сказано „с ученики") приходится ходить по домам для из'ятия идолов. В повести Епифания буквально говорится так: „Какову же ревность стяжа преподобный на болваны, глаголемые кумиры, како возненавиде я; сам без лености с ученики своими по погостам распытуя и в домех изыскуя, кумира преже обухом в лоб ударяше, ти потом топором иссечаше я на малые поленца и сгораше огнем".

Из одной этой выдержки уже видно, что права на домашнюю и духовную жизнь обывателя были попраны самым бесцеремонным образом. Если мы представим себе облеченных государственной властью людей, врывающихся в частный дом с топорами в руках, то правовое положение обывателя станет нам вполне понятно.

КОМИ - МОРТ.

Очерки зырянской охоты.

(Рассказы моего друга, охотника-промышленника ОШ-ИВАНА).

Мой друг,—заядлый охотник-промышленник и охотник-любитель одновременно, — личность действительно существующая, и рассказы его—отнюдь не плоды фантазии, а факты, события и обстоятельства, действующим лицом которых или был он сам, или о которых он слышал от других охотников-промышленников.

Зовут его Иван Прокопьевич Сед'юров (или, по зырянски, Прокö Иван). Ему уже далеко за 70 лет, и от тяжелых дальних охот он принужден отказываться, предоставляя их своему старшему 45-летнему сыну, унаследовавшему от него все обычаи, инстинкты и стремления к охотничье-промысловой жизни и любительской охоты. Однако, от медвежьей охоты („ош кыjöмыс") он и теперь никогда не отказывается, являясь специалистом и знатоком охоты на этого зверя, так как насчитывает на своей охотничьей совести 38 медведей, убитых им в берлогах, и с лабаза на падали, и при обворовывании Мишкой дичи из слопцов и петель на путиках,—и эти 38 медвежьих жизней, не считая медвежат и пестунов-годовиков, заслужили ему еще зырянское название-прозвище „Ош-Иван" [1]).

Иван Прокопьевич, (как и его старший сын),—тоже наследственный охотник-промышленник. Его отец, Прокопий Иванович (по зырянски „Ваньe-Прокö"), недавно умерший 90-летним старцем, был в свое время таким-же заядлым охотником и гонял исчезнувших теперь из наших лесов диких оленей и изюбров, добывал дорогих соболей. Мой друг, Иван Прокопьевич, только в молодости, 17-18-летним парнем, бывал с отцом на гонке оленей и соболиных охотах.

Иван Прокопьевич весь дышит добродушием, непосредственностью и зырянским гостеприимством. Он так охотно, умело и картин-

[1]) „Ош"—медведь.

Прим. ред.

но рассказывает свои охотничьи похождения, удачи и неудачи, что ни один человек, мало-мальски любящий охоту и природу, лес и воду, не откажется слушать его хоть всю ночь... Рассказы его, конечно, гораздо интереснее всяких „избранных охотничьих рассказов", изложенных в книжках. Они так полно, всесторонне и картинно освещают дело зырянской охоты, что точно пересказывать их на бумаге нет возможности,—ибо нельзя в печатном рассказе передать все нюансы, интонацию и особенный,— любовно рисующий и природу, и ловца, и зверя,—дух рассказа. Но сущность и детали, конечно, поддадутся пересказу. В нижеприводимых очерках мы и попытаемся это сделать, придерживаясь, где возможно, подлинных выражений и слов рассказчика.

I.

Как, когда и на какого зверя я научился „лесовать".

Я начал „лесовать" („вöравны") с 7-и лет,—когда мне сшили первый зипун (dyköc) из толстого домашнего сукна серой шерсти. Первой жертвой моих охотничьих похождений был „ур-кај" (еловый клест), который с первыми снегами большущими стаями появлялся в ближайших еловых перелесках, если год был урожайный на еловую шишку, которую клест любит шелушить, добывая своим крепким крестообразным клювом глубоко спрятанные в шишке семячки.

Орудием лова были волосяные петли („ʒуг"), которые устраивал я сам следующим образом: один волосок из конского хвоста складывался вдвое и свивался на пальцах таким образом, чтобы на верхнем конце оставалась петелька, в которую засовывался нижний конец свитого волоса, и получалась небольшая тоненькая петля, сквозь которую не должно было проходить туловище клеста. Два десятка таких петель прибивались заостренными деревянными клинышками к деревяшкам длиною около 6 вершков[1]), сложенным крестообразно, и получалась „ʒуг".

Устроивши таких орудий около полудесятка, я отправлялся в ближайший еловый лесок и ставил их на особо-устроенные и утоптанные бугорки из снега, которые предварительно поливал захваченным с собой в маленьком бурачке кислым квасом (а чаще — собственной мочей), отчего вершина бугорков принимала желтовато-коричневый оттенок. Этот желтовато-коричневый цвет и привлекал клестов, которые слетались на бугорки целыми стайками и попадались в петли. Иногда в один ʒуг попадало 10-15 клестов, т. е. чуть не в каждую петлю.

Так я продолжал ловить месяц и больше, пока снега не становились настолько глубокими, что бродить по ним оказывалось невозможным (ходить на лыжах или лямпах я, конечно, еще не умел). За весь сезон своего „лесования" я вылавливал тысячи клестов, а в

[1]) В целях сохранения колоритности рассказа, встречающиеся в нем меры длины и веса приводятся в старых названиях.

Прим. Ред.

один урожайный на шишку год, помню, поймал больше двух тысяч штук.

— Но куда же ты девал такую уйму этой мелкой птахи, — выпускал, что ли, обратно?—спрашиваю я своего друга.

— Зачем выпускать то, что выловлено? Это не порядок... Клестов мы слегка высушиваем и едим со щами. Очень вкусно, — только немного попахивает смолой („сір-кöра-кöд").

Через год-другой, научившись как следует управляться с клестами и устраивать всякие петли, я принялся уже за ловлю куропаток зимой, по прибрежным ивнякам и ракитникам, на особые висячие петли - тройчатки, свитые из конского волоса. Помню, мне был десятый год, когда отец устроил мне первую пару необитых лыж („лампа") из легкого елового дерева, с помощью которых я имел возможность ходить за куропатками всю зиму, пока они,—в марте месяце,—не переселялись из ивняков в болотные уремы („нур"), где они обыкновенно токуют и выводятся.

Ловля куропаток, конечно, не была так добычлива численно, как ловля клестов, но штук 40-50 за зиму я их добывал. Когда из ивняков, тянущихся обыкновенно по одному песчанному берегу речного плеса, я вылавливал всех водившихся там куропаток, то переходил на другое плесо и другие ивняки, в которых видел тянувшиеся вязью следы бегавших там куропаток, питающихся в это время ивовыми почками. Далеко от дома я еще не отходил, а весь круг моих промысловых похождений ограничивался какими нибудь тремя-четырмя верстами, чтобы в короткий зимний день успеть обойти и поправить все настороженные петли.

Одновременно с куропатками я начал ловлю тетеревей-польников, для чего употреблялись такие-же волосяные петли, только более крупно и солидно построенные, т. к. тетерев вдвое сильнее куропатки.

В начале весны, в конце марта, когда начинались тетеревинные тока, небольшие стайки тетеревей устраивали свои токовища на окраинах полей, по присельным пустырям и телятникам. Тут они и становились моей добычей. На такие токовища, предварительно высмотренные, я натаскивал вершинки небольших елей, раскладывал их в разных направлениях ломанными линиями, сближая вершинки настолько, чтобы между ними оставался лишь узенький проход, в который и ставились петли-тройчатки, для чего нитяный поводок петель привязывался обоими концами к ближайшим вершинам, а самые петли оставались висеть на таком уровне от земли, чтобы бегающие на току тетерева как раз попадали головой в петли.

Таким образом, почти все слетавшиеся на ток тетерева-черныши („сöд-тар") делались моей добычей. Спасались лишь некоторые тетерки („сера кöн-тар"), которым роститься и бегать на току становилось не с кем, а потому и самый ток прекращался.

— Но, ведь, это, Иван Прокопьевич, извод дичи. Если нанисто вылавливать тетеревей на току, то откуда же они могут появляться

в будущем? — пытался я возражать моему другу, с эпическим спокойствием рассказывающему, как он вылавливал „почти всех“ тетеревей-косачей.

— Ну, это пустое... Я, ведь, говорил уже, что это происходило на близких присельных токах, на которые слетались каких-нибудь два десятка тетеревей, убыль которых не может быть заметна. На дальних, настоящих токах вылавливают по сотне, по двести тетеревей, да и то ничего: сколько их было раньше, столько и теперь есть,—говорит с полной уверенностью Иван Прокопьевич.

Осенями—(продолжает он свой прерванный рассказ), — когда мало бывает березовой сережки („кыҗ-гар“), тетерева любят летать и кормиться в вересняках, бегая около кустов и поедая можжевеловые ягоды, которые они очень любят.

Тут я ставил такие-же петли, что и весною на токах, только привязывал их поводками не к еловым вершинам, а к срубленным и уложенным на землю можжевеловым кустам, для чего выбираются особенно обильные ягодами кусты и ветви. Тетерева, выклевав ягоды на одной стороне куста, пробегают в оставленный промежуток, загороженный висячими петлями, на другую сторону и попадают в них...

— Сколько же ты добывал таким образом тетеревей?— спрашиваю я своего друга.

— А когда как случиться: бывало, сотню и больше наловишь за весну на токах и осенью—в вересняках.

— Ну, вот, ты говоришь, что тетеревей и теперь столько же, сколько их вообще было. Попробуй-ка в настоящее время выловить сотню тетеревей на присельных токах! Ведь, и самых-то токов теперь там не бывает,—стараюсь я убедить своего друга.

— Пустое. Если их нет или мало вблизи, потому что их стали сильно ловить и стрелять здесь, — то на дальних токах, в лесу, слеты бывают такие-же, как и прежде; сотнями и больше собираются здесь тетерева и сотнями же вылавливают их и теперь на этих токах,—возражает Иван Прокопьевич.

— Ну, что же,—долго ты продолжал так лесовать на присельных токах и прибрежных ивняках?

— Да лет, этак, до 14-ти,—пока отец не завел мне ружье и настоящие, обитые жеребячей шкурой, лыжи и не показал настоящего „лесованья“ на своих охотничьих путиках („чӧс-туј“).

— А уток, гусей или какого-либо мелкого зверька до этого так и не ловил?—спрашиваю я, чтобы навести Ивана Прокопьевича на дальнейший рассказ.

— Ну, как же без этого? ловил и уток петлями, и гусей капканами, ставил поставушки около сенных зародов на горностая...

Помню, бывало, —продолжает рассказывать мой друг,— чуть весной зальет все низы и лога, оставив только наиболее высокие гривки и увалы, я, вооруженный десятком-другим утиных петель, отправлялся вечерами на лодке на залитые пожни и ставил эти

петли по заливам и курьям, где обычно держались и кормились утки.

Петли эти были не „тройчатки", а на длинном, аршина два, поводке привязывалось до 10—12 волосяных петель, которые и ставились у самого уреза воды, таким образом, чтобы одна половина петель была на берегу, а другая—на воде; поводок же растягивался между двумя крепко вбиваемыми в землю колышками, к которым и привязывались его концы. Настороженные так петли висели и над водой и над землей, и где бы утка ни шла,—по воде ли, у самого берега, щелуча воду и выбирая прибитые к берегу прошлогодние семена разных трав, или по берегу, у воды, выдергивая разные с'едобные корешки и „нящу",—она как раз попадала в петлю.

Попадала утка в петли только по вечерним и утренним зорям, в сумерки. Днем в петли она не идет, потому что, очевидно, более осторожна, чем тетерев или куропатка, которые привыкли пробираться в лесных чащах и порослях, а потому не опасаются петель. Утром я осматривал свои петли и снимал попавшихся уток, и если вода была на прибыли или убыли, то передвигал петли таким образом, чтобы половина их была над водой, а другая—над берегом. В такие береговые петли попадает только серая утка: кряковень („горда"), шилохвост („кöрöг"), чирок („жыдач"), свиязь („вöъ") и др. Водяную, нырковую утку („ва-утка") мы лавливали другого рода петлями, которые ставили осенью, над водой, по озерам и курьям, привязывая поводки к прибрежным кустам или к особо вбитым в дно озера кольям и тычинкам. У „водяных" петель поводки бывают длинные, сажен до двух, и петель висит на них десятка два и три,—чтобы ими можно было загородить какой нибудь чистый проход и выемку на озере, между кустами и травянистыми мысками. Водяные утки—гоголь („гув-чöж"), чернедь („турун-чöж") и разные нырки,—плавая и кормясь на таких озерах, попадают в поставленные петли тоже на зорях, в сумерки, и бывает, что в одну длинную петлю попадает штуки три-четыре сразу...

— Сколько же ты вылавливал уток таким образом?—опять спрашиваю я своего друга.

— Если весной пролетная утка дольше подержится у нас почему-либо,—по случаю ли ненастья или по обилию кормов,—и осенью на озерах больше появится разной нырковой утки, то, бывало, добывал сотню и другую—спокойно повествует мой друг.

— Ну, а как же это ухитрялся ты ловить в капканы гусей? —поощряю я его на дальнейший рассказ.

— Это очень простое дело... В те года гусь у нас выводился и ростился массами по лесным речкам и озерам. В августе выводки „стадились" в большие табуны и начинали правильные перекочевки: по вечерним зорям, на всю ночь, они забивались в озера и лога на кормежку, а на день вылетали на прибрежные пески, где, держась обычно около самого берега, щелучили воду, купались и набирали

в желудок хрящ и гальку. На таких песках я и ставил капканы, чуть-чуть прикрыв их песочком и набросав на них каких либо ягод (обыкновенно рябину) или моченного ячменя и овса. Подбирая эти ягоды или зерна, гусь и попадал в капкан, обыкновенно, головой. Если же попадал ногой и мог бы, таким образом, улететь с капканом, то, на такой случай, капканы привязывались бичевкой к вбитым в песок колышкам...

— И много добывал ты, таким образом, гусей?—опять прерываю я своего друга.

— Нет, этот промысел пустой: пески у нас широкие, длинные, и гусь не садится каждый день на одно место,—так что, бывало, возясь с двадцатью и более капканами целый месяц, едва добудешь пять, шесть гусей. Но дело то не хитрое, веселое, и его можно делать попутно со всяким другим, да и осенний гусь („арса-ҙоҙоҕ") сам по себе—завидная дичь. Это только и привлекало к охоте за ними,—говорит Иван Прокопьевич.

— Ну, а много ли ты вылавливал поставушками около зародов, с первыми снегами, горностая в близких окрестностях?

— Поставушек, вместе с отцовскими, я имел около пятидесяти и, бывало, все их расставлял; но больше 20-30 горностаев добывать не мог на большом определенном участке, куда другой зверек уже не может забраться без риска быть загрызенным „хозяином" участка. Говорят, горностай за одну ночь выбегает участок до трех верст в диаметре. Вот тут и лови их. Иногда поставушка всю зиму простоит у какого либо зарода, а горностай и не подумает обежать вокруг него, если в нем не завелись мыши.

II.

Как и когда я стал иметь свое ружье и как им промышлял.

В другой раз мой друг рассказал мне об этом следующее:

— Когда мне было 14 лет, и я продолжал ловить и охотничать способами, уже рассказанными раньше,— не прикасаясь пока к двум отцовским „зверовым" ружьям (к мелкокалиберной винтовке для стрельбы белок и к широкодульной—около 18 калибра—„турке" для стрельбы крупных зверей),—стец, около середины марта месяца, по первым еще тонким „настам", вместе с тремя другими охотниками-промышленниками, отправился в лес на гонку оленей, небольшое стадо которых было усмотрено заранее, где-то в лесных трущобах, верст за 50 от дому. Рассказы отца о прежних охотах (гонках) на оленей и лосей настолько подмывали меня, что я стал проситься на эту охоту, говоря, что выдержу и самую гонку и смогу быть полезным тем, что буду тащить нарту с припасами и подбирать верхнюю одежду, обыкновенно сбрасываемую охотниками-гонщиками в последние дни гона, когда зверь начинает приставать, а охотнику требуется

наддать ходу, чтобы приблизиться к нему на выстрел. Но отец решительно отказался взять меня на охоту за оленями.

— Во-первых, ты еще мал и слаб,—говорил он,—да и ружья подходящего для тебя нет: мои же ружья тяжелы и будут тебе не по силам. Вот, ужо, к осени заведу тебе „полутурку“ (ружье еще меньшего калибра, чем 18),—тогда и стреляй себе. Из него хорошо будет промышлять и белку, и утку, и глухаря...

На этом обещании я успокоился, и мечта иметь к осени „свое ружье“ заняла все мои мысли и воображение. Когда же воротился отец с гонки оленей—(отец еще с тремя охотниками настигли и убили почти все стадо, состоявшее из девяти голов, так что спасся только один бык, да и тот слегка раненный),—я стал приставать к нему чуть не каждый день, прося купить или сделать ружье.

— Подожди, говорил отец. Видишь, еще лето; стрелять теперь некого...

Наконец, уже под осень, после жатвы, отец принес откуда-то старый заржавленный ствол „полутурки“, длиной около 20 вершков, за который он уплатил, по его словам, полтора рубля. Ствол этот мы вместе с отцом снесли к кузнецу-слесарю, там его „вышустовали“, вычистили и сделали замок-кремневик. Дома отец из березовой сухой болванки сделал „приклад“ (ложа), приладил и прикрепил замок, прибил для его прикрытия кожанный чехол, и ружье было готово. К этому отец добавил „порошницу“ круглую, деревянную из березового нароста (jöг), двойной кожанный мешочек для двух сортов дроби и маленький холщевой мешочек для кремня, разбитого на мелкие с острыми краями кусочки. Таким образом, все мое охотничье снаряжение и вооружение было закончено, и я с крайним нетерпением стал ожидать сентября месяца, когда отец собирался идти лесовать („вöравны“) на ближайший свой „чöс-туj“ (охотничий путик) недель на пять, куда обещал взять с собой и меня.

Наконец, настал и вожделенный сентябрь. Дома еще мы отпраздновали наш храмовой праздник „Пречистую“ (8 сентября), и к утру 10 сентября снарядились в путь. Отец взял с собой мелкокалиберную винтовку, я—свое „новое“ ружье. Огнеприпасы (порох, дробь и прут свинца) были у нас навешены на себя в особых „порошницах“ и кожанных мешечках. Главным багажем и тяжестью, которую приходилось тащить отцу на своих плечах, был „ноп“,—особый заплечник, сделанный из тонких ивовых прутьев, бересты и веревочной сетки. В этот „ноп“ был вложен и прикреплен большой холщевой мешок, а в мешке помещались все наши припасы и даже по паре холщевого белья, по паре рукавиц и два запасных „dyкöс“а из серого домотканного сукна. С‘естных же припасов было взято: около полуторых пудов сухарей, 10-12 фунтов ячменной муки для варки скороспелой зырянской каши („id-пыъа-рок“), фунтов пять скоромного масла в бурачке, около 10 фунтов вяленой (сухой) говядины и 5 фунтов соли. Туда же был вложен медный котелок, две чашки—глиняная и дере-

вянная, две ложки, рябчиковые, тетеревинные и глухаринные петли, запасные кремни и трут, нитки с иголкой. Таким образом, „ноп“ весил около 3-х пудов, и лишь удобство и практичность заплечника дозволяли отцу безнаказанно тащить его на себе 20-25 верст до охотничьей избушки („кола“, „вöр-керка“), имевшейся у него на этом путике.

Из собак отец взял только „Кащыс“а,—доморощенную, на шестом году суку, ходившую и на медведя, и великолепно подлаивавшую и белку и глухаря. Другую собаку, молодого кобелька „Gерко“, отец оставил дома, говоря, что белка еще не сполна выкунела, и двум собакам в лесу делать будет нечего.

Выйдя из дому с первыми проблесками утренней зари, мы лишь поздно вечером добрались до места, т. е. до нашей лесной избушки. По пути „Кащыс“ облаял до десятка белок, но отец убил только трех, говоря, что белка еще синюшка („лöз-ур“) и лишь через недели две выкунеет сполна. Мне очень хотелось стрелять этих белок, но отец не дозволил, говоря, что они не стоят еще выстрела из „большого“ ружья, так что мне только приходилось „выгонять“ белок на наружные ветки, когда они притаивались в густой высокой ели, где-нибудь на вершине дерева, у самого ствола. Для этого отец давал мне топор (висевший у него на поясе, в особой скобе), и я бил обухом топора по стволу, производя иногда такое сотрясение дерева, что старые шишки и сухие тоненькие веточки сыпались на землю. От этого сотрясения и гулкого звука, получавшегося от удара, белка или выскакивала на концы лапчатых веток, или перескакивала на другое дерево. „Кащыс“ тоже видел или слышал перемещение белки и начинал учащенно и злобно подлаивать, а отец тщательно прицелившись из своей винтовки, стрелял, и убитая белка маленьким комочком падала на землю. Первым подхватывал ее „Кащыс“, но отец, не торопясь, говорил собаке: „шыт-шыт“.. (что означало: оставь, не тронь), и „Кащыс“ выпускал белку из зубов, облизываясь от капель горячей крови, попавших ему на язык.

— Ну, а как это собака может учуять белку на дереве? Ведь там ели высокие, густые, и расстояние от собаки до белки бывает больше пяти-шести саженей,—прерывал я рассказ своего друга.

— Вот, вот,—я и сам не понимал этого, думая, что у нашего „Кащыс“а уж такое длинное чутье („ылысан дуксö кылö“), но отец об'яснил, и я узнал, в чем тут дело...

Когда уж мы были близко от нашей лесной избушки, „Кащыс“ взлаял последнюю белку, а произошло это на виду, потому что „Кащыс“ в это время бежал впереди нас, по тропке, всего в нескольких саженях. Вдруг он остановился, насторожил свои острые уши, заиграл хвостом и стал разнюхивать что-то на земле, около одной высокой ели.

Отец остановился и сказал мне: постой, остановись,—„Кащыс“ учуял белку...

Я остановился, не понимая, как это собака „учуяла белку“ и где же самая белка. „Кащыс“, между тем, обежавши еще раз-другой вокруг елей, около которых остановился сначала, поднял голову, на момент прислушался и стал лаять на то именно дерево, с которого начал свои поиски. Ель была высокая, густая, и, как мы ни вглядывались с отцом на нее,—ничего не могли рассмотреть, а потому опять прибегли к постукиванию топорищем. Лишь только я стукнул раз-другой по дереву, отец прицелился, выстрелил, и белка мертвым комочком шлепнулась на землю.

И я, вот, так же, как и ты, спрашиваю у отца: как это „Кащыс“ учуял белку (которую и видеть было нельзя) и стал лаять на то именно дерево, на котором белка притаилась?

— Ну, в таких случаях, когда белка сидит на дереве притаившись, собака учуять ее не может,—отвечал отец. Она тогда наталкивается и разыскивает белку по вышелушенным семячкам еловых шишек, которые слетали на землю в то время, когда белка на дереве шелушила и ела семечки, добывая из них только самое ядрышко. Если собака наталкивается на недавно, свеже-вышелушенные семячки,—а они, как известно, снабжены еще и двумя маленькими крылышками,—то сразу учует в них „запах“ белки. Она уже сама соображает, что белка эта где-то тут на деревьях, и в это время вся превращается в слух и зрение. Собака с достаточно острым слухом сразу услышит, если белка чуть-чуть вздумает пошевелиться или переместиться на дереве, и начинает ее подлаивать. Если белка покажется где-нибудь наружу ветвей, или перескочит на другое дерево, то тут собака и глазами ее усмотрит. Тогда подлаивание собаки становится учащеннее и громче. Тогда опытная собака уже не упустит белку и не прозевает, хотя бы та с версту шла по вершинам, перескакивая с дерева на дерево.

Вот, „Кащыс“ никогда не „теряет“ белку,—продолжал отец. Разве уж день случится сильно ветренный, и в лесу стучит и шумит ветвями так, что она как-нибудь пропустит перескакивание белки, особенно в густых и высоких ельниках парм. У „Кащыс“а хороший нюх („jона ныріса“), острый слух („ɢуɢ-пеԥа“) и превосходное зрение. Поэтому он никогда не теряет и такую белку, которую поднимает с земли. А такая белка, очевидно, более испуганная собакой, особенно любит уходить по вершиннику деревьев с того места, где ее подняли и напугали.

Но такие собаки, как „Кащыс“, редки,—закончил об'яснение отец. Вот и „ɢерко“ наш уже не то: чутье у него хорошее, но слуха, очевидно, не хватает. Поэтому в ветренные и ненастные дни он частенько теряет белку; бывало, подходишь на его подлаиванье, а он ходит вокруг ели и довольно уверенно взлаивает, но белки уже и след простыл: была она тут, на этом дереве, да сплыла, а „ɢерко“ прозевал первое перемещение белки на другую ель, а там уже и слышать не мог, как белка ушла дальше и дальше от беспокойного,

лающего животного, часто царапающего и вскакивающего на самое дерево, на котором сидит белка. Это делают особенно горячие („jар") собаки, и они всего чаще упускают не только белку, но и всякого другого зверя...

Далее мой друг продолжал свой прерванный рассказ.

— Когда мы пришли к нашей лесной избушке, то, первым делом, сложили все лишние и с'естные припасы в „щамью"[1]; потом отец нарубил из сухостойной ели дров и подтопил избушку, несколько раз подкладывая дрова, так что каменка накалилась, и воздух в избушке сделался сухим и чистым. Избушка была небольшая, аршина четыре в квадрате и высотою до потолка в рост человека. Каменка была сложена на особом опечке, в половине высоты, так что и во время топки дым держался высоко, у потолка, позволяя сидеть на полу избушки. Дымоход („щын-петан-роъ") был сделан в потолке, над самой каменкой, а потому тяга была хорошая, и к концу топки ни дыма, ни угара не было ни капли. Избушка стояла на взлобке крутого уступа к речке „Чожöг-Јоль", которая тут же, в нескольких саженях, журча и бормоча, точно рассказывая нескончаемую, но веселую сказку, несла свои небольшие, но чистые, как слеза („сін-ва-кофјугыд") воды. Кругом стояли высокие и прямые, как стрела, ели и тихо шептались своими вершинами (ш-ш-шу-ш-ш-ш-), при малейшем дуновении ветерка.

Попозже, уже к ночи, отец сварил крутую кашу скороспелку („id-пыъа-рок"), положил в нее порядочный кусок масла, и мы знатно и аппетитно поужинали ею. „Кащысу" на ужин достались три штуки убитых по пути белок, шкурки которых отец снял и повесил на тоненькую жердочку просушить. После ужина мы, как следует, разделись до рубашки и портков, улеглись на нары, которые отец застлал пихтовыми ветками, и сладко-сладко заснули... Я, по крайней мере, не просыпался ни разу до самого утра, когда уже у отца были готовы щи из вяленной говядины на завтрак, или, как мы называем, „öбöd". Заправившись вплотную этими щами, мы еще ранним утром и на целый день отправились по путику настораживать и поправлять имеющиеся на ней ловушки, на что в общей сложности ушло у нас около недели.

Этот путик („чöс-туј") отца тянулся по речке „Чожöг-јоль" версты на четыре от избушки, и, кроме того, на полпути он разветвлялся по пади (чаљјöг) маленького ручейка, впадающего в „Чожöг-јоль", версты на две, так что весь путик тянулся на шесть верст. На путике имелось 125 слопцов („чöс"), около ста глухариных и тетеревиных петель („мулеч") и больше 200 рябчиковых петель („сорјалеч"). За неделю все это мы успели поправить, где и что следовало, — подновить, и насторожить все петли и слопцы, а у каждой рябчико-

[1]) „Щамья"—небольшой амбар при охотничьей избушке.
Прим. ред.

вой петли, с той и другой стороны, на поперечной жердочке („гор") подвесить по маленькому пучку рябины...

— Ну, а когда же ты и на кого „обновил" свое ружье? — опять прерываю я степенный и спокойный рассказ моего друга.

— А, вот, слушай, — сейчас и до этого дойдет...

Во время этих насторожек я и „обновил" ружье, да еще на какого зверя то!.. Раз, когда мы уже были на конце путика и настораживали последние „чёс"ы и петли, „Кащыс" сердито и громко („локыс") стал кого-то подлаивать на конце подходившей тут большой „пармы".[1]) Когда мы стали прислушиваться к лаю, то стало ясно, что зверь уходит от собаки, потому что лай с некоторыми перерывами стал раздаваться все дальше и дальше. Я стал просить отца идти и убить подлаиваемую белку.

— Нет, это не по белке лает собака, — сказал отец. Какой-то зверь быстро уходит от собаки по вершиннику. Это либо рысь, либо „тулан" (куница). Пойдем-ка посмотрим.

— Мы с отцом оба быстро двинулись на лай „Кащыс"а, раздававшийся уже в полуверсте от нас. Пока мы шли, собака еще два или три раза прерывала лай, очевидно, догоняя и разыскивая уходящего зверя. Наконец, мы увидели собаку около высокой накренившейся ели, на которую навалилась другая, сломленная бурей и уже начинающая подсыхать, такая-же высокая ель. Я как-то моментально усмотрел зверя как раз в гуще ветвей, где ели скрестились: он красноватым комочком виднелся между ветвями, около самых скрестившихся стволов и, видимо, высматривал, куда бы перескочить дальше, чтобы уйти от собаки и появившихся людей. Забыв об отце (который был немножко сзади и в стороне от меня), я быстро насыпал порох из порошницы на полку замка, поднял боек с кремнем и, прицелившись дрожащими руками, выстрелил. Хотя руки ходуном ходили и сердце стучало так, что в голове шум стоял, но я попал в зверя. Он было двинулся вверх по сучку, немного подскочил в сторону, на момент повис на передних лапах, судорожно вздрогнул всем телом и пошел книзу, все еще цепляясь за ветки и сучья. С последнего сука он оборвался, очевидно, уже не живой и грузно шлепнулся на землю. „Кащыс", после выстрела стоявший тут-же и видевший, конечно, долгое падение зверя, сейчас-же принял его на зубы и порядочно потрепал, пока я смог отнять его.. Это был большой „тулан" (куница), только еще не в полной осенней шерсти.

— Молодец! — говорил отец. — Если так будешь стрелять, будешь хорошим промышленником, настоящим звероловом („вёралыс"). Куница хоть не совсем еще „готова", но рубля 4 или 5 дадут...

Дальше пошло у нас обычное лесование. Через день или два мы обходили путик, снимали попавшихся в слопцы глухарей, а из

---

[1]) Парма—возвышенность, поросшая лесом.

Прим. Ред.

петель—рябчиков и тетеревей; приносили их к избушке и складывали в „щамью". В промежутки обходов путика, мы уходили стрелять белок и иногда ночевали в лесу, в наскоро устроенном из ветвей шалаше. К концу четвертой недели мы стали собираться домой, потому что добычи было уже достаточно, да и отцу пришла пора идти в дальнее лесование, верст за 100 от дому, где у него был другой, еще больший путик. Этот же, ближний, путик оставался на моем попечении, и я должен был периодически приходить сюда, — снимать дичь, поправлять насторожки и ловушки, — вплоть до первых глубоких снегов.

Всего на этот раз, за четыре недели, мы добыли около 50 глухарей, больше 100 рябчиков и тетеревей и около 100 белок, которых стреляли с разбором, потому что много еще встречалось не сполна выкуневших „синюшек" (лöз-ур).

Всю свою добычу унести домой мы не смогли и больше половины глухарей и тетеревей оставили в „щамье", предварительно выпотрошивши их, удалив кишки и все внутренности. Я уже после, в следующие побывки на путике, перетаскал все домой, вместе с новыми партиями добычи.

III.

Как я постепенно заменил в промысле отца, как промышлял оленей и лосей, как стал медвежатником и заслужил прозвище „Ош-Иван".

Через год-другой после этого, т. е. после того, как я „промыслил" из своего нового ружья куницу,—рассказывает Иван Прокопьевич,—я постепенно узнал все способы и приемы промысла — охоты как с ружьем, так и с различными приспособлениями и насторожками: научился ставить капканы на выдру (вурd) по мысам и извилинам мелких лесных речек; ловить там-же россомаху („сан"), для чего употребляются те-же капканы; обойти куму-лису и заставить ее или перескочить в известном месте через лыжницу[1]) прямо в капкан, или с'есть кусочек брошенной отравы; ставить петли и капканы на зайца так, чтобы ни один из них не обошел и не учуял поставушку, а если повадится какой-либо зверь снимать зайцев из поставушек (обыкновенно—лисица или рысь), то и его не пропустить... Вообще, к 18-ти годам я вполне мог заменять отца и на дальних путиках, и на ближайших охотах, и на глухаринных токах („кой-выв"). Большой своей какой либо „хитрости" во всем этом не требуется (все уже „придумано" и „сделано"); надо лишь соблюдать во всем аккуратность, чистоту, да иметь сноровку и не жалеть старательности. А то,

[1]) Лыжница—след, оставленный лыжами.

Прим. Ред.

бывает, ловит иной на глухаринном току и в два-три прихода изгадит весь ток плевками, мочей (а то и калом), окурками, табачным сором. Птица все это и видит и чует и долго на таком току не продержится... Или наставит иной сотни волосяных петель на рябчика, плохо или совсем не прикрепит их, как полагается, и первый же сильный ветер спутает и выворотит их так, что рябчик, если бы и пожелал влезть в петлю, то не смог бы этого сделать... Да, в нашем деле, кроме уменья, много нужно старательности, аккуратности, „чистоты" в работе (med вöлі вöчöма кыз колö), да и времени не следует жалеть, а то уж непременно так случится: где поторопишься, не доделаешь, там и напортишь, да напортишь так, что и не поправить после...

Вот, например, раз с отцом мы гоняли оленей (мне уже было около 19 лет), на которых случайно набрели при белкованьи („уркыjігöн"). Оленей было пять штук, а время было уже близко к Благовещенью, так что снег везде уже осел, а к утру образовывался тонкий настовик, не державший еще человека на лыжах, но сильно шумевший и мешавший при ходьбе, ибо, разломившись на мелкие кусочки, он весь наваливался на лыжи. Гоняли мы оленей уже пятые сутки, а взяли только одного отстававшего молодого оленя-годовика, который оказался с вывихнутой задней ногой... Гнали мы их с раннего утра („рöмыd-jугыdсаѣ") до позднего вечера, так, часов до восьми, и страшно уставали, потому что в первые дни олени делали концы, если считать прямиком, верст 40-50. Но, очевидно, и оленям доставалось: на седьмые сутки, выбравшись на какую-то старую гарь, мы их два раза видели в саженях 70-80 от нас, а на снегу заметили пятна крови по трем следам. Это, значит, олени содрали себе о наст, (который их тоже не выдерживал), кожу с ног до мяса и костей. А это верный признак того, что они не сегодня, так завтра будут наши...

Но вот тут-то и случилась беда, исправив которую второпях и не так, как следовало бы, мы и упустили оленей, бывших у нас уже, так сказать, „в руках"...

— Что же такое случилось?—спрашиваю я, чтобы поторопить степенный, медлительный рассказ Ивана Прокопьевича.

— „А, вот, слушай,—скоро конец и гону, и нашей „поживе" оленями... С открытой гари олени забились в большую приболотную урему („лос jегöр"), разбились здесь по-одиночке и стали колесить, перескакивая с бугра на бугор, с кочки на кочку, чтобы не проваливаться в ямы, образовавшиеся между буграми от стаявшаго снега, под которым уже булькала вода. Нам, конечно, тоже пришлось забраться в урему вслед за оленями,—тем более, что мы совершенно не знали, что это за урема, велика-ли, широка-ли, и куда примыкает. Идти на лыжах было чрезвычайно трудно: упавшие и накренившиеся деревья, молодая перепутавшаяся ветвями лиственная поросль, бугры, кочки, гнилые пни, ямы и провалы в иных местах заставляли прямо

остановиться и предварительно высмотреть—куда же дальше ступить? Снег был здесь мягче и ниже, чем на борах или пармах, и лыжи проваливались глубоко, сплошь до какой-либо опоры из палого леса или верхушки гнилого пня. Поминутно представлялась опасность сломать или повредить лыжи, провалиться в ямы, упасть и вымокнуть в них... Но мы торопились и шли, ничего не разбирая, кроме оленьих следов,—ибо время было еще около полудня, и мы, грешным делом, расчитывали еще сегодня догнать оленей, так как видели, что им туго приходится: не напрасно они колесили здесь, перескакивая с бугра на бугор и, очевидно, выбирая, как и мы,—куда дальше шагнуть или перескочить... Так гнали мы по уреме около часу. Вдруг над одной небольшой ямой, через которую я поставил правую лыжу и посильнее уперся на нее, чтобы двинуть левую на более устойчивое место, лыжа треснула под самым следом и согнулась, обломившись. Пришлось поневоле остановиться. Осмотревши лыжу, мы увидели, что хотя дерево переломилось пополам и почти отделилось, но обивка лыжная (из оленьих кис) не разорвалась, и ее можно было перешить на новое дерево, изготовить и вытесать которое можно было из любого елового сухостоя, в изобили находившегося в уреме.

Вся эта работа заняла бы у четырех рук каких нибудь $1^1/_2$-2 часа. Отец так и предполагал сделать, но, как я уже говорил, торопясь взять оленей сегодня-же, я настоял на более простой починке лыжи, состоявшей в том, чтобы связать сломанные части дерева двумя деревянными плашками, приколоченными небольшими гвоздями и пришитыми еще тонкой льняной бичевой („нырагез"). Так и сделали, употребивши на всю эту починку каких-нибудь полчаса. Пошли дальше. Урема делалась непроходимее, стали встречаться сплошные „ветровалы", через которые олени перескакивали прямо с одного палого дерева на другое, опираясь на них своими широкими и крепкими копытами. Не прошло и часу, как починенная на спех лыжа треснула снова, причем совершенно отделилась пополам, и самая обивка (киса) оборвалась на месте починки мелкими обрывками, висевшими бахромой. Опять пришлось остановиться и приняться уже за изготовление нового дерева для лыжи. На обивке ее кисой и пришивке кисы к дереву нас и ночь застала. Надо было только думать о том, чтобы найти посуше местечко и заготовить сухих кряжей для костра, чтобы хватило их на целую,—тогда еще (в средине марта) довольно длинную—ночь.. Эта ночь и взяла наших оленей. Дело в том, что уже с вечера небо посерело, стало теплеть; ночью пошла мокрая слякоть, к утру превратившаяся хотя в мелкий, но частый дождь. Настала полная мокрень (уӆдöм). Когда мы утром двинулись в путь, то увидели, что снег превратился в жидкую кашу, и лыжи уходили в него до самой земли. Олени хорошо использовали все это: они выбрались из уремы на бор, и легко пошли тут крупными шагами по жидкому, мокрому снегу, который им доходил не больше, чем до колен.

Нам же на лыжах пути уже совершенно не было, т. к., когда лыжи уходили до самой земли, снег с краев лыжницы валился на них; он был мокрый, тяжелый, так что без передышки с великим трудом можно было переднему ходоку пройти сотню—другую шагов (шли мы тут, конечно, гуськом, друг за другом, несколько раз меняясь местом на одной версте). Не прошли мы в то утро от места ночевки и трех верст, как совершенно пристали („сувтім"), так что надо было только думать и гадать об обратном пути. Мы оленей, конечно уже не видели: им по этой каше,—благо она была не глубока,—оказалась самая лучшая путина, сама собой предохраняющая от воспаления и опухания их изрезаные и окровавленные ноги...

Вот какой разультат мы получили от торопливой, на спех и кое-как сделанной починки—закончил Иван Прокопьевич и вздохнул не то от сожаления о бывшей больше 30-ти лет тому назад оплошности и неудаче, не то от сожаления к тем, кто торопится и кое-как лепит и ставит свои ловушки, а потому добывает мало и скудно („ӈінӧм абусӧ кыjӧ").

— Да, дело дрянь вышло, Иван Прокопьевич,—поддерживаю я его настроение.

— Чего уж дряннее этого... Оленей мы упустили, сами измаялись и устали до того, что едва добрались обратно до своей лесной избушки, куда дошли только на пятый день, и то лишь благодаря тому, что в последние дни заморозило („кӧ:дӧdic"), и наст стал поднимать на лыжах, а утрами по нему можно было идти и без лыж почти до полудня.

— Ну, а все таки, Иван Прокопьевич, много ли ты оленей запромыслил в те годы?—спрашиваю я, стараясь навести его на старую тему.

— Какое много... Оленей-то в те годы было уже совсем мало в наших местах: либо их угнали дальше на север и к Камню, либо перебили... Да и те, которые еще были, встречались небольшими табунками из трех-четырех и, много-много, шести-семи голов.

После того случая, что я вам рассказал сейчас, был я на гонке оленей всего два раза: раз с отцом, да в другой раз с двумя соседями охотниками. В первый раз, с отцом, взяли четырех оленей,—всех сколько их было в табуне,—очень уж хороша и сподручна была тогда погода для гонки, да и олени попались какие-то смирные, не пуганые. А в другой раз, хотя и табун был большой—голов двенадцать,—удалось взять всего трех оленей, да и то опять с бедой, случившейся от неряшества и торопливости...

— Что же опять случилось, Иван Прокопьевич?—спрашиваю я с нетерпением.

— А, вот, слушай что: когда у нас три оленя уже было убито, натолкнулись мы на табун лосей; по следам можно было видеть, что лосей три головы: один бык, матка и молодой, лосенок-головик. Промыслить их было, конечно, выгоднее и легче, чем оленей, и мы

вздумали,—оставя пока последних,—попытаться взять лосей. В первые три дня гона мы их еще не видели в глаза, хотя шли они иногде не больше как в полуверсте от нас; но парма была густая, и ночами, когда мы останавливались, они очень далеко уходили вперед, чуя погоню и пугаясь звука топора („чер-шы", „кераöм-шы"), который нам поневоле приходилось пускать в дело при заготовке дров на ночевку. На четвертый день, еще довольно рано утром, мы почти вплотную набрели на лосей, остановившихся на небольшой чисти из под старой подсеки („тыла-куш"), уже весьма сильно заросшей разным лиственным молодняком, которым они преимущественно и питаются зимой. Так как парма непосредственно примыкала к вырубке чисти, то я и один из товарищей, шедшие почти рядом, вышли на чисть одновременно и на виду друг от друга. Я еще не видел лосей и лишь заметил, что следы их на чисти совсем свежие. Оглядываясь в разные стороны, я вдруг увидел между редкими уж здесь деревьями товарища, который, стоя на одном колене, прицеливался... В тот-же момент последовал выстрел, товарищ вскочил на ноги, крикнул два раза: „пал... пал... (ycl!.. ycl!..), но еще момент, и товарищ стал кричать: „oj-oj oj! волы, волы татчö, кріста радi!.." (Иди-иди сюда, христа ради). Крайне озадаченный тем, что случилось, подхожу и вижу: товарищ зажимает правой рукой левую, из-под пальцев брыжжет кровь и, заливая руку, струей бежит на землю; ружья нигде нет, а саженях в 30 ти впереди бьется лось (бык), павший на передние колени... Спрашиваю,—что случилось?—„Палец, палец оторвало совсем!"—охая и корчась от боли отвечает он. Оказывается, при выстреле ружье разорвало (в виде вздутой с разодранными краями трещины около полуторых вершков длины) в том самом месте, куда кладется при прицеливании большой палец левой руки. Образовавшийся прорыв газов через трещину вырвал и сбросил ружье налево (оно оказалось в снегу, саженях в трех от нас), а острыми разорванными краями трещины снесло у товарища большой палец левой руки („пев") по самую кисть, ниже последнего сустава пальца...

Так как кровь била фонтаном из образовавшейся зияющей раны, и товарищ на наших глазах стал бледнеть и ослабевать, то нам ничего не оставалось делать, как, заложивши рану трутом („бijaзан щак") и перевязавши ее разорванной рубашкой, проводить товарища до лесной избушки и там уложить. Так как на завтра товарищу стало хуже—(кровь остановить совсем мы не смогли; рука у него опухла по самое плечо, начался жар и бред),—то на завтра же его пришлось проводить до дому, где товарищ и пролежал больше месяца, прежде чем выздоровел...

— Но при чем же здесь, в этой беде, „неряшливость" и „торопливость"?—спрашиваю я у Ивана Прокопьевича. Ведь всякое ружье может разорвать и не только ранить, но и убить стреляющего.

— Да в том-то и дело, что здесь он, товарищ, сам виноват, а не случай, и не ружье,—ответил спокойно Иван Прокопьевич и пояс-

нил: при таких долгих гонках за зверем,—останавливаясь на ночь у костра-ли в лесу, или в случайно встретившейся избушке, или шалаше (чом),—мы всегда вынимаем пули из ружей, чтобы они не приржавели к стволу, так как при гонке, когда обыкновенно ружье держишь на плече дулом вверх, попадает в него снег и слякоть, вообще всякая „мокрень". Вот этого-то товарищ и не делал, говоря, что пуля у него обернута бумагой (хлопотно вынимать), поэтому не приржавеет: да и ружье надежное, старинное зверовое... А того невдомек человеку, что с бумагой-то пуля может приржаветь к стволу еще легче, чем голая. Так оно и случилось, и человек был искалечен на всю жизнь.

— А куда же девалась пуля? Как она могла попасть в зверя и даже свалить его?—спрашиваю я.

— Вот, над этим задумывались и мы... Но дело, оказывается, об'ясняется просто: здесь, конечно, время,—когда пуля сдвинулась с места, когда произошел разрыв ружья и когда пуля вышла из ствола,—надо измерять моментом, т. е. все это случилось как бы в одно время (ötпырjöн); даже можно сказать, что пуля вышла из ружья на момент („сінлапньітöм коста") ранее, чем ружье вырвало из рук и снесло палец, ибо прорыву газов надо было одолеть силу сопротивления рук товарища, который, конечно, крепко-накрепко („чорыда") держал ружье в том положении, какое было придано ему при выстреле и прицеливании.

— Да, оно так и есть, пожалуй...—говорю я, несколько озадаченный таким простым и, вместе с тем, вполне согласным с законами баллистики об'яснением.

В другой раз Иван Прокопьевич разговорился о своих медвежьих охотах и рассказал мне следующее:

„Медвежатником" (ош-кыjыс) я стал, так сказать, совершенно случайно,—отец им не был и убил только трех медведей, встреченных им при своих долгих промысловых скитаниях.—Раз, когда мне было около 25-ти лет, и я уже промышлял на путиках, я осматривал насторожки, поставленные в первый раз в ту осень, дня два тому назад. Я подходил уже к последней по этому угору насторожке—слопцу (чöс). Вдруг слышу какой-то хруст в том направлении, где была насторожка, и, грешным делом, подумал,—уж не пошаливает-ли кто-нибудь из артели, имевшей неподалеку, верстах в двух, большую артельную „подсеку" (тыла), убирать которую было самое время, так как стояла вторая половина августа. Я умерил шаги и стал осторожно, без всякого шума, подходить к слопцу. Когда я был от него всего в трех-четырех саженях, и он весь стал у меня на виду, я хорошо различил, что кто-то вынимает из слопца добычу (большого черного глухаря), причем самый слопец, состоявший из двух тонких кряжей, соединенных двумя поперечными клиньями, держит

на спине... Так мне показалось в первый момент, ибо было еще довольно рано, часов семь утра, и день наступал серенький. Но уже в следующий момент, когда „человек“ задом наперед выпятился из-под слопца, держа в зубах глухаря, я увидел, что это не человек и не вор, а медведь, который тут-же на виду у меня стал пожирать глухаря, чавкая и отплевываясь от попадавших в рот перьев... Ничего дальше не думая и не соображая, я спустил с плеч ружье, прицелился в голову зверя (помню, целился между глазом и ухом) и выстрелил,—хотя, надо тебе сказать, ружье со мной было „полутурка“ (около 24 калибра), годное на зверя не крупнее лисицы... Медведь взревел, моментально поднялся было на дыбы, шаркнул когтями передних лап друг о друга, но в тот-же момент опустился обратно на четверинки и пошел медленными, неверными шагами прочь от меня, поминутно урча и потряхивая головой. Я даже не видал, чтобы он хоть раз взглянул или повернулся в мою сторону: до выстрела он, пожирая птицу, явно не замечал меня и стоял ко мне левым боком, а после выстрела на момент застлало около меня дымом,—как это всегда бывает в такие тихие, сырые дни...

— Ну, ну... Что же, как же дальше-то было?—тороплю я размеренную и спокойную речь Ивана Прокопьевича.

— А дальше-то еще чудеснее. Когда уж медведь скрылся у меня из глаз за деревьями, я только тогда сообразил, что надо, во-первых, зарядить ружье, а потом погнаться за ушедшим зверем, не удостоившим меня и одного взгляда... Изладившись с ружьем, я пошел в том направлении, куда скрылся медведь. Не прошел я 20 сажен, как увидел его лежащего у выворoти (коблюха) старой свалившейся ели; он лежал растянутый во всю длину, уткнувшись мордой в землю, и, очевидно, пытался еще подняться, ибо поминутно встряхивал головой и чуть чуть приподымался одним боком, опираясь на переднюю лапу. Подошел я к нему почти вплотную, сажени на полторы, держа ружье наготове, и тогда только заметил, что медведь пытается повернуть голову в мою сторону и, очевидно, взглянуть на меня... Может быть, он в это время в первый раз только услышал мои шаги... Но я не стал ждать, когда он, наконец, удосужится обратить на меня внимание, и почти в упор всадил ему вторую пулю в голову. Медведь несколько раз судорожно дрогнул всем телом, еще раз подскочил, пытаясь, очевидно, встать на ноги, перевалился на правый бок и вытянулся в мертвую. Тут-же на радостях я его освежевал, снял шкуру, вынул сердце, которое, по нашему тогдашнему поверью, сварил и с'ел...

— В чем же заключается это поверье?—спрашиваю я у Ивана Прокопьевича.

— Да, так,—говорили раньше старики, что если у первого убитого медведя с'ешь сердце, то не будешь бояться на медвежьей охоте, хоть один на-один... Но это пустяки, басни (сöрöм)... Если человек смелый, не трусливый, с большим сердцем (ыжыdöлöма), то уж

он не струсит и не потеряется, хотя бы не ел медвежьего сердца; а если трус или торопыга,—то при первой же неудаче потеряется, еще более напортит дело, и сам испугается: иной,—как у меня случалось с товарищами при охотах на медведя из берлоги,—весь побелеет, как бумага, а руки у него ходуном ходят, да и ноги в коленях трясутся и плохо держат. Особенно часто случается это с горячими („jap") охотниками, которые поэтому на медвежьей охоте мало полезны...

— А, вот, случай с тобой Иван Прокопьевич: ведь случись так, что ты не попал бы в медведя или ранил бы его слегка,—он, конечно, полез бы на тебя. Что бы ты стал делать? Разве не струсил бы?... К тому же еще—это был твой первый медведь,—пытаюсь я возражать Ивану Прокопьевичу.

— Ну, это—когда, кому и как придется... Во-первых, струсить („повъыны") после выстрела мне уже было бы некогда, если бы медведь полез на меня: струсить я мог и следовало бы мне до выстрела, когда я убедился, что глухаря-то из слопца тащит медведь, а не человек. Но, как видишь, я не струсил и даже попал ему в то именно место, куда целился, так что пуля попала в основание левого уха и прошла через всю голову, задевши мозги. Во-вторых,—я, ведь, не был уж мальчиком в деле охоты и в момент выстрела в медведя из своего маленького ружья хорошо сознавал, что у меня за поясом есть еще большой охотничий нож и топор, отточенные как бритва, с которыми вступить в рукопашную с медведем не так то уж опасно. А главное,—я хорошо уже в то время знал, что далеко не всякий медведь идет на человека,—безразлично, ранен он или не ранен. Это, ведь, вы так думаете, да в ваших книжках так написано, а на самом то деле оно совсем не так: всякий зверь, будь то медведь-ли, волк-ли, рысь-ли, имеет свой характер, совершенно так же, как и человек: ведь, вот, ударь одного человека,—он сразу же ответит и еще, может быть, два-три раза хлеснет за один-то удар; другой, битый так-же,—будет только кричать и ругаться; третий—заревет и ударится в слезы, как плаксивая овца („ӈар-баӈа"); а четвертый — прямо струсит и убежит оттуда, где его бьют... Таков-же и зверь: один, например, медведь, поднятый из берлоги и еще не оцарапанный ни рогатиной, ни пулей, прямо становится на дыбы и идет на охотников, сколько бы их ни было тут; другой, должно быть, немного трусит, теряется, не знает, что делать, и лишь иногда бросается на дым от выстрела; третий старается убежать, безразлично, раненый и не раненый.

Вот так в действительности обстоит здесь дело-то, и совсем нельзя говорить, что медведь, будучи ранен, всегда бросается на охотника,—продолжал своим размеренным тоном Иван Прокопьевич.

Правда, бывает, что медведица, поднятая из берлоги с маленькими медвежатами,—которые обыкновенно трутся около ног матери или заползают на деревья,—не старается убежать; но, ведь это понятно: самая маленькая птаха, и та вьется около детенышей, если

им грозит беда от какого либо ворога; да и здесь ясно бывает видно, что у каждой медведицы свой „характер": одна яростно нападает первою и напарывается на рогатину, ничего не видя; другая—только защищается („воʒсаöö") и все время находится в настороженном состоянии; такая медведица часто отводит удар рогатиной или переламывает ее и добирается до охотника; а если не видит детей, обыкновенно запрятавшихся по деревьям, то старается удрать с места побоища. А еще бывает и так, что медведица, даже тяжело раненая и несмотря на присутствие детенышей, прорвется из круга охотников и уходит, да так основательно бежит (пышjö) что приходилось по неделям гонять ее, чтобы добить...

— Да, все это так, правда, как ты говоришь, Иван Прокопьевич. Всякий зверь, правда, имеет „свой характер", как и каждый, человек, в отдельности взятый. Это, по книжному, по ученому, называется индивидуальностью, а по твоему, по зырянски: „кыʒі быd морт аскоѳыс, сіʒ-жö быd ъвер аслыс-ɜама"—подаю я реплику, чтобы поощрить рассказчика к дальнейшему повествованию.

— А, конечно: я знаю уж хорошо медвежий „характер"; ведь я их убил уже тридцать восем штук, не считая пестунов, годовиков и медвежат, которых сразу и не вспомнишь: бил и с лабаза, и из берлоги, и вольных, „гулящих", подкарауливая их на путиках или на падали... И. вот ведь,—зверь большой, сильный, живучий, как чорт, а на воле—нет его сторожче и опасливее; боится (полö) он на воле человека, как никакой другой зверь; слышит твои шаги больше чем за полверсты и никогда не пойдет навстречу человеку.

— А что, Иван Прокопьевич, тебя-то самого медведь ни разу не ранил, не поцарапал, не искусал?—спрашиваю я.

— Нет, бог миловал,—до этого не доходило... Один только раз медведь, выскочив из берлоги и сразу бросившись на меня, загнал между ветвей ели, куда я должен был попятиться, стараясь выстрелить в него почти в упор, но, опасаясь и не имея возможности поднять ружье, чтобы он не вырвал или не вышиб его у меня из рук. А так как я был на лыжах, то задние половины их глубоко ушли вниз, в яму под елью, да и сам я с лыжами погруз по колени, а навести ружье и стрелять стали мешать еще сухие нижние ветви ели; медведь же все наступал и был от меня всего в аршинах двух; я уже хотел бросить ружье и вынуть нож, но в это время товарищ (тоже надежный охотник и медвежатник) успел взять медведя на рогатину, всадивши ее в левый бок под передней лапой, т. е. как раз в области сердца („ɜölöm-ɜöröpac"). Это и спасло меня от знакомства с зубами и когтями зверя: я моментально вылез из-под ели, и, когда еще медведь был на рогатине и „водил" товарища, выстрелил ему в голову рубленой картечью и всю разможил ее.

— Картечью? медведя-то?—спрашиваю я несколько озадаченный.

— А что?.. Я много медведей, около десятка пожалуй, бил картечью. Конечно, стрелять надо почти в упор, чуть только медведь покажется или выйдет из берлоги; целить надо в основание уха или прямо в рот. Рубленная на куски величиной с конец пальца („чуҥ-пом-коф“) и не скатанная картечь много лучше ваших разрывных пуль,—конечно, на таком-то близком расстоянии. А ружье у меня в то время было надежное, собранное из стволов около 8 калибра, самым лучшим у нас мастером Габö-Ваҥ, так что порох я накладывал прямо горстью, без мерки,—вероятно, золотника по три или больше. Вот, как ухну, бывало, я таким зарядом, с расстояния аршин или два, прямо в морду зверю, так всю голову и разворотит ему, так что инде мозги выскочат; а то раз оказалось еще, что как-то выворотило медведю оба глаза, и он, намереваясь, очевидно, бежать, наткнулся на пень и стал его трясти, хотя сам был уже при последнем издыхании...

ИКС.

Очень близкая задача.

(Ко вниманию наших краеведов-лингвистов).

„Очень близкая задача", которую я, не будучи лингвистом, не мог бы разрешить, не только никем не разрешалась сколько-нибудь систематически, но даже, насколько мне известно, никем определенно не ставилась, и поэтому я решаюсь напомнить о ней всем занимающимся изучением отдаленнного прошлого Коми народа и обитаемой им теперь территории.

Задача эта,—стоящая на очереди, можно сказать, столетия,—не требует для своего разрешения ничего, кроме знания лингвистики и филологии восточно-финских и угро-татарских языков.

Заключается же она в следующем: выяснить, откуда пришли Коми на ныне обитаемую ими территорию (по бассейнам р.р. Вычегды, Печоры и Мезени) и кого (какой народ) они вытеснили (или ассимилировали) с этой территории. [1])

Первая часть нашего вопроса молчаливо признавалась „разрешенною" в такой концепции, что Коми народ, вместе с другими финнами или угро-финнами, двинувшись откуда-то из глубин Азии, поселился сначала в области Оби, потом, вытесненный оттуда монголо-татарами, перешел через Урал в область Камы („Ком-му") и потом, отчасти вытесненный и оттуда в верховья Камы, распространился к северу, на нынешнюю территорию своего обитания. Эта теория, установленная, так сказать, общими силами всех финских и нефинских ученых, писавших о Коми народе (или, как тогда говорили и писали, о „Зырянах"), как я выше сказал, молчаливо признавалась всеми интересующимися этим впросом "правильной", научно-установленной. Но в последнее время, почти одновременно, появились целых три теории о том, откуда пришли Коми на нынешнюю свою территорию.

---

[1]) А что какой-то другой (не Коми) народ обитал на ней—это является бесспорным, как мы сейчас увидим..

Прим. авт.

Коми профессор В. П. Налимов утверждает, что наши предки пришли из „лесостепной области", т.-е. южной части Пермской и северной части Уфимской губ. и что разделение (раз'единение судеб) западных и восточных финнов произошло 4 тысячи лет тому назад. [1])

А. Ф. Теплоухов (очевидно, пермяк) говорит, что Коми пришли с юга, через бассейн Камы, но с какого именно юга,—с далекого или близкого,—умалчивает. [2])

Живший несколько лет в Коми области проф. А. Н. Грен выдвинул еще одну теорию: Коми пришли с Кавказа или даже Закавказья, где и теперь есть родственный им народец—Удины, совершенно не умещающийся в лингвистику и историю других многочисленных кавказских народцев, племен и народов.

Таким образом, первая часть нашего вопроса опять осталась висеть в воздухе, по прежнему не имея более или менее обоснованной и общепринятой теории...

Вторая же часть,—о которой собственно я и собирался говорить в этой заметке,—как я сказал выше,—никем систематически и с использованием всего имеющегося материала даже не ставилась в виде определенной задачи: кто были аборигены ныне обитаемой Коми народом территории. [3])

Конечно, если мы поверим мнениям Трапезникова, В. Н. Латкина, Шегрена и др., то нам нечего искать этих аборигенов,—ибо таковыми являемся мы сами, вкупе (по Трапезникову) с пермяками и вотяками, но под именем Чуди. Останется лишь вопросом, почему Теплоухов заговорил о какой-то Пермской Чуди, тогда как исторические документы знают лишь Заволоцкую Чудь. Заволочьем же в то время называлась страна, лежащая в бассейне Сев.-Двины, тотчас „за волоками", которыми нужно было попадать в этот бассейн при следовании и из Новгорода, и из Ростова, и (позднее) из Москвы..

---

[1]) См. статью проф. Налимова—„К этнологии Коми",—в журнале „Коми му", № 3, май 1924 г.

[2]) См. статью А. Ф. Теплоухова—„Фамилии и географич. названия Пермяцкого края". Журнал „Коми му" № 9, сентябрь 1925 г. и следующие.

[3]) Мне лично известна в этом отношении попытка Вл. Трапезникова (Вологодский адвокат) доказать, что историческая „Заволоцкая Чудь" и есть Зыряне—Коми, Пермяки и Вотяки, и что, следовательно, аборигенами ныне обитаемой Коми народом территории были они сами. (См. Изв. Вол. Общ. Изучения Сев. Края, вып. III, 1916 г., статья „Первобытное население Севера России").

Кроме того, А. Ф. Теплоухов в статье „Следы пребывания Угорского народа в смежн. частях Пермск. и Вологод. губ.", напечатанной в „Записках Урал. Общ. Любителей Естествознания", старался доказать, что Пермской Чудью были Угры. В рецензии на эту статью В. Лыткин (См. „Коми му" № 6—7, июнь—июль 1925 г.) находит, что у А. Ф. Теплоухова „нет достаточных оснований утверждать это", и что „достижения современной финской лингвистики подтверждают предположения В. Н. Латкина, Шегрена и др. о том, что Пермской Чудью были предки Коми народа".

Авт.

Но,—по моему личному убеждению,—не представляется возможным поверить мнению, что народы Заволоцкая Чудь и Коми jöз—одно и то-же, что предками Коми является Чудь, почему-то названная так (по Трапезникову,—даже „Чудаками") русскими при первом знакомстве с ними.

Во-первых, рядом с „Заволоцкой Чудью", исторические документы XI в. перечисляют уже Пермь, Печору, Югру, Гогулей и даже Самоядь, как народы отдельные от Чуди[1]). По другой, более поздней транскрипции, относящейся ко временам завоевания севера Москвой, называются местности и народы: Заволочье (иначе—Вологда и Устюг), Двинские земли, Вычегодские земли (иначе — Пермь Вычегодская), Печера, Югра, Пермь Чусовая или Камская,—(но Чудь уже не упоминается).

Во-вторых,—Коми народ до сих пор знает и употребляет термины: Чуд-кар, Чуд-гуран, Чуд-гöра,—отнюдь ничем не связывая их со своим прошлым и определенно сознавая, что Чудь (или Чуд) представляла из себя другой какой-то народ, (а отнюдь не Коми и не Пермяков, которые тоже называют себя Коми).

Неужели самосознание народа в данном случае имеет меньшее значение, чем мнения названных нами исследователей?

Когда же мы взглянем на подробную карту Коми Области и вдумаемся в названия многих сел и деревень, расположенных хотя бы в системе р. Вычегды и главных ее притоков, то мы ясно увидим, что Коми народ не был первым заселенцем—аборигеном территории бассейна р. Вычегды, хотя разные исторические документы более раннего периода и застают его здесь, как оседлый народ, занимающийся „ловитвой". Названия этих сел и деревень не поддаются об'яснению на языке Коми, значение их для Коми народа совершенно непонятно; а отсюда, конечно, ясно, что названия эти даны каким-то другим народом, обитавшим здесь ранее Коми.[2])

Вот эти то названия я и предлагаю вниманию наших лингвистов и финнологов, для разрешения вопроса:—кто, какой народ, обитал на нынешней территории Коми, и кого мы с нее вытеснили (или ассимилировали).

Названия эти я дам ввиде простого списка наиболее крупных селений, (после которого предложу посильные мне краткие комментарии к некоторым названиям), причем буду придерживаться транскрипции,

---

[1]) Если даже согласиться с мнением Г. С. Лыткина, что названия «Пермь» и «Печора» были не названиями народов, а только местностей или территорий, на которых обитали эти народы, то и тогда выделение Чуди, как народа, говорит само за себя, т. е. что это был не тот народ, который обитал в Перми и на Печоре.

[2]) Этим я отнюдь не хочу сказать, что народом этим была загадочно исчезнувшая с поля зрения истории Чудь,—хотя надо отметить, что, судя по некоторым данным лингвистики и догадкам исследователей, она занимала большую территорию.
Авт.

передающей совершенно точное произношение их на языке Коми, а самый список приведу, так сказать, по радиусу рек, исходя как из центра, от гор. Устьсысольска.

Селения вверх по р. Сысоле и в Прилузье:

Чит. Сьоська. Лöз-ым. Паджга. Чуклöм. Волся. Кебра. Поёл. Палаузя. Уджга. Каж-ым. Аб'я-чой. Ношуль. Летка. Гобор.

Селения вверх по р. Вычегде:

Озёл. Додзь. Маджа. Лöкчим. Пезмöг. Шойна-ты. Висер. Пöддельнöй. Деревяннöй. Шож-ым. Мыс. Парч. Пож-öг. Скöрöдум.

Вниз по Вычегде и ее притокам:

Слöбöда. Зеленеч. Парчег. Час. Паль. Паль-Пож-öг. От. Серегов. Сьоська. Турья. Шож-ым. Гам. Зöв-сьöрт. Меж-öг.

Комментируя некоторые из этих названий, я посильно могу предложить следующие соображения:

а) Названия: Пöддельнöй, Деревяннöй, Мыс, Скöрöдум, Зеленеч и Час—явно русского происхождения, а потому, надо полагать, и первые засельники здесь были русские (новгородцы).

б) В названиях Лöз-ым, Каж-ым и Шож-ым (их два) чувствуется определенно свойственное коми языку словопостроение, но что в них нам родное, что стороннее—в этом надо разобраться (напомню здесь, в скобках, что такие названия, с суффиксом „ым" имеются и далеко за пределами нашей Области,—например: Пел-ым, Нар-ым).

в) Названия Пажга и Ужга,—если верить некоторым финнологам, что суффиксы ва, га и ма—однозначущи (означают—вода),—об'яснений не требуют. Остается лишь найти здесь воду (га) под названием падж и удж.

г) В названиях Аб'ячöй и Зöв-сьöрт об'яснения требуют лишь первые (коренные) части слов.

д) В названиях Меж-öг, Пож-öг (последних два) об'яснения требуют, очевидно, обе части слов и в особенности суффикс „öг",—очень часто встречающийся в районе обитания Коми.

е) Название Шойна-ты, т.-е. собственно первую его часть, объяснял в одном из своих очерков о раскопках („Коми-Му" № 4—6 1924 г.) А. С. Сидоров, говоря, что „Шойна" значит труп и равнозначуще эстонскому „сурна" (труп). В Палевицкой волости есть Сурна-яг, и Шойна-яг'ов в Коми крае несколько (замечу от себя, что Шойна-яг есть около самого г. Устьсысольска).

Здесь, по моему, А. С. Сидоров забыл только, что если есть в Коми крае Шойна-яг'и, то есть и Шой-яг'и; если есть Шойна-ты, то есть и Шой-ты, Шой-гöп, Шой-ва и т. д. Так что название Шойна едва ли не потребует дополнительного об'яснения.

На этом я и закончу свои диллетантские комментарии к приведенному списку поселений.

Ф. ЧУКИЧЕВ.

Отличительные черты характера Коми. [1])

Природная отличительная черта Коми—гостеприимство. Первое побуждение Коми, где бы он ни находился: дома ли у себя с семьей, или в чужих людях, на службе, на заработках, в командировке, в учебном заведении,—это напоить, накормить, пригреть человека.

Занимающиеся грузо-перевозкой на территории Коми Области по опыту знают, как трудно бывает достучаться в дом для отдыха в селениях с русским населением. Но как только воз с кладью переехал за село Межог, вверх по Вычегде, с которого начинаются Коми деревни, — в любой дом наверное пустят для отдыха, поставят самовар и обязательно накормят „чем бог послал". Добравшись до села Устьвыма или до Серегова, населенных преимущественно русскими,—путнику опять трудно бывает достучаться в дом для отдыха, особенно если время случится к ночи. [2])

На Уездном С'езде Советов в Устьвыми, в декабре 1925 года, Председатель Уездного Исполкома—т. Вурдов сделал доклад по вопросу о переводе уездного центра из Устьвыма в с. Вогваздино, причем в числе мотивов о необходимости перевода уездного центра приводил факты, что в Устьвыми не пускают проезжающих для отдыха,—и делегаты Устьвымской волости, самолюбие которых было сильно задето, не могли возразить против указанных фактов.

В селе Серегове, куда частенько ездят за солью, также неохотно пускают для отдыха. В этом отношении Коми население представляет совершенную противоположность русским, и надо признать, что Коми гостеприимство искупает многие недостатки характера Коми. „Люди—братья",—таков взгляд Коми. Торгово-коммерческим европейским духом он еще не заражен,—быть может потому, что вся жизнь его прошла в лесу, вдали от торгово-промышленных

---

[1]) Именем „Коми" называют себя зыряне и пермяки. В данной статье речь идет о Коми-зырянах.

[2]) Это утверждение Редакция оставляет исключительно на ответственности автора.

Прим. Ред.

центров. Накормить путника даже совсем незнакомого, все равно: бедняка-ли, рабочего-ли, или богатого проезжего торговца—это природная потребность Коми, и стыдно кажется ему брать за это деньги, даже когда предлагают. С теми гражданами, которые по отношению к себе придерживаются весьма строгих правил и не хотят пользоваться гостеприимством крестьянина бесплатно, бывали такие случаи, что оставленные на столе деньги за чай или обед, или за сено для лошади, зырянин спешит вынести в догонку и вернуть их путнику обратно.

В селе Коквицком я помню старика Ивана Петровича Нефедова, типичного Коми. У него часто ночевали странники-нищие. Кормил их Нефедов до отвала, дружески беседовал с ними и на дорогу снабжал хлебом. Однажды пришли к нему двое русских, здоровые, высокого роста: один—бывщий чиновник Казенной палаты, а другой—письмоводитель Податного Инспектора. Лишившись своих должностей и потеряв надежду вновь устроиться на службе, отправились они в Ульяновский монастырь покормиться.

Простокваша, пирог с мелкой рыбой и шесть ярушников [1]) были поставлены Нефедовым на стол. Путники сильно проголодались, и по три хлеба оказалось для них недостаточно. Нефедов заметил их волчий аппетит и вынес им из голбца весь запас испеченного на семью хлеба. Путники устыдились при виде нагроможденной Нефедовым груды хлеба и приняли это за насмешку по поводу их обжорства. Но старик Иван Петрович любезно разсказал им, что „он в молодости всегда с'едал по 12 ярушников в день“: „не стесняйтесь, кушайте“.

Гостеприимство у Коми сильно распространено и между собой. Редкая хозяйка не предложит горячего хлеба соседу или посторонему, если он случится у ней на дому утром, во время печения хлеба. Редкий хозяин не уделит несколько кусков мяса своему соседу в тот день, когда режет скотину.

Скупые, узко-расчетливые Коми встречаются редко. Немцы говорят, что они держатся метода крестьянина, который медленно, но верно, из года в год, прикапливает свое богатство. У великоросса и малоросса я не мог точно подметить основные черты их душевного склада в этом отношении. Но про Коми-крестьянина можно уверенно сказать, что он—совершенная противоположность немцу. Возьмите рыболовов и охотников, у которых я живал подолгу и к которым присмотрелся довольно близко. Охотник сварит себе рыбу или дичь не с таким расчетом, чтобы хватило ему пищи на день или на данный раз, но обязательно столько чтобы пища была с избытком. Русские, побывавшие у Коми охотников и рыболовов,

[1]) Ярушник—хлеб из ячменной муки с примесью ржаной, весом до 1 фунта.
Прим. автора.

говорят, что у них „когда густо, когда пусто",—и это в значительной степени верно: середины Коми не знают. Когда есть,—сварят пищу на славу, а на нет—и суда нет.

Во взаимоотношениях между собой и людьми других наций, как например с русскими, с которыми приходилось и приходится часто сталкиваться Коми, также можно подметить отличительныя свойства его характера. Коми не терпит обмана и хвастовства и горячо протестует против всяких преувеличений в разсказах о событиях и поступках. Не любит он и длинных и напыщенных оборотов речи, а требует, чтобы просто и сразу было сказано, в чем дело. Ораторы и агитаторы, не знающие психологии Коми, подчас предпосылают своему докладу длинные введения с тем, чтобы привлечь внимание слушателей и подготовить их к предмету,—и достигают этим как раз обратного. Коми не любит также повторений. Скажи раз, ясно, коротко, не мямли,—и баста. У Коми сильный, здоровый юмор. Остроумно и тонко осмеивает он недостатки людей; не щадит и себя, если в своих действиях и поступках заметит несоответствие разумным требованиям жизни.

Преподаватели учебных заведений в один голос отмечают математические способности Коми мальчиков и их раннее стремление к уяснению отвлеченных вопросов. [1])

В долгие зимние вечера Коми собираются друг у друга и ведут меж собой беседы на самые различные темы. Охотники разсказывают быт, нравы, привычки, психологию животных, вспоминают свои видения и галлюцинации в лесных банях.—„В лесной бане одному,—говорят они,—не весело спать, но с собакой, верным другом охотника, можно".

Поэзия Коми, так называемая народная, неписанная поэзия, весьма своеобразна. В соответствии с реальным складом своей души, Коми выражает свои настроения, радости и печали тоже реально. Безпричинно он никогда не скорбит, а так называемого безутешного пессимистического настроения у него не бывает. Смерть любимого сына, дочери, жены и другия несчастия, неизбежно постигающие человека в его жизни, Коми переносит без излишней плаксивости, с твердостью человека, неподдающегося продолжительной грусти. Он знает, что в жизни ничто не вечно. Радости свои Коми выражает в простых, понятных житейских песнях. Коверкая подчас на свой лад русские песни, он обращает не столько внимания на их содержание, сколько на мотив. Девицы и парни, собираясь на посиделки, поют песни: „Последний нынешний денечек", „По Дону гуляет казак

---

[1]) Такие отзывы, действительно, приходится слышать довольно часто от приезжих русских педагогов. Однако, по мнению Редакции, это утверждение автора приобрело бы научную ценность лишь в результате специального обследования по данному вопросу. *Прим. Ред.*

молодой“ и т. п., причем поют громко, отчетливо, а чувствительно-нежных слов не любят. В последнее время молодое поколение понемногу освобождается от предрассудков, и в деревни начинают проникать разумные развлечения, главным образом,— спектакли, причем пьесы Коми предпочитает комические, а драмы и трагедии ему не нравятся. Посмеяться от всей души над своими недостатками—самое любимое дело Коми. И старики и пожилые женщины с удовольствием смотрят комедии и говорят, что это куда лучше, чем прежние времена когда проводили досуг на игрищах (ворсанін).

В заключение хочу отметить еще одно отличие Коми от русских. Коми особенное внимание обращает на выбор жены. „Я, мужчина, целый день на работе, и отлучаюсь на заработки. Как я могу знать, что делается дома? Если хорошая, толковая, экономная у меня жена, то и житье пойдет в гору. Если же жена неразумная, бестолковая, а то и такая, что тащит из дому на сладости, да на украшения, да заведет еще парней, то пиши-пропало. Жизнь с такой женой—все равно что с треснувшей лодкой: сколько не вычерпывай воды,— реку не переедешь“. И при женитьбе своих сыновей Коми главное внимание обращает на это качество девицы: „Мічасö-öd он ӈув, а тöлкыс кущöм? Абу-ö шерdjыɡан пödыɡ“ (красоту не оближешь, а ты посмотри, не будет ли она распутной)—советует отец сыну.

Г. СТАРЦЕВ.

Прошлое Гамской волости.[1])

(Материалы к истории Коми Края).

Деревня Кебыр-ыб, Гамской волости Устьвымского уезда, расположена на высокой горе, на холмике, словно на наковальне. В 4-х километрах от нее, вверх по Вычегде, находится с. Гам с хлебосольным населением и в 10 километрах вниз по течению красуется с. Жешарт. Дома в д. Кебыр-ыб'е расположены беспорядочно, а издали кажется, что они огибаются вокруг холмика. От пристани до деревни идут две дороги: первая—налево от пристани, около мельницы, а другая через деревню Яг, где перед откосом до сих пор расположены лавки торговцев, уцелевших после красной бури. Жители д. Кебыр-ыб считают, что они, в смысле владения пахотными полями, дровяными лесными участками и пастбищами под выгон скота, находятся в лучших условиях, чем все другие деревни Гамской волости. В наиболее плохих условиях живет население деревни „Кырув", загородившее себя словно густой сетью паутины,—уж так много загороженных линий... Жители с. Гам в отношении количества загороженных мест не уступают Кырувцам, но заграждение там более общее, охватывающее сразу сотню десятин лугов и полей. И невольно приходится его сравнивать с большой сетью—неводом, какая имеется в с. Гаму, и которою перегораживается поперек широкая река Вычегда.

Деревня, по данным волостного совета, к концу 1925 г. состояла из 36 хозяйств, в которых жило население в количестве 138 человек обоего пола.

Собранный нами со слов старожилов материал по истории Гамской волости относится к сравнительно позднему периоду. Еще 50 лет назад Гам, Жешарт, Шежам, Семуково не представляли собою самостоятельных административных единиц. Волостное правление существо-

---

[1]) Материалом для данной заметки послужили записи, произведенные в деревне Кебыр-ыб. Жители ее очень охотно откликнулись на наши вопросы. Записи произведены при участии т. Д. А. Батиева, уроженца этой деревни.

Авт.

вало в то время в с. Айкине и называлось оно „Росправа". Во главе ее стояли старшина, писарь и сотский. Обязанностью этих администраторов были периодические раз'езды по селам и деревням для сбора налогов и охрана деревни от пришлых подозрительных элементов. Трудно сказать, кем были эти пришлые люди: беглецами-ли скрывающимися от солдатчины, или лицами, которых вообще постигло какое-либо несчастье (голод, бегство из завода, от помещиков), вынуждавшее их искать спасения на далеком севере.

Дореформенная солдатчина в Нижней Вычегде оставила наиболее яркие следы. Служба солдата продолжалась тогда 25 лет. 21-летние парни, отбыв солдатчину, приезжали домой 46-летними пожилыми людьми, часто позабывшими всю обстановку своей деревни и родной язык. Многие и совсем не возвращались. Молодняк, который должен был пройти приемную комиссию, до назначенного пункта сопровождался специальным лицом—сдатчиком. Обязанности последнего были такие: он должен был следовать с рекрутами по всем селам и деревням, кормить их, устраивать на ночлег. Вместе с ними буйствовал, плакал, горевал и пьянствовал. Население каждой деревни шло им навстречу, варило для них пиво, брагу и после угощения провожало далеко за околицу.

Приемный пункт для Нижне-Вычегодских рекрутов был тогда в г. Яренске. Сдатчик в назначенный день вводил их в приемное помещение. Парней раздевали донага, осматривали, стригли им волосы, в другой комнате давали шинель. Шинель подчас попадалась узкая, и бывали случаи, что на плотного, физически крепкого парня она не налезала, пуговицы не застегивались. В таком случае парень должен был ложиться на пол. Два-три опытных солдата налегали коленями ему на живот и таким образом застегивали. Новичек в таком положении еле дышал.

В памяти стариков глубоко засели воспоминания о низкой оплате труда в пределах волости. Взрослый получал за 14-16-часовой рабочий день гривенник (10 копеек) серебром. Часто в крестьянской работе более зажиточные хозяева использовывали 10-12 летних подростков. Осенью, после первого снега, крестьяне вывозят на поля навоз. Нанимая для вывоза 10-ти летнего мальчика, который уже умел управляться с лошадью и выкидывать с дровней навоз, платили ему $^1/_4$ копейки или $^1/_2$ гроша, и он оставался доволен этой платой. Но расчет производился чаще всего лодыжками[1] („шег"). На $^1/_4$ коп. давали две лодыжки, которые парнишка в праздничные дни мог продать торговцу или своим товарищам по игре. Игра в лодыжки в те времена была распространена довольно широко не только в Гамской волости, но и по всей Вычегде, Выми, на Вашке и Мезени. Мальчик моложе 10 лет за дневную работу получал одну лодыжку, и он сбывал

[1]) Соединительная косточка в коленях у барана и овец.

Авт.

ее за половину „денежного пряника". „Денежный пряник", т.-е. пряник, стоявший в цене одной денежки ($^1/_4$ к.), привозился в край, как лучшая сласть. Длина и ширина его (4 × 4 вершка), напоминала современные зырянские шанешки, сочни. Стряпались они из белой муки с примесью горчицы и сахарного песка.

Цены на привозные товары в те времена в сравнении с оплатой труда были весьма высокие. Один фунт керосину стоил 15 коп., стекло пятилинейной лампочки—15 коп. Спички (10 коробков)—20 коп., 1 фунт чаю—1 р. 20 коп. Цикорий продавался палочками в твердом виде, завернутый в синию обертку. Длина такой палочки была 3 вершка и толщина—$^3/_4$ вершка. Самовар стоил 6-7 рублей,—сумма, равная стоимости коровы.

Керосин был привезен сначала в г. Яренск. В служебных помещениях закупили лампочки с пятилинейными стеклами. Служащие радовались, хотя коросин был с нехорошим запахом и многих от этого тошнило и рвало. В Гаму керосиновыми лампочками жители обзавелись лишь через 2—3 года.

Как-то раз приехали несколько гамичей в Яренск и вечером увидели, что у хозяина на столе горит огонь, а под огнем—бутылочка с „водой". Удивились. На утро проснулись, видят—огонь потух. Вечером хозяин опять зажег бутылку с „водой", опять огонь равномерно осветил комнату. Решили допытаться у хозяина, в чем тут дело. Этот им раз'яснил, и на следующий день один из гамичей купил полфунта керосина. Приехав домой, он дождался ближайшего праздника и под вечер зажег лампочку. Вся волость собралась посмотреть на нее. Многие чихали от „нехорошего духа" керосина. Но долго еще керосиновой лампочке пришлось бороться с лучиной и „жирниками". Жирник—свеча из коровьего или бараньего сала, которую крестьяне сами выливали посредством деревянной формовки. Спичек раньше тоже в нашем крае не было, но и после того как они появились в продаже, крестьяне предпочитали покупать серу и изготовлять из нее спички самодельным путем. Лет 60 тому назад по всей волости было одиннадцать самоваров. Дрова рубили от руки в „чурки", пилы не было. Телега-одноколка была, но колеса ставились деревянные. Хотя посевные поля имелись у всех крестьян, но своего хлеба не хватало, и население питалось частично привозным хлебом. Хлеб привозился снизу, из Котласа, на карбасах и парусных шнягах. Берега Вычегды знали бурлаков. Их песни и ругань не раз слышали гамичане. Недавно вошел в обиход и металический колокольчик, привязываемый на шеи коровам и лошадям. Раньше же практиковался деревянный, выдолбленный из чурбана коробок с тремя-четырьмя язычками [1]). Избы строились из дерева с 2—3 небольшими окнами (дл. 1 арш., выс. $^1/_2$ арш.) на комнату. Печка складывалась из камней и обмазывалась глиной. Выводить печную трубу наружу не умели. Дым от топившейся печи заполнял помещение и потом выходил через дымовой проход над печкой.

[1]) Такой колокольчик доставлен в Коми Обл. Музей. *Прим. автора.*

О прибытии первого парохода было дано предварительное извещение из города по церквам. Поп специально собрал в церкви народ и огласил о предстоящей новости. Жители ждут не дождутся. Наконец,—дождались. Выбежали на берег, глядят: черный, пыхтит. Труба и черный дым. Удивляются: «по воде идет огонь и не гаснет! И еще баржу тащит!».

Поп подает сигнал стрелять в воздух. Стреляли залпом. После каждого залпа команда с парохода подавала свисток. Честь, значит, и приветствие.

Под селом Зеленецким пароход прошел вверх ночью. Однако, население подкараулило, но виден был только огонь на мачте и слышен шум от колес. Трепетали... Многие твердили: «бог послал в наш край живую новоявленную церковь. Где-то она выберет себе место? Когда-то мы ее увидим?»... и кланялись в пояс до земли. Только один солдат пытался убедить крестьян в обратном, но поверили ему только тогда, когда пароход спускался вниз. И тоже стреляли. Старики в Кебыр-ыб'е утверждают, что в те времена в Архангельске было всего шесть буксирных пароходиков.

Школьное дело в 60—70 г.г. в Гамской волости было весьма плохо поставлено. Школьного помещения не было. Учились в частных домах, в церкви, в сторожке, в доме просфорни. Учителями были поп, дьякон и пономарь, которые занимались с детьми попеременно. Поп раза два в неделю устраивал спевки. Кто хорошо пел, тот получал пряники. За учение приходилось платить. Плата была большею частью натуральная: за год с одного мальчика—5 рублей и 2-3 пуда ржи или ячменя. Более зажиточные крестьяне нанимали „учителей" на дом. Дети бедняков подкрадывались под оконца и слушали, забираясь на поленицу.—«Лезешь иногда, и, как на зло, вдруг развалится поленица», — рассказывают старики. «Погонится за нами, бывало, пономарь, вцепится в уши или в волосы, обзывая нас „антихристами" и поставит на колени. Часа 4—5 и постоишь. А потом без ног оставались на неделю». Часто под колени подсыпали дресву, и никто из детей не мог удержаться от слез. А потом поп встретит родителей „преступника" и ругает их, а родители-же потом били детей за „преступление". В 1900-х годах в с. Гаму была открыта второклассная церковно-приходская школа, где „пекли" псаломщиков и учителей школ грамоты для зырян. Однако, из окончивших немногие избирали себе место по заветам школы. Некоторые шли учиться дальше. Без гроша денег, оборванные, они попадали в далекое Хреново (Костромской губ.) в церковно-учительскую семинарию. (В гимназии окончивших церковно-приходскую школу не принимали). Из среды „второклассников" вышли профессор Сорокин, педагог Коновалов, музыкант Лапин. Многие из второклассников впоследствии служили в Яренске на разных должностях. Во время Октябрьской революции многие из них стали передовыми борцами за Советскую власть, первыми большевиками-коммунистами.

Вот, приблизительно, в каком виде рисуется былое Гамской волости по рассказам старожилов.

СОДЕРЖАНИЕ:

Страницы.

От редакции . . . . . 3— 4

Раскопки Археологической Экспеции Коми Края . . . . 5— 28

Богословский, Н.—О былых разбойниках в Коми Крае и об атамане их Суханове, по прозванию „Шипича“ . . . 29— 53

Мартюшев, А. М.—Коми народ, как об'ект Московской завоевательной политики в XIV—XV веках . . . . . 54— 79

Коми-морт—Очерки Зырянской охоты . . . . . 80—100

Икс.—Очень близкая задача . . . . . 101—104

Чукичев, Ф.—Отличительные черты характера Коми . . . 105—108

Старцев, Г.—Прошлое Гамской волости . . . . . 109—112

Ответственный Редактор А. Ф. Богданов.

Редакционная Коллегия { *Д. А. Батиев.* *А. М. Мартюшев.* *Н. А. Соснин.*

Замеченные опечатки:

Страница:	Строка:	Напечатано:	Следует читать:
5	6 и 9 сверху	Карамыльк	Кармыльк
„	6, 18 и 23 „	Карабив	Карыб-ив
11	5 снизу	таблипа	таблица
25	15 сверху	реки Турьи (приток реки Вычегды)	курьи *) р. Вычегды
32	5 „	вырежаясь	выражаясь
„	12 „	челобитню	челобитную
46	3 снизу	литературенам	литературе нам
48	6 „	обяснить	об'яснить

*) Курья—речной залив.

Ред.

136

ЦЕНА 1 РУБ.

Адрес Редакции и склад издания:
г. Устьсысольск, Коми Автономной Области
Республиканская, 1.